

Комбриг Г. ИССЕРСОН

ЭВОЛЮЦИЯ ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА

*ВТОРОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1937

Комбриг Г. Иссерсон — «Эволюция оперативного искусства». Рассматривая основные вопросы оперативного искусства в историческом и теоретическом разрезе, в частности, критически разбирая оперативное наследие прошлого (эпохи Наполеона, эпохи франко-прусской войны 1870 — 1871 гг. и эпохи империалистической войны), автор намечает контуры решения оперативных вопросов в условиях будущей революционно-классовой войны, когда основной формой операции явится глубокая операция сокрушения. Труд содержит некоторые дискуссионные положения и должен послужить толчком к дальнейшей проработке ряда выдвинутых автором положений. Труд рассчитан в основном на старший и высший комсостав РККА и слушателей академий.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Второе издание этой работы выходит через четыре года после ее появления.

За это время произошли, разумеется, огромные изменения.

Если бы наша работа преследовала цели конкретного оформления прикладной теории ведения современных операций, — она требовала бы, естественно, значительных исправлений.

Но именно такой цели она себе не ставила и не ставит. Она сохраняет характер исторического и теоретического обоснования новых форм вооруженной борьбы в оперативном масштабе. Этот характер освободил ее от необходимости коренных изменений. Принципиальные линии, выведенные из условий исторического развития, имели своей целью предусмотреть перспективы и условия новой эпохи военного искусства в целом.

Всем ходом событий за прошедшие четыре года, ознаменовавшиеся новым, огромным ростом вооруженных сил на европейском континенте, эти линии в основном получают еще большее подтверждение. Большие, многомиллионные, сильно оснащенные техникой армии не имеют других перспектив своего применения на современных полях гигантских сражений, кроме обозначившихся в концепции глубокой операции.

Во всяком случае эта исторически обоснованная концепция не встретила и не встречает каких-либо принципиальных возражений. Со все большей определенностью она проникает в военно-теоретическую мысль современных официальных военных писателей.

В этом отношении особенно показательны высказывания германской фашистской военной печати.

Генерал Людвиг пишет в «Militär wissenschaftliche Rundschau»¹ о глубоком вступлении в современную операцию тремя оперативными эшелонами.

¹ № 2, март 1936 г.

Генерал Эрфурт в том же журнале¹ критикует старые основы линейного развертывания и пишет:

«Несоразмерное стремление вширь приводило к пренебрежению требованиями глубины эшелонирования и к принципиальному отказу от резервов при наступлении.

Мировая война доказала, что в таком линейно развернутом генеральном сражении на широком фронте почти невозможно менять направление главного удара или изменять уже принятое решение. Тонкие линии наступающего, а также обороняющегося становились жесткими, неповоротливыми и негибкими...

Требуется отказ от линейной стратегии недавнего прошлого и эшелонирование сильных оперативных резервов, как при наступлении, так и при обороне... в маневренной войне близкого будущего мы представляем себе крупные соединения, расчлененные в ширину и в глубину».

С наименьшей определенностью высказывается французская военная мысль.

В своем высоко интересном труде «Deux manœuvres» генерал Луазо пишет, что следует располагать большими силами не только при вступлении в операцию, но на длительный период обеспечить их непрерывный приток из глубины. Глубокое эшелонирование сил является поэтому — по его мнению — основным требованием.

Глубокое построение операции и оперативная глубина полей сражений — все больше признаются характерными для современных условий.

Во всяком случае все идет к этому, и жестоко наказан будет тот, кто этих исторических перспектив не сможет или не захочет предусмотреть.

Наша эпоха многомиллионных армий и высокой военной техники — есть эпоха глубокой стратегии и глубокой операции.

Нужно, однако, иметь в виду, что мы пишем об операции, которую еще никто никогда не проводил. Мы оперируем при этом такими средствами борьбы, применение которых в бою и операции еще никто не испытал.

Наша исследовательская работа в области оперативного искусства этими условиями существенно отличается от подобных работ в прошлом, когда такие военные исследователи, как Шлиффен, Шлихтинг, Бернгарди всецело строили свою оперативную теорию на изучении исторического опыта последних

¹ № 4, июнь 1936 г.

войн, оперируя данными, достаточно известными и испытанными.

Этот исторический путь исследования остается обязательным и для нас и лежит в основе нашей работы.

Однако, в условиях величайшей революционной эпохи нашего социалистического строительства, когда мы создали общество и армию, которые еще никто никогда не создавал, когда небывалый рост наших производственных возможностей каждый день и каждый час дает материальные ценности совершенно новой эффективности, — опыт прошлого сохраняет для нас лишь то значение, которое история имеет вообще и всегда.

Мы оказались бы бессильными разрешить задачи современности, если бы не вышли за пределы этого опыта, если бы не переоценили его под углом зрения новых условий нашей эпохи, если бы не отбросили безжалостно все то, что нетерпимо устарело и отжило свой век.

Все наше строительство есть строительство революционное. Область нашего военного искусства ощущает это чрезвычайно резко.

В исследовании форм современной вооруженной борьбы мы стоим перед совершенно новыми задачами, которые опытом прошлого еще никогда не ставились и не разрешались.

И в этом заключаются естественные трудности. Еще очень много нужно сделать, чтобы точно и определенно регламентировать основы ведения современной вооруженной борьбы в оперативном масштабе. Необходимость такой регламентации определяется самим существом глубокой операции, как сложной системы применения боевых усилий в одном централизованном, едином взаимодействии по фронту и в глубину, на земле и в воздухе.

Нужно еще глубже проникнуть в исследование тактических перспектив современного боя, ибо исход операции решается непосредственным воздействием на противника в тактическом масштабе. Одни оперативные формы борьбы ничто, если они не несут в себе всепоглощающей мощи непосредственного тактического удара.

Этим объясняется, что второе издание труда мы сочли необходимым дополнить новым разделом — отдельным очерком об исторических корнях новых форм боя.

Наконец, мы считаем необходимым еще раз оговорить, что данная работа не рассчитана служить каким-либо прямым руководством к действию. Достаточно обоснована нелепость такого

преподания проблем оперативного искусства, которым можно руководствоваться как готовой схемой и рецептом. Само существо оперативного искусства предполагает полную свободу методов и форм, которые должны быть выбраны каждый раз в соответствии с данными конкретными условиями обстановки.

Все положения, выдвигаемые нами в области современного оперативного искусства, нужно понимать как ориентирующую идею, которая только в определенной реальной обстановке и в зависимости от нее может получить то или иное конкретное оформление.

Поэтому настоящая работа дала бы отрицательный эффект, если бы выдвигаемым ею положениям вздумали приписывать значение готовой для руководства схемы. Такой схемы в оперативном искусстве существовать не может. Речь идет о том, чтобы установить основное, принципиальное отличие условий нашей эпохи и новых форм глубокой операции от военного искусства прошлого. Только это значение следует придавать выдвигаемым в настоящем труде положениям.

Г. ИССЕРСОН

Москва, май 1936 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

На крупных поворотных пунктах истории, когда в грандиозной борьбе ниспровергаются старые социальные устои и строится новое общество, явления вооруженной борьбы как продолжения политики подвергаются коренным, принципиальным изменениям.

В эволюции военного искусства наступает тогда революция. По-иному и новому заставляет она ставить и решать все основные вопросы организации и ведения вооруженной борьбы пролетариата.

В пересмотре основ старого военного искусства и разрешении ряда новых проблем современности наше марксистское военно-научное исследование находит огромное поприще работы.

Труд «Эволюция оперативного искусства» представляет собой попытку такого исследования о характере операций будущей войны.

Новая тема, еще мало исследованная, ставится в историческом и общетеоретическом разрезе, дабы на этой основе разрешить следующую задачу — построить прикладную теорию современного оперативного искусства.

Труд предполагает, таким образом, в дальнейшем конкретное и расчетное оформление выдвигаемых положений.

Разумеется, что работа носит исследовательский характер и не может претендовать на полное и окончательное решение проблемы.

Предполагается наоборот, что ее широкое обсуждение вызовет в области оперативного искусства дальнейшее развертывание нашей военно-теоретической мысли.

Это в значительной степени оправдало бы назначение труда.

Г. ИССЕРСОН

Москва, 16 октября 1932 г.

ОПЕРАТИВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО

1. Пути развития нашего оперативного искусства

Современное оперативное искусство как учение о ведении операции стоит перед рядом новых проблем. В этой области остается еще много неисследованного и неразрешенного.

Колоссальные изменения в технике, вооружении и боевых порядках, нашедшие свое отражение в эволюции тактики, еще далеко не достаточно учтены теоретической мыслью в масштабе борьбы на вооруженном фронте в целом.

Современная операция разворачивается в совершенно иных политических условиях, на совершенно иной материально-технической базе и не имеет еще достаточно конкретной перспективы построения военных действий и развития их оперативных форм.

Весь опыт последних войн, столь богатый в тактическом отношении, скрывает еще под покровом неизвестности подлинный характер будущей операции.

Положение это усугубляется тем, что мировая война не дала в сущности ни одной операции, которая могла бы по праву считаться оперативным решением проблемы достижения победы.

Отдельные частные операции, достигшие своей цели действительного разгрома противника, например, при поражении армии Самсонова, не сыграли ведь сколько-нибудь значительной роли в общем разрезе войны.

А 1918 г., с его грандиозными мертвыми схватками, не решил проблемы преодоления фронта в оперативном мас-

штабе и явился апофеозом туника, которого достигло военное искусство эпохи империализма.

Мировая война закончилась под знаком неразрешенных трудностей организации и проведения наступательной операции.

Эти трудности определялись большой оборонительной силой позиционного фронта, падением в последние годы войны моральных сил бойцов, превосходством средств обороны над средствами наступления, необходимостью огромного сосредоточения средств подавления, сложностью организации и ведения наступательных действий и пр., иными словами, в военном отношении они полностью локализовались в области тактики.

Это оказало огромное влияние на ведение всех операций 1918 г.

«Тактику необходимо было поставить выше стратегии», — говорит Людендорф. И действительно, — наступали не там, где это требовалось соображениями оперативной целесообразности, а там, где это было возможно по тактическим условиям. Развивали удар не в том направлении, где это обещало оперативный результат, а в том, где фронт наиболее легко тактически продавливался. Германское наступление в марте 1918 г. является наиболее разительным тому примером. Позиционное бытие войны властно определило оперативное сознание. Преодолеть новые условия борьбы оказалось не под силу. А главное, — со все большей силой нарастали классовые противоречия в обоих империалистических лагерях.

Для того чтобы новый боец нашел в себе достаточные силы преодолеть сопротивление противника в открытом наступлении, нужно было, чтобы в массах проснулась классовая воля; чтобы классовые противоречия вылились в открытую вооруженную классовую борьбу; чтобы война империалистическая превратилась в войну гражданскую.

Наша гражданская война 1918—1921 гг., с ее сокрушительными, глубокими ударами вплоть до конечного разгрома противника, положила, несомненно, начало новой эпохе в истории военного искусства и резким образом изменила весь характер вооруженной борьбы.

«Революционные войны, — говорит Клаузевиц о войнах Французской революции, — перевернули вверх дном все старые штучки и погнали от Шалона до самой Москвы». Не

нужно быть Клаузевицем, чтобы, изменив последние слова в направлении с востока на запад, понять весь подвижный характер нашей революционно-классовой войны.

Однако, оперативное содержание наступившей новой эпохи в отношении вождения крупных войсковых масс, богато оснащенных современной техникой, для будущего еще далеко не раскрыто.

Изменения, происшедшие за период, отделяющий нас от конца гражданской войны, неизмеримы по своему значению.

Они заставляют уже по-иному ставить вопрос о соотношении качественной силы средств обороны и средств наступления, обнаруживая явную тенденцию к перевесу последних.

В этих условиях проблема преодоления огневого фронта получает для нас новое значение возможности его «пролома» на всю глубину.

В сущности вся наша творческая мысль в области военного дела направлена к тому, чтобы разрешить эту проблему.

Как в капиталистических странах после мировой войны, так и у нас после гражданской войны эволюция военного искусства протекала на различной классовой основе под знаком изыскания новых тактических форм наступления и применения новых технических средств борьбы.

За короткий период после мировой войны, являющейся целой эпохой в области военного искусства, тактика претерпевает большие изменения, чем за полвека до мировой войны. За это время перерабатываются и вновь издаются все уставы; в несколько лет создается новая тактика.

Небезынтересно отметить, что так быстро тактика меняется впервые в истории развития военного дела.

Пруссия вступила в войны 1866 и 1870 гг. с уставом, изданным в 1847 г. и изменила его лишь в 1888 г. В 1908 г. германская армия получила новый полевой устав, с которым вступила в мировую войну. Таким образом, за долгий период — 70 лет — немцы сменили свой устав лишь два раза.

В период бурного социалистического строительства мы издали Временный полевой устав в 1925 г., затем заменили его постоянным полевым уставом в 1929 г. и ныне выпускаем новый полевой устав. Таким образом, за десятилетие выходит уже третий полевой устав.

Этот бурный темп уставного творчества, закономерный в условиях колоссально прогрессирующей техники, является всеобщим явлением в развитии военного дела после мировой войны.

Однако, он отразил и предопределил развитие военного искусства, главным образом, в плоскости тактики.

Проблемы борьбы на вооруженном фронте в целом и ведения военных действий в оперативном масштабе были отодвинуты на задний план и лишь в последние годы начинают вновь привлекать внимание военно-научного исследования.

Правда, большой интерес литературы вызывают общие вопросы ведения войны в рамках политики, стратегии и экономики. Но практические вопросы ведения военных действий на вооруженном фронте, вопросы техники ведения современной операции находят в литературе самое слабое и бледное отражение.

В первые годы после мировой войны германцы идут в своей печати не далее разбора операций мировой войны. Создав после войны 1870—1871 гг. богатую военную теорию, они на первых порах только пережевывают учение Шлиффена. Их военный писатель Гренер дает в этом отношении, правда, много интересного, но вряд ли столь же много нового.

Во Франции появляется «Стратегия» Кюльмана, которую склонны были считать последним словом учения об операции. Между тем Кюльман не развертывает цельной оперативной системы, освещая лишь ряд отдельных вопросов с ней связанных; а главное — его перспектива на будущее далеко не полно предусматривает преломление всего нового в оперативном масштабе.

Целый ряд буржуазных военных писателей пытается заменить сколько-нибудь научное построение теории ведения операции далеко не всегда обоснованным фантазированием в области перспектив будущей войны; но эти писания, отражающие классовый характер противоречий современного капитализма, лучше всего показали, как мало исследованы еще научной теорией проблемы современного оперативного искусства.

И лишь в последние годы, когда приход к власти германского фашизма создал непосредственную угрозу небывалой еще по своим размерам войны, в иностранной литературе

появился ряд новых трудов о характере современной вооруженной борьбы.

О будущей войне пишут много. Военные писатели (Людендорф, Фуллер, Иммануэль, Мецш, Рэкен, Рокко Моретта, Бастико и др.) каждый по-своему пытаются приоткрыть завесу над характером будущей войны и строить прогноз.

Среди новых трудов подчас много интересных мыслей, но еще больше общих рассуждений.

Главной темой является вопрос, «как будет выглядеть будущая война». Меньше всего речь идет об исследовании и обосновании конкретных форм операций современной войны. Заметное исключение составляет французский генерал Луазо, который в своем труде «Deux manœuvres» в практическом разрезе пытается разрешить ряд вопросов о современной операции.

В целом прогноз о будущей войне не выдвигает, однако, в иностранной литературе сколько-нибудь ярких, принципиально новых положений.

Наша военно-научная мысль на базе величайшего революционного строительства развивалась своими путями.

В исследовании форм современной вооруженной борьбы мы должны были смело ставить и решать ряд новых вопросов. В их постановке наша литература имеет очевидные преимущества.

Труд т. Триандафиллова «Характер операций современных армий» занимает, несомненно, видное место в литературе о современной операции. По объему затрагиваемых вопросов, по характеру их постановки эта работа развертывает целую оперативную систему, решающую ряд важных проблем в их практическом разрезе.

Нужно, однако, иметь в виду, что перед своей трагической гибелью т. Триандафиллов резко менял свои взгляды по ряду принципиальных вопросов. Его пытливый ум строил на базе наших новых достижений уже иную, далеко заглядывающую вперед перспективу. Жестокий случай не дал ему возможности развить свою новую систему оперативных взглядов. А между тем жизнь далеко ушла вперед.

В итоге учение о современной операции находится еще на недостаточном уровне и остается наименее разработанным отделом военного искусства. То обстоятельство, что это происходит не впервые в истории, вряд ли может служить утешением.

В условиях капитализма теория военного дела систематически отставала от практики, и это в первую очередь отражалось на вопросах оперативных. Тактика — это в значительной степени практика, поверяемая уже на учениях и маневрах. Ведение операции — это в мирное время больше теория, не поддающаяся опытной проверке. Гораздо легче, разумеется, применить новое средство в более узких рамках, чем организовать массовое его использование. Тактика поэтому неоднократно опережала оперативное искусство. Но на современном этапе такое положение наименее допустимо. Совершенно изменившиеся условия борьбы на вооруженном фронте, новый человеческий материал и новые средства борьбы властно требуют новых путей и форм их использования в массовом оперативном масштабе, в котором количество переходит в совершенно иное качество.

До эпохи империализма при сравнительно ограниченном количестве вооруженных сил (прусская армия в 1870 г. — 500 000 человек) вопросы ведения операции не приобретали значения самостоятельной теоретической дисциплины, так как целиком разрешались в рамках разработки данного конкретного плана войны. Все вопросы, возникшие перед Мольтке при подготовке войны 1870 г., получили решение в его практической разработке развертывания против Франции.

Сейчас, при массовых армиях, качественно разнородных средствах борьбы, чрезвычайно сложной технике, огромной глубине колонн, трудности развертывания их в боевой порядок, при сложности тыла и целом ряде усложняющихся факторов, ведение операции выдвигает проблемы, решение которых не укладывается в рамки данного конкретного плана развертывания и требует подведения общей теоретической базы.

В своей практической работе оператор нуждается сейчас в определенной теории ведения операции.

Оперативное искусство, как учение об операции, приобретает поэтому значение важнейшей дисциплины для практики оперативной работы и вождения крупных войсковых соединений.

Актуальность проблем оперативного искусства обуславливается и другими предпосылками. Совершенно очевидно, что глубокие изменения в области техники и тактики вы-

зывают не менее глубокие изменения в области ведения операции.

«Изменения характера тактики,— говорит Клаузевиц,— должны влиять и на стратегию. Если тактические явления в данном случае имеют иной характер, чем в другом, то должны измениться и явления стратегические; иначе они не будут последовательны и разумны».

Эта очевидная закономерность не всегда понималась. В эпоху Мольтке — при новом огневом вооружении и изменившейся тактике — к ведению сражения подходили все еще с точки зрения военного искусства Наполеона. Мольтке явился в этом отношении большим реформатором, поняв новые условия и требования своего времени.

Однако, в 1914 г. ведение операции по своим формам и методам недалеко ушло от эпохи Мольтке.

Все факторы вооруженной борьбы выросли количественно и изменились качественно. Однако, оперативное управление ими не претерпело никаких качественных изменений. Да и сейчас, если вдуматься в построение операции, как оно обычно представляется, трудно усмотреть какие-либо принципиальные изменения.

Корпуса выстраиваются в одну линию, назначаются полосы наступления, ставятся задачи по рубежам... Но ведь так это делалось и в 1914 г., а если углубиться дальше, то и в эпоху Мольтке!

Оперативное искусство оказывается нетерпимо консервативным. Между тем условия нашего времени и 1914 г., не говоря уже об эпохе Мольтке, являются совершенно несоизмеримыми. Изменился весь арсенал основных факторов вооруженной борьбы. Новое вооружение, новая тактика, новый боец — все это неизбежно вызывает крупнейшие, принципиальные изменения в области ведения операции.

Ведь совершенно очевидно, что перемена заводского оборудования и введение в эксплуатацию новых машин коренным образом меняют весь производственный процесс и организацию всего производства. В области военной это, разумеется, предопределяет и иную организационную структуру войсковых организмов.

Ведение современной операции подлежит под этим углом зрения самому серьезному пересмотру и не только под углом зрения материальных факторов борьбы и нового

бойца, что было бы совершенно недостаточно. Операция есть орудие стратегии, а стратегия — орудие политики. Поэтому операция не является высшей ступенью вооруженной борьбы. Она сама — элемент, подчиненный войне в целом.

«Из новых явлений в области военного искусства, — выписывает т. Ленин из труда Клаузевица, — следует только самую незначительную часть приписывать новым изобретениям и новым идеям; большинство же — новым общественным отношениям и новым общественным условиям» (Ленинский сборник, XII, стр. 421).

Совершенно изменившиеся общественные условия, иная социально-политическая среда, иная экономика и иной характер нашей будущей войны как войны революционно-классовой вызывают, разумеется, и иной характер самой операции. В определении этого характера мы находимся в наиболее выгодных условиях. Марксистско-ленинское учение о войне вносит полную ясность в вопросы характера вооруженной борьбы. А ряд партийных документов и постановления Коминтерна блестящим образом конкретизируют это учение применительно к отдельным проблемам будущей войны.

«Грядущая мировая война, — читаем мы в постановлениях VI конгресса Коминтерна, — будет не только механизированной войной, во время которой будут использованы громадные количества материальных ресурсов, — но вместе с тем войной, которая охватит многомиллионные массы и большинство населения воюющих стран».

Так разрешается конгрессом Коминтерна один из основных вопросов об удельном весе техники и масс в будущей войне, а значит, и в операциях этой войны.

Только на основах марксистско-ленинского учения о войне может быть построена теория нашего оперативного искусства.

Итак, целая сумма факторов совершенно нового качественного содержания — иные социально-политические условия, иной арсенал технических средств борьбы, новые тактические формы боя, наконец, огромное практическое значение теории ведения операции и настоятельная потребность в ней — определяют основы развития нашего оперативного искусства.

При этом следует иметь в виду, что оперативное искусство как учение о ведении операции — дисциплина чрезвычайно молодая. Она ведет свое происхождение в сущности с периода после мировой войны, когда она впервые заняла самостоятельное место в ряду военных дисциплин.

До мировой войны военное искусство включало в свой объем два основных отдела: стратегию как учение о войне и тактику как учение о бое. В этой двухчленной системе опять-таки сказалось большое отставание военной теории от практики.

Эволюция форм вооруженной борьбы уже во второй половине XIX в. не укладывалась в понятия одной только стратегии и тактики; она вышла за их пределы. Вооруженная борьба породила целую цепь боевых событий, растянутых по фронту и расчлененных в глубину, которые выросли из рамок боя и потому не могли быть объяты содержанием тактики; но они не обнимали и явления войны в целом, вследствие чего не рассматривались стратегией как учением о войне.

Таким образом, в теории между стратегией и тактикой произошел крупный разрыв, который, однако, в практике вооруженной борьбы был уже давно заполнен реальными явлениями огромного размаха и содержания.

Эти явления потребовали нового понятия, которое под названием оперативного искусства как учения об операции только после мировой войны заняло свое самостоятельное место в новой трехчленной системе деления военного искусства на стратегию как учение о войне, оперативное искусство как учение об операции и тактику как учение о бое.

Но, недавно оформившись в самостоятельную дисциплину, оперативное искусство стоит на сегодняшнем этапе своего развития перед задачей коренного пересмотра всего учения о ведении операции.

Так часто бывает в развитии военного дела: самое молодое, едва родившись, оказывается уже устаревшим.

Наша оперативная мысль не может застыть на опыте мировой войны. Изнурительная система сражений на истощение, не решившая проблемы оперативного пролома фронта, «ползучие» темпы наступления, потребовавшие в 1918 г. от союзников четырех месяцев для оттеснения германцев всего на 100 км, не могут служить единственной

исходной базой для построения нашей теории ведения операции.

Исходя из революционно-классового содержания нашей будущей войны как решающего столкновения исключających друг друга миров, мы в нашей военной теории должны идти гораздо дальше и требовать значительно большего.

Наступившая эпоха пролетарских революций, построения социализма и революционно-классовых войн предопределяет, несомненно, наступление и новой эпохи военного искусства.

«Действительное освобождение пролетариата, полное устранение всех классовых различий и полное обобществление всех средств производства...предполагает создание нового способа ведения войны», — говорит Энгельс (Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, т. XIII, стр. 491—493).

Перед нашей оперативной доктриной стоят величайшие задачи, которые не были и не могли быть решены империалистической войной: это — преодоление фронтальности, ведение глубокого наступления, ломающего и проламывающего огневой фронт на всю его оперативную глубину, и, наконец, нанесение смертельных, сокрушительных ударов с целью окончательного и полного разгрома противника.

В этих условиях основной задачей нашего оперативного искусства является *обоснование и построение теории глубокой операции сокрушения*.

2. Эволюция оперативного искусства до мировой войны

Построение теории оперативного искусства чрезвычайно сложно по тем путям, которые должны быть для этого выбраны.

«Новый метод стратегии еще никогда не рождался, как Минерва из головы Юпитера, — говорит Шлихтинг, — он возникает из условий эпохи и из предоставляемых последней боевых средств».

Все факторы нашей современности в их социально-политическом, экономическом и военно-техническом значении дают, таким образом, исходный материал для определения характера операций будущей войны.

Эти факторы не могут, однако, рассматриваться только в статике наступившей эпохи. Тенденция их развития, важная для определения характера вооруженной борьбы, может быть усмотрена и понята лишь в динамике исторического процесса.

Чтобы уяснить себе конкретный характер современной операции, нужно установить предпосылки и условия, вызвавшие ее зарождение и определившие ее эволюцию до сегодняшних дней. Этот исторический подход выявит и предпосылки, определяющие дальнейшую эволюцию оперативных форм вооруженной борьбы на настоящем этапе их развития.

В историческом разрезе явление, известное сейчас под названием операции, очень наглядно обнаруживает свои основные признаки, которые определяют эволюцию его характера.

Ведение войны в эпоху Наполеона состояло схематически из двух основных этапов, далеко не равномерных по своим измерениям в пространстве и времени. Этими этапами являлись: большой, длительный поход, порождавший длинную операционную линию, и завершавшее его на одном месте короткое сражение. Клаузевиц это образно выразил словами: «Поле сражения перед лицом стратегии не более, как точка; точно так же и продолжительность сражения сводится к одному мгновению». И действительно, по отношению к длинной операционной линии сражение эпохи Наполеона было одной точкой в пространстве и одним мгновением во времени.

Эту эпоху военного искусства можно по праву назвать эпохой *стратегии одной точки*, так как вся задача полководца сводилась к тому, чтобы все свои силы одновременно сосредоточить к одному пункту и бросить их в сражение, представлявшее собой одноактное тактическое явление.

Для такой схемы военного искусства эпохи Наполеона были, разумеется, свои материальные предпосылки.

Огонь был в то время очень мало эффективен и удельный вес его был незначителен. Основным фактором воздействия на противника был непосредственный удар живой силой. Это требовало выстраивания всей массы войск перед полем сражения одной сплошной массой глубоких ударных колонн, которые породила Французская революция с ее новым бойцом, горевшим энтузиазмом борьбы.

Вполне понятно, что из такого сосредоточенного положения становился возможным лишь массированный удар по внутренним линиям. Этот удар и промил фридриховский линейный боевой порядок.

Концентрированное сосредоточение перед полем сражения вызывалось в то время и состоянием материальных средств борьбы.

Характерное отличие боевых условий эпохи Наполеона заключалось в том, что тогда видели (нормально на 3 — 4 км) дальше, чем стреляли, так как ружье стреляло всего на 200 м, а пушка — на 1 200 м. Дальность огня значительно уступала дальности зрения. В этих условиях стороны могли сходиться к полю сражения и разглядывать друг друга, но воздействовать огнем они еще не могли.

Это обстоятельство и объясняет, почему в эпоху Наполеона не мог зародиться встречный бой, развивающийся непосредственно «с подхода»; для встречного боя требуется, чтобы стороны имели возможность воздействовать огнем, как только заметят друг друга на подходе.

Таким образом, пауза между подходом к полю боя и боем была в эпоху Наполеона обусловлена ограниченной дальностью огня и обеспечивала предварительное выстраивание в боевой порядок еще до завязки боя и перед полем сражения.

Этим определялось чрезвычайно важное и характерное отличие военного искусства эпохи Наполеона. Оно заключалось в том, что сражение как конечная точка, венчавшая длинную операционную линию, отнюдь этой последней не предопределялось, органически из нее не выливалось и разыгрывалось как отдельный тактический эпизод. Это явственнее всего видно на примере Итальянского похода, завершившегося своеобразным сражением у Маренго, и походе 1812 г., с венчавшим его сражением у Бородино.

Итак, сражение эпохи Наполеона было одноактным тактическим явлением; оно не имело измерения в пространстве, потому что в его масштабе оно являлось точкой; оно не имело измерения во времени, потому что в его масштабе являлось мгновением; оно не имело глубины, потому что велось на месте; и, наконец, оно разыгрывалось как самостоятельный тактический эпизод, органически не вытекавший из всего похода. В этих условиях военное искусство

Наполеона еще не знало операции в современном понимании этого слова.

Основные признаки операции тогда, несомненно, отсутствовали.

Сражение являлось компетенцией одной тактики как самостоятельного учения о бое.

Правда, каждая историческая эпоха беременна новой и выявляет уже новые тенденции и новые формы в их зачаточном виде.

Так, и в эпоху Наполеона можно уже усмотреть первые признаки новых форм вооруженной борьбы, выраставшей из рамок одного сражения.

Это видно из примеров Ульма, Регенсбурга, Лейпцига и 1814 г.

Уже исследуя события 1812-го года, Клаузевиц писал: «...ушли в прошлое те времена, когда на поле сражения можно было смотреть, как на единый акт, в котором победа одерживается одним ударом...».

Однако, не эти новые проявления были характерны для эпохи Наполеона.

Для нее была характерна длинная операционная линия, венчавшаяся точкой как самостоятельным тактическим эпизодом. В этих условиях стратегия имела своей основной задачей одновременно сосредоточить все силы к одному полю сражения и уступала свое место тактике, когда это сражение начиналось.

Это положение Клаузевиц выразил словами: «Коль скоро неприятель приблизился настолько, чтобы дать общее решительное сражение, — время стратегии прошло и она может отдыхать».

Это положение, надолго распространившее свое влияние, сыграло большую консервативную роль для совершенно изменившихся условий и встало в принципиальное противоречие с вскоре зародившимся явлением операции.

Во второй половине XIX в. все условия, которыми определялось военное искусство Наполеона, коренным образом изменились.

Расцвет промышленного капитализма, введение всеобщей воинской повинности на базе новых производственных отношений буржуазного общества и технический прогресс на основах развившейся промышленности создали новые предпосылки для развития военной системы.

Огромную роль сыграло введение скорострельного нарезного оружия.

Вооруженный ружьями Дрейзе прусский батальон эпохи Мольтке мог уже выпускать 4 000 пуль в минуту. Дальность была, правда, еще ограниченной (300—400 м), но вскоре выросла до 1 000 и 1 300 м (французские «шаспо»).

Введение же нарезной крупновской пушки сразу увеличило дальность огневого воздействия до 3,5 км.

В этих условиях удельный вес огня значительно возрос, огонь стал основным фактором воздействия на противника и положил начало эпохе огневого истребления.

Но тактика огня вступила в крупное противоречие с глубокой колонной Наполеона, которая не давала возможности применить все огневые средства и вместе с тем представляла собой наибольшую мишень для огня. Если основным фактором боя становился огонь, то это требовало выдвижения в одну линию возможно большего количества огневых единиц, дабы все они могли быть введены в дело.

Вся эволюция тактики во второй половине XIX в. пошла по линии развертывания глубокой колонны в широкую линию огня и впоследствии в стрелковую цепь.

Сосредоточение масс перед полем сражения в глубоких, сомкнутых колоннах удара должно было рассосаться в широкое линейное развертывание, но уже на новой качественной базе возросшей силы огня.

«Если не хотели сознательно ограничить число сражающихся бойцов, то должны были неизбежно прийти к рассыпному строю и распространению фронта», — говорит Шлиффен¹.

Впрочем, еще долгое время консервативная тактика стремилась к тесному нагромождению масс на узком пространстве. Однако, «солдат оказался толковее генерала», — говорит Энгельс, — и здравым смыслом пришел к широкой линии огня.

Это обстоятельство тактического значения немедленно же отразилось на характере вооруженной борьбы в целом, вызвав стремление к более широким боевым порядкам.

«В глубину проигрывают больше, чем выигрывают, на сужении фронта, — учил уже Мольтке, — две дивизии, которые идут рядом в 7—10 км одна от другой, легче и луч-

¹ Ш л и ф ф е н, О войне будущего.

ше могут оказать взаимную поддержку, чем если одна дивизия идет в затылок другой».

К распространению действий в ширину привел в то же время другой новый фактор XIX в., имевший крупнейшее значение. Этим фактором явились железные дороги, которые ускоряли сосредоточение армии на театр военных действий, но вместе с тем по начертанию своей сети неизбежно собирали ее в различных районах на значительном фронте.

Те 300 000 человек, которые Наполеон еще легко вел и выстраивал в одной концентрированной массе, Мольтке развернул в 1866 г. против Австрии, в трех отдельных армиях на фронте в 400 км. Это было, правда, обусловлено начертанием железнодорожной сети и конфигурацией богеградской границы. Однако, и в 1870 г. против Франции развертывание прусских армий заняло в исходном положении фронт до 100 км, который затем, с движением вперед, возрос до 150 км.

Это расширение линии фронта казалось в то время совершенно невероятным и подвергалось противниками Мольтке жестокому осуждению. Консервативная теория возвела основы военного искусства Наполеона в незыблемый канон и вечный принцип и не могла уяснить условий и требований новой эпохи.

Противники Мольтке — и Бенедек и французские маршалы (Базен и Мак-Магон) — стремились все еще сжать свои армии на узких пространствах в тесных массах и каждый раз захлестывались более широким огневым фронтом пруссаков.

В войнах второй половины XIX в. боролись по существу две эпохи военного искусства и две военные школы. Преимущество, разумеется, должна была иметь та, которая учла новые условия своего времени.

Это могло, однако, сыграть свою роль лишь потому, что войны, ведшиеся Пруссией во второй половине XIX в., имели исторически прогрессивный характер и что «война 1870 — 1871 гг. была продолжением буржуазно-прогрессивной (десятилетиями тянувшейся) политики освобождения и объединения Германии. Разгром Наполеона III и свержение его ускорили это освобождение...» (Ленин, О программе мира. 25 марта 1916 г.).

С тех пор военное искусство перешло к широкому развертыванию сил в одной линии, и армии стали выступать на театр военных действий широким линейным фронтом.

Это было наступлением новой эпохи в эволюции военного искусства — *эпохи линейной стратегии*.

При этом не численный рост вооруженных сил привел непосредственно к широкому развертыванию, ибо прусская армия 1866—1870 гг. по численности еще отнюдь не превосходила армии Наполеона, а новые материальные факторы — средства борьбы и железные дороги.

Новые огнестрельные средства — вот тот исходный фактор, который вызвал к жизни широкую линию, перешедшую в широкое развертывание и линейную стратегию. Это является лучшим подтверждением положения Энгельса, что «ничто в такой степени не зависит от экономических условий, как армия и флот», что «вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от путей сообщения».

С наступлением эпохи линейной стратегии в схему событий, разыгравшихся на театре войны, включился ряд новых явлений, не укладывавшихся больше в рамки одного поля сражения как одной точки и выросших, следовательно, из рамок тактики.

Поскольку армии стали вступать в борьбу широкой линией, боевые усилия оказались рассредоточенными по фронту, и сражения стали завязываться не в одной точке, а в различных точках распространившегося фронта.

Основным отличием характера вооруженной борьбы во второй половине XIX в. было то, что одна точка эпохи Наполеона распалась на ряд отдельных раскинутых в пространстве точек.

Это, правда, не был еще сплошной фронт; это был прерывчатый фронт отдельных точек приложения боевых усилий.

Война 1866 г. началась тремя отдельными боями (Гичин, Траутенау и Наход), раскинутыми на фронте 100 км.

Война 1870 г. началась двумя крупными сражениями (Шпихерн и Верт), одновременно разыгравшимися на удалении 60 км одно от другого.

Стратег Мольтке был поставлен перед совершенно новой проблемой объединения и направления тактически не

связанных и в пространстве рассредоточенных боевых усилий для достижения общей цели разгрома противника.

Это обстоятельство было первым характерным признаком того явления, которое в современной терминологии известно под названием операции.

И, как известно, Мольтке еще в очень малой степени справился с этим явлением. «Величайшему стратегу,—говорит Шлихтинг,—нехватало полного понимания того, как объединить действия отдельных армий на театре войны».

Между тем новым в боевых явлениях второй половины XIX в. оказалось не только распространение их по фронту.

Вместе с измерением в ширину, по фронту, появились и первые, правда в зачаточном виде, признаки измерения в глубину, а следовательно, и измерения во времени, чего эпоха Наполеона еще совершенно не знала, так как тогда сражения разыгрывались буквально на месте, в продолжение всего лишь нескольких часов.

Появление второго измерения боевых действий — измерения в глубину — имело свои определенные объективные предпосылки.

Во второй половине XIX в. при значительно возросшей дистанции огневой действительности дальность огня сравнялась с дальностью зрения. Оказалось возможным поражать противника огнем, как только он становился видимым, ибо при среднем рельефе видимость простирается обычно на 3—4 км, а такую же дальность имела и новая нарезная пушка (3,5 км).

Но за первыми выстрелами из головы колонн, ставших друг другу видимыми, стали немедленно следовать вторые и третьи.

«Лишь только одна пуля оставила канал ствола, как за ней тотчас же следовала другая», — пишет Шлиффен¹.

Огневой бой стал завязываться с марша и неизбежно вытягивал из глубины подходившие колонны. При первых выстрелах в авангарде колонны начали теперь спешить, и о перерыве между походом и боем больше никто не думал.

Это обстоятельство создало уже совершенно иные условия завязки боя.

¹ Ш л и ф ф е н, О войне будущего.

Предварительное сосредоточение к бою, как во времена Наполеона, оказалось невыполнимым.

Всякий бой стал завязываться непосредственно с марша. Этим и объясняется возникновение встречного боя, ставшего возможным в современном понимании именно во второй половине XIX в., когда возросшая дальность огня сравнялась с дальностью зрения.

Этого, правда, долго не понимали; консервативные прусские генералы заботливо вели в 1866 г. артиллерию в хвосте колонны на положении обоза и хотели предварительно выстраиваться к бою по наполеоновским заветам. Однако, объективный ход событий, обусловленный новым оружием, оказался сильнее, и инициатива завязки боя перешла уже от генерала к головной походной заставе. Вместе с тем, возникая с марша, бой стал протекать уже не на месте, а в известном движении, получив первые признаки глубины, правда, еще незначительной.

Еще более важным обстоятельством оказалось то, что эта тактическая глубина сразу выросла из рамок боя и получила признаки глубины оперативной.

Скоротечный бой удара превратился во второй половине XIX в. в тягучий бой огня и получил значительно большее измерение во времени.

Сражения эпохи Мольтке длятся уже 10—12 часов. При этом они уже не дают решающего исхода, как в наполеоновские времена. Огонь оказался неспособным решать свои задачи одним боевым актом, на одном рубеже. На исходе одного сражения противник еще не оказывался полностью разгромленным; он последовательно отходил назад, организовывался на новом рубеже и принимал новое сражение.

Таким образом, цепь боевых усилий расчленилась в глубину.

В войну 1870 г. вокруг Меца последовательно во времени разыгрались уже три сражения (Коломбей — Нуилли, Марс-ля-Тур и Гравелот — Сан-Прива). Ход событий занял всего 6 дней, и за это время 2-я прусская армия совершила захождение левым крылом, пройдя всего 90 км. Эта интересная система сражений, расчлененных в глубину, содержала уже все признаки современной операции.

Она слагалась из отдельных боевых усилий, которые Мольтке должен был объединить в пространстве и времени для достижения общей цели.

Такой же характер имели Седанский марш-маневр, длившийся уже 10 дней и потребовавший прохождения в глубину до 150 км.

Таким образом, во второй половине XIX в. раскрылось новое глубинное измерение боевых явлений, правда, еще в зачаточном виде.

Война 1870 г. (до падения Второй империи) насчитывает в глубину всего четыре звена, представлявших собой самостоятельные сражения (Шпихерн — Верт, Метц, Седан и Париж). Это была еще цепь отдельных, между собой не связанных боевых усилий. Их финалом большей частью являлось еще одно сражение, находившееся по своему масштабу в довольно близком родстве со сражением наполеоновских времен. Ряд распространившихся в пространстве точек часто приводил еще к одному общему пункту (Кениггрец и Седан). Стратегия все еще могла считать своей основной задачей одновременное сосредоточение всех наличных сил к одному месту. Отличие заключалось, однако, в том, что это сосредоточение производилось из широкого развертывания и, значит, с различных направлений, приводя к концентрическому охвату противника.

Характерным для эпохи линейной стратегии стал концентрический маневр по внешним, сходящимся линиям, породивший «Канны» в оперативном масштабе.

Этот маневр с различных направлений приводил еще, правда, к одному сражению. Однако, боевой финал эпохи Мольте содержал в себе уже принципиальное отличие от прошлого века.

Он уже не разыгрывался как отдельный тактический эпизод, независимый от длинной операционной линии.

Когда бой начал завязываться с похода и перерыв между ними выпал, сражение стало органически выливаться из марш-маневра и предопределяться его построением. Поход непосредственно переходил в бой, а марш-маневр естественно перерастал в сражение. План последнего скрывался уже в построении первого.

Те же прусские корпуса, которые при развертывании 1866 г. заняли крайнее фланговое положение в удалении 400 км друг от друга, под Кениггрецом замкнули охват и сблизилась на 4—5 км. В этих условиях план развертывания содержал уже план предстоящих действий. А так как возможности изменения начальной группировки были очень

ограничены, то линия выстроенных корпусов не могла быть существенно изменена в ходе наступления.

В то время как Наполеон мог свой марш строить вне зависимости от предстоящего сражения, так как имел возможность перед вступлением в него принять соответствующий боевой порядок, Мольтке должен был уже в основу развертывания и марш-маневра класть определенный план поражения противника.

В его эпоху построение военных действий требовало уже перспективы и предвидения сражения, т. е. придавало этим действиям тот характер, который присущ понятию современной операции.

Мольтке должен был уже строить перспективу развертывания до сражения включительно.

Для полководческого искусства его эпохи стерлась грань между походом и боем, между марш-маневром и сражением, между стратегией как тактикой театра военных действий и тактикой как ведением боя.

Вожделение армий на театре военных действий должно было непосредственно перерастать в ведение сражения, т. е. обнять ту сферу компетенции, которую включает современное оперативное искусство.

Вместе с тем отличительный признак стратегии наполеоновской эпохи — отдыхать, когда завяжется сражение, — отпал и встал в резкое противоречие с новыми условиями вождения войск.

Этого еще долго не могли понять. Слишком прочно укоренились основы военного искусства Наполеона, возведенные в незыблемый принцип. Накануне Седанского сражения управление армиями выпало из рук Мольтке; и только инициатива подчиненных начальников увенчала марш-маневр решительным исходом сражения.

Сквозь консерватизм военной теории новые явления и новые условия второй половины XIX в. еще долгое время не могли пробиться в сознание. И в начале XX в. Леер строил еще свою догматическую систему стратегии на основах наполеоновского военного искусства. Между тем уже в войнах 1866 и 1870 гг. военные действия раскрыли свой новый характер: они распространились по фронту, расчленились в глубину и органически вырастали из всего развертывания, т. е. обрели как раз те основные признаки, которыми определяется понятие операции.

Войны второй половины XIX в. явились исходным историческим рубежом, на котором зародилась операция и было положено начало эволюции ее характера.

3. Эволюция оперативного искусства в мировую войну

Эпоха империализма предоставила широкое поле дальнейшему росту основных признаков операции — ее распространения по фронту и расчленения в глубину.

Экономика империализма с ее борьбой за рынки, источники сырья и приложение капитала сделала войну за передел мира неизбежным результатом политики господствующих классов, вызвав колоссальный рост вооружений и численности армий.

Этот процесс расширения всей военной системы обусловил дальнейшую эволюцию военного искусства на рубеже XX в., но в свою очередь сам определялся ее новыми требованиями.

Из опыта войны 1870 г. прусская военная доктрина вывела заключение, что при возросшей силе огня нельзя помогаться решению фронтальной атакой. «Попытки чисто тактического прорыва в будущем почти неосуществимы», — заключал по опыту 1870 г. Шлихтинг.

К этому выводу привели результаты сражения у Гравелот — Сан-Прива, — этого первого примера атаки огневого укрепленного фронта, атаки в ее диком, необузданном виде. Тогда уже стало ясно, что средства огневого истребления несравненно сильнее в обороне, чем в наступлении.

Небывалые потери наступающего, его безуспешные атаки и в то же время падение оборонительной линии от одного появления незначительной группы войск на ее фланге заставили сразу отказаться от фронтального наступления.

Оно было признано невозможным потому, что вообще не считалось необходимым.

Оставалось еще много свободного места для маневра, и всякая позиция могла быть обойдена. В эпоху Мольтке это еще очень мало понимали. «И только поздно вечером, — пишет Шлиффен, — появлялась руководимая скорее случаем, чем планом, дивизия на фланге и в тылу противника и бессознательно поучала собравшихся начальников, как со времен Леонида нужно овладевать сильными позициями».

Вся эволюция военного искусства после войны 1870 г. протекала под знаком перенесения решения с фронта на фланги. Из этого положения Шлиффен ведет всю нить своего учения.

Тем самым линейная стратегия получила еще большее стремление к расширению фронта.

«В основе решает широкий фронт, — пишет Шлиффен, — делая возможным охваты и естественно предполагая более могучую и многочисленную армию...

Современное сражение сведется к борьбе за фланги... И в этой борьбе победит тот, чьи резервы будут находиться не за центром, а на крайнем фланге».

По этому пути пошла вся эволюция военного искусства на рубеже XX в. Стремление к удлинению своего фланга и расширению фронта требовало увеличения численности армий и как нельзя лучше обеспечивалось их ростом в эпоху империализма.

В 1914 г. германцы выступили с двухмиллионной армией, превзойдя свою армию 1870 г. в четыре раза.

Состязание военных систем капиталистических стран перед войной 1914 г. заключалось, в сущности, в возможно большем распространении своего фланга, чтобы достигнуть охватывающего положения.

Линейная стратегия достигла своего высшего расцвета и должна была привести к сплошному линейному фронту. Наряду с этим процессом продолжалась и техническая эволюция средств борьбы. Новое качество огнестрельного оружия придало боевым событиям несравненно большее напряжение.

Уже в эпоху Мольтке огневые средства могли поражать противника, как только он становился видимым.

За период с 1870 до 1914 г. дальность огня претерпела, в сущности, незначительную эволюцию. Для пехотного вооружения она возросла с 1 200 до 2 000—2 500 м, оставаясь, однако, практически на прежнем уровне. Для легкой полевой артиллерии она возросла с 3,5 до 5—6 км, что не внесло принципиальных изменений. Что же касается полевой тяжелой артиллерии, то она, правда, получила дальность до 11 км, однако, количественно мало представленная, не могла оказать существенного влияния на увеличение дальности боевых дистанций.

Эволюция огневых средств борьбы пошла на рубеже

XX в., главным образом, по линии увеличения скорострельности.

В этой области были достигнуты огромные результаты. Количество выстрелов в одну минуту показало следующий рост:

	в 1870 г.	в 1914 г.	Примечание
Винтовка	5	12/10	Числитель—теоретическая скорострельность, знаменатель—практическая скорострельность.
Пулемет	0	500/250	
Пушка	2	20/12	

Сплошной линейный фронт превратился вместе с тем и во фронт сплошного огня огромной силы. Это было полным расцветом эпохи огневого истребления, наступившей уже во второй половине XIX в. с введением нарезного оружия.

Становилось очевидным, что предстоят события величайшего размаха и напряжения, кардинально меняющие все условия вооруженной борьбы и вступающие в еще большее противоречие со старой консервативной военной теорией, корнями уходившей еще в наполеоновскую эпоху.

«Полный переворот во всей военной системе, — писал тогда Энгельс, — вызванный включением всего способного к военной службе в миллионные армии, введением огнестрельного оружия небывалой до этого силы, решительно положил предел бонапартистскому периоду войны, сделав невозможной какую-либо иную войну, кроме неслыханной по своей жестокости мировой войны с совершенно неподдающимся учету исходом».

Ближайшие события эпохи империализма это сразу подтвердили и выявили возросший размах вооруженной борьбы.

В русско-японскую войну сражение под Мукденом протекало уже на фронте в 150 км и длилось 3 недели.

Основные признаки операции — распространение боевых усилий в пространстве и времени — по своим количественным показателям чрезвычайно возросли.

В 1914 г. германские армии развернулись против Франции на фронте в 340 км. Такой же широкой линией выстроенных корпусов они перешли в наступление и вели Марнское сражение на фронте в 250 км. При этом харак-

тер фронта существенно отличался от прерывчатой цепи отдельных, раскинутых в пространстве точек эпохи Мольтке. В 1914 г. это был сплошной фронт слившихся в одну линию точек.

Характер распространения операции по фронту завершил тем самым свою эволюцию: точка эпохи Наполеона распалась на ряд отдельных точек в эпоху Мольтке, а в XX в. ряд отдельных точек слился в одну непрерывную линию.

Теперь вопрос заключался лишь в том, какого предела достигнет распространение всей линии фронта.

Вместе с тем концентрический маневр с различных направлений, предполагавший определенную свободу маневрирования в пространстве, стал мало пригодным для неповоротливого фронта XX в., занимавшего все пространство в полосе своих действий. Его заменил маневр захождения по внешним линиям всем протяжением фронта, ставший характерным для наступившей эпохи.

Концентрические маневры с различных направлений были осуществимы теперь лишь на отдельных, частных театрах войны, оставлявших еще достаточную свободу для маневрирования. Они нашли место в Восточной Пруссии в начальный период войны 1914 г.

Сплошной фронт в пространстве повлек за собой и дальнейшую эволюцию второго признака операции — ее расчленения в глубину.

Дело заключалось не в увеличении протяжения операционной линии. В 1914 г. при наступлении на Марну эта линия имела длину в 400 км, но на такие же расстояния простирались и походы прежних веков.

Однако, новое качественное отличие заключалось в том, что в 1914 г. на всей глубине в 400 км разыгралась уже единая цепь боевых событий, объединенных общим замыслом оперативного плана. Это был ряд этапов в одной операции или ряд связанных последовательных операций, из которых каждая вытекала из предыдущей и порождала последующую.

Таким образом, глубина операции получила в войну 1914 г. новый качественный характер как единая цепь ряда связанных боевых событий.

Правда, эта цепь в глубину не была еще сплошной. Сражения занимали далеко не всю глубину и разыгрывались на отдельных ее рубежах.

Боевые события заняли за весь Марнский марш-маневр лишь 23% времени. На восточном театре войны этот показатель был еще меньше. Здесь в среднем на бои приходилось в августе 1914 г. 20,7% времени, а в сентябре — 5,5% времени.

Оперативное насыщение глубины боевым содержанием было, таким образом, еще ограничено, имея характер прерывчатого ряда сражений. Но качественно новым в этом явлении было то, что этот прерывчатый ряд составлял единую оперативную цепь.

Так сформировалась операция в начале XX в. как *цепь боевых усилий, сплошных по фронту, единых по глубине и объединенных общим замыслом разгрома противника или противодействия ему.*

Основной задачей оперативного искусства как учения о ведении операции стало объединение отдельных, тактически непосредственно не связанных боевых усилий в пространстве — по фронту, во времени — в глубину для достижения общей поставленной цели; иными словами — приведение всей цепи боевых событий в такую действующую, слаженную по фронту и в глубину систему, которая целеустремленно и последовательно ведет к разгрому противника.

Разрешение этой задачи поставило оперативное искусство перед новой сложной проблемой вождения армий, выстроенных сплошным фронтом в одной линии.

Можно было и ранее предвидеть, что в условиях империалистической войны, когда обе воюющие коалиции одинаково преследуют агрессивные, захватнические цели, вооруженная борьба примет жестокий, изнурительный характер и при известном экономическом равновесии сторон застынет в косных формах борьбы на истощение.

Целый ряд объективных предпосылок — огромная численность армий, колоссальная сила огня, империалистические цели войны, чуждые и враждебные борющимся массам, — вел по разным линиям именно к такой перспективе развития хода событий.

Еще в 1887 г. Энгельс писал о будущей войне:

«...Это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до девяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное трид-

цатилетней войной; сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент; голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой; безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите, — все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовой и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы, — только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса».

Эти гениальные слова Энгельса на 30 лет вперед предусматривали весь характер вооруженной борьбы империализма.

Конечное решение вопроса тем или иным способом ведения операций — в рамках империалистической войны вообще не могло быть достигнуто.

Но когда оперативное искусство эпохи империализма, осуществляемое представителями старого отмирающего класса, оказалось неспособным подняться до уровня новых требований своего времени и опиралось на консервативную военную теорию, корнями уходящую еще в наполеоновскую эпоху, ход вооруженной борьбы вскрыл свои противоречия гораздо скорее и ярче, показав все бессилие достичь хотя бы только оперативного решения даже в тех пределах, в которых это объективно было возможно.

Все новые факторы в эволюции характера операции ни в какой степени не были учтены. Для построения системы современного оперативного искусства существенно важно, чтобы это было вскрыто с предельной полнотой.

В эпоху Мольтке, когда армии не занимали еще сплошного фронта, их отклонение направо или налево, стягивание к одному направлению или, наоборот, расхождение по различным направлениям, наконец, их поворот всей массой в другую сторону были еще обеспечены достаточной свободой маневра.

В этих условиях стратег Мольтке имел широкое поле оперативной деятельности, требовавшей активного оперативного руководства в самом ходе событий.

Когда же развернувшиеся армии образовали сплошную линию и заняли всю полосу своего развертывания, маневрирование фронтом в пространстве путем изменения направления приобрело новое качественное отличие.

Требовалось высокое искусство управления, чтобы деятельным оперативным руководством обеспечить использование каждой конкретной обстановки для достижения действительного разгрома противника. Это могло быть достигнуто лишь ведением армий на крепких вожжах, удержанием одних и выдвиганием других с целью захождения их во фланг и тыл.

Это имел в виду Шлиффен, говоря, что современными армиями нужно руководить, как батальонами.

Эпоха линейной стратегии сплошного фронта отнюдь не исключала еще в его пределах оперативного маневра. Ломаная линия фронта, возникавшая в процессе боевых действий, давала для этого еще достаточные возможности.

Но оперативное искусство вождения оказалось неспособным подняться до уровня новых требований. Оно все еще питалось основами наполеоновской школы и в эпоху сплошных фронтов развертывания продолжало полагать, что ведение сражения не составляет сферы его компетенции, что с завязкой сражения оно может отдыхать. При таком подходе оперативному искусству не оставалось ничего другого, как опраничить свою деятельность группировкой сил и их нацеливанием на определенных направлениях.

Вся эволюция характера операции, показавшая, что уже в 1870 г. марш-маневр органически перерастал в сражение и что каждое сражение в новых условиях сплошного фронта боевых действий содержит в себе уже предпосылки для последующей операции, осталась вовсе неясненной. Поэтому и не было понято, что оперативное искусство в новых условиях требует действенного, непрерывного руководства на протяжении всей операции до сражения включительно.

В непонимании этого сказался закоренелый консерватизм военной теории, застывшей в исключительно важном вопросе управления войсками на уровне начала XIX в.

Все ведение операции в 1914 г. свелось к определению и нацеливанию группировок. Армии с самого начала по-

лучили свои дальние ориентиры и устремились к ним по определенным направлениям.

Это предлагал еще до мировой войны Бернгарди, говоря, что современные армии должны быть подобны выпущенным стрелам. Но, как известно, выпущенная стрела больше не поддается управлению, и так это и случилось с германскими армиями в 1914 г.

Армейские соединения оказались прикованными к определенным направлениям и были нацелены к своим дальним ориентирам без всякого учета той возможной обстановки, которая, возникнув на путях наступления, может потребовать совершенно иного решения.

Оперативное искусство, не соответствовавшее новым условиям ведения операции, породило в мировую войну стратегию дальнего прицела, основным отличием которой стало полное пренебрежение данными ближайшей обстановки.

Учет всей конкретной обстановки при завязке сражения, использование ее при его исходе не составляли предмета оперативной заботы на каждом данном этапе развития событий.

Мольтке учил:

«Каждое сражение является как бы этапным пунктом для новых стратегических решений...

Материальные и моральные последствия сражения так громадны, что в зависимости от его исхода создается всегда новая обстановка. Многое, что ранее имелось в виду, становится невыполнимым и наоборот — многое, на что прежде нельзя было рассчитывать, делается возможным».

Это несомненное положение было забыто.

Вне зависимости от исхода сражения, даже вне зависимости от того, где оно предстоит, армии устремлялись по своим определенным направлениям.

События разыгрывались в их объективном развитии без какого-либо влияния на них главного командования, которое уже постфактум узнавало об исходе сражения, успевшего к этому времени привести уже к дальнейшим последствиям.

Оперативное искусство устранило себя от действенного руководства ходом событий, предоставив их собственному течению на нацеленном направлении.

Операция стала неуправляемой, — в этом заключалось крупнейшее противоречие оперативного искусства, которое в 1914 г. вообще не нашло себе места в системе ведения военных действий. Исключив по наполеоновской традиции из сферы своей компетенции сражение, оперативное искусство осталось вообще не у дел и действительно отдыхало за все время Марнского марш-маневра.

Не найдя себе ни места, ни применения, германская главная квартира спряталась глубоко в тылу, и если бы ее в 1914 г. вовсе не существовало в природе, в историческом ходе событий мало бы что изменилось.

В итоге целый ряд благоприятнейших оперативных положений, буквально вкладывавших успех в руки германцев, был упущен.

Так, в пограничном сражении ушла от верной гибели 5-я французская армия, уже защемленная между Самброй и Маасом.

Германская главная квартира даже не утрудила себя оперативным разбором исхода пограничного сражения и совершенно безотносительно к возникшей обстановке писала 27 августа 1914 г. в своей директиве: «Германским армиям приказывается двигаться вперед по направлению к Парижу».

Это движение вперед превратилось в наступление вообще, в наступление дальнего прицела, пренебрегающее данной конкретной обстановкой, перепрыгивающее через нее и потому ведущееся по отношению к группировке противника впустую, огульно.

Дело фактически свелось к простому, механическому перенесению неизменной группировки в глубину пространства от Рейна до Марны.

Считалось достаточным вынести свои оперативные усилия вперед, как будто в этом заключается весь смысл операции. Действительная цель ее — разгром живой силы противника — была в оперативной перспективе утеряна.

Оперативное искусство было меньше всего занято конкретным решением вопроса, где и как бить противника; оно заменило его вопросом, куда и когда выйти.

Наступающий стал всем своим фронтом просто отбрасывать от себя того противника, которого надо было схватить, чтобы разгромить и сокрушить.

Разумеется, разгром живой силы противника стал в этих условиях невозможным.

Операция наступления превратилась в операцию оттапливания.

Так из линейной стратегии был выхолощен замысел сокрушения и уничтожения, который составлял ее основной смысл, когда она зарождалась во второй половине XIX в. И это стало первым признаком ее вырождения, обнаружив полное бессилие оперативного искусства эпохи империализма подняться до уровня новых требований вождения армий в XX в.

Консервативное влияние ложных методов оперативного руководства оказалось впоследствии настолько укоренившимся, что в совершенно отличных условиях революционно-классовой войны и с совершенно иной армией было полностью повторено наступление выпущенной стрелы.

Наш поход 1920 г. к Висле, который еще раз в широком размахе воспроизвел явления линейной стратегии, находился по методам оперативного руководства в аналогии с походом немцев на Марну.

Опять армии были неизменно прикованы своей группировкой к определенным направлениям на огромной глубине в 600 км; опять были даны дальние ориентиры и допущено полное пренебрежение ближайшей данной обстановкой; опять велось огульное прямолинейное движение вперед безотносительно к данному создавшемуся положению, и опять оперативное руководство выключилось из хода сражения, «отдыхая» далеко в глубоком тылу.

В итоге — опять ряд упущенных блестящих возможностей. На Немане, Нареве и на р. Вкра 3-й конный корпус и 4-я армия занимали далеко выдвинутое уступом вперед положение. Но вместо того чтобы, используя ближайшую данную обстановку, повернуться во фланг и тыл противнику, где их ждала обильная оперативная жатва, они каждый раз, как выпущенные стрелы, нацеливались прямо вперед на дальние ориентиры, мимо оголенного фланга поляков.

В итоге — механическое перенесение неизменной группировки с Двины на Вислу и ярко выраженное огульное наступление «вообще», о котором товарищ Сталин говорит:

«Огульное продвижение вперед есть смерть для наступления»¹.

Смертный приговор был произнесен над линейной стратегией в тот момент, когда она выродилась в простое напирание сплошной стеной, перед фронтом которой уходящий противник мог свободно группироваться для нанесения контрудара; и тогда оказалось, что продвижение этой стены возможно вперед настолько же, насколько и неизбежно ее движение назад или падение от одного простого укола во фланг.

В этом сказалось все огромное противоречие оперативных усилий, застывших в своей группировке на одном неизменном направлении. Когда это случилось, оперативное искусство, не овладевшее оперативным смыслом происходящих событий, пришло в полную растерянность.

Теперь какой-либо Хенч как единственное воплощение всей системы оперативного руководства должен был решать то, что стало по существу неразрешимым.

Ведь изменения в группировке армий, ввязавшихся в сражение на всем фронте своих действий, можно было достичь, лишь изменением соотношения сил на отдельных направлениях.

Но для этого требовалось питание фронта из глубины и наличие глубоких резервов. Однако, линейная стратегия потому и была линейной, что не имела и не признавала никаких оперативных резервов.

В духе наполеоновских времен сражение все еще рассматривалось как одноактное усилие, требовавшее одновременного ввода в действие всех наличных сил.

Все еще ссылались на авторитет Клаузевица, который писал:

«Все силы, которые предназначены и имеются налицо для выполнения стратегической цели, должны быть применены одновременно, причем их применение будет тем более совершенным и полным, чем больше все будет сжато в одном моменте».

Но то, что большой мыслитель верно устанавливал по опыту наполеоновских войн, оказалось совершенно неверным в XX в., когда операция стала многоактной и разрос-

¹ Сталин, Политический отчет ЦК XVI съезду ВКП(б).

лась в ряд последовательных, расчлененных в глубину оперативных усилий.

И когда на Марне и Висле потребовались по существу незначительные резервы, чтобы парировать занесенный удар противника, в распоряжении оперативного руководства не оказалось ни одной дивизии.

На этом высшем пункте развития событий с линейной стратегией было по существу покончено, ибо если оперативное искусство поставило себя в положение, при котором оно вообще бессильно что-либо сделать, — это значит, что наступила смерть.

И тогда, разумеется, вспомнили о старых поучениях и призвали на помощь тень Шлиффена. Решения нужно искать на флангах; успех будет иметь тот, у кого фланг длиннее, — в этом думали найти еще спасение и начали лихорадочный бег к морю.

При этом, однако, не учли, что противник может сделать то же самое и что удлинённые фланги, в сущности, лишь увеличат уже завязший фронт.

На этом этапе оперативное искусство встретилося в мировую войну с еще более неразрешимыми противоречиями.

Уже на заре XX в. при колоссальном увеличении вооруженных сил можно было предвидеть, что рост численности армий перегонит протяжение вмещающих их фронтов, которые имеют предел, положенный природой или географическим положением смежных стран. Стремление к всемерному распространению своего фланга в пространстве должно было при состязании обеих сторон неизбежно привести к своему естественному пределу.

На западном фронте в 1914 г. это случилось уже на втором месяце войны. Распространившись в пространстве на протяжении 700 км, фланги западного фронта нашли свои пределы на севере — на берегу моря и на юге — в нейтральной Швейцарии.

Дальше расширяться стало некуда. Распространение боевых усилий по фронту — этот первый признак операции — завершил в мировую войну свою эволюцию. Расширившийся фронт достиг природного, географического предела, дальше которого он, очевидно, расти не мог, если только море не собиралось высыхать.

Вместе с тем линейная стратегия пришла к своей противоположности. Ведь весь ее смысл заключался в расши-

рении фронта для достижения охвата, чтобы избежать фронтальной атаки. Эта возможность теперь исчезла; свобода маневра по фронту была потеряна, и, следовательно, линейная стратегия утратила основной смысл, который ее породил.

Она несла в своей эволюции все факторы, неизбежно приведшие ее к самоотрицанию. Ее идеолог Шлиффен этого не предвидел. Его учение о всемерном усилении и распространении охватывающего фланга, выраженное в идее «Канн» как высшем оформлении линейной стратегии, появилось тогда, когда дни этой стратегии были, в сущности, уже сочтены и когда в объективном ходе событий таились уже все признаки ее противоположности. «Канны» Шлиффена были, несомненно, написаны слишком поздно и выдающийся их автор должен был бы жить раньше.

Когда фронт стал против фронта, с линейной стратегией было, в сущности, покончено. Не оставалось ничего другого, как обратиться к прорыву.

То, что после войны 1870 г. было признано невозможным, стало в мировую войну необходимым. Случайная дивизия, появившаяся на фланге, не могла больше поучать, как со времен Леонида нужно овладевать сильными позициями, потому что не стало самого фланга.

И тогда пришлось вернуться к сражению 1870, г. под Гравелот — Сан-Прива и дикую, необузданную атаку превратить в планомерный прорыв укрепленной полосы. Так замкнулся круг эволюции. Он привел к большим фронтальным сражениям 1918 г. и создал новый этап в развитии вооруженной борьбы. Стало очевидным, что эпоха линейной стратегии завершилась и что решения проблемы прорыва надо искать на новых путях эволюции оперативного искусства.

В это время империалистическая война уже полностью раскрыла свой затяжной, изнурительный характер.

Подавляющей и самодовлеющей казалась задача преодоления огневого фронта. В своем тактическом содержании она была возведена в самоцель, и оперативное искусство, долженствующее организовать и обеспечить фронтальную атаку, было поставлено ей в услужение. Задача, несомненно, требовала того, чтобы было достигнуто превосходство средств наступления над средствами обороны.

Это было огромной технической проблемой, ставшей ак-

туальной уже с наступлением эпохи огневого истребления. Превосходство средств обороны над средствами наступления представлялось до мировой войны несомненным. Эта предпосылка явилась исходной для перенесения центра тяжести на фланги. Тем не менее Шлиффен был много занят тем, чтобы дать германской армии сильные средства наступления. Конкретно это выразилось у него в проекте формирования тяжелой артиллерии, которую германская армия первая ввела на вооружение полевых войск¹. Но и с этими средствами оказалось совершенно невозможным разрешить проблему соотношения средств обороны и наступления в пользу последних.

Все наступление к Марне нигде не преодолело огневого фронта и было способно только отодвинуть его назад. Операция сокрушения превратилась в операцию отодвижения, и это явилось одним из факторов вырождения линейной стратегии.

Когда же сплошные фронты нашли свой предел, соревнование средств обороны и средств наступления явилось основной осью, вокруг которой — вплоть до наших дней — стала вращаться эволюция технических средств борьбы.

В военно-техническом разрезе события мировой войны с конца 1914 г. исключительно интересны борьбой между средствами наступления и средствами обороны.

На первых порах соревнование решалось, несомненно, в пользу последних.

Основное средство огневого истребления — пулемет — гораздо легче, дешевле производить в массовом масштабе, чем артиллерийское оружие — основное средство подавления этого средства огневого истребления. Если количество пулеметов в дивизии возросло за 4 года мировой войны в среднем в 20 раз, то состав дивизионной артиллерии увеличился едва в два раза. Превосходство огня сохранялось на стороне обороны. Это потребовало огромного сосредоточения артиллерийских средств подавления.

Средняя норма была установлена в 60 орудий на 1 км фронта. Фактически она, однако, значительно превыша-

¹ Интересно отметить, что на докладной записке Шлиффена о введении тяжелой полевой артиллерии была сделана недоумевающая надпись: «Не хочет ли начальник генерального штаба тяжелую артиллерию превратить в возимую при войсках». На это Шлиффен лаконически ответил: «Всёконечно».

лась, достигая сосредоточения до 100 и более орудий на километр фронта.

Однако, и такое массирование артиллерийских средств подавления не могло в конечном счете решить вопроса преодоления огневого фронта. Действительно подавленным оказалось лишь передовое поле обороны; вся же глубина ее оставалась большею частью незатронутой. Артиллерия наступления была неспособна перенести свое огневое воздействие на всю тактическую глубину обороны, потому что она не поспевала за продвижением атакующей пехоты.

Вопрос упирался не в силу огня подавления, а в его подвижность, которая встретила непреодолимые препятствия в местности поля сражения, ставшей недоступной для конной тяги и колес.

Вся трагедия наступавшей пехоты заключалась в том, что после 3—4 часов успешной атаки из 100 поддерживавших ее орудий продолжали огонь лишь ничтожное количество. И тогда атака выдыхалась и замирала.

Стало очевидным, что проблема должна решаться не только по линии количественного увеличения известных средств подавления, но и по линии изыскания новых. Нужно было создать такое средство подавления огневых средств, которое, во-первых, было бы защищено от них, т. е. получило бы броню против пули, и, во-вторых, было бы подвижным на любой местности, чтобы проникнуть в глубину обороны, непосредственно подавлять и в упор расстреливать огневые средства истребления.

Эта вызванная требованиями обстановки идея была осуществлена в построении танка как комбинации двигателя внутреннего сгорания, гусеничного хода, брони и огневых средств. Самый факт появления танка имел огромное значение для разрешения проблемы превосходства средств наступления над средствами обороны.

Требование подавления всей тактической глубины обороны вызвало к жизни и другие средства борьбы: появились боевой самолет как транспортер огня по воздуху и отравляющие вещества, применение которых не знало траектории и достигало сразу пространственного охвата.

Колоссальный технический прогресс в годы мировой войны, вызванный новыми условиями позиционной борьбы и обеспеченный высоким индустриальным развитием, направ-

вил разрешение проблемы средств обороны и средств наступления по пути завоевания превосходства последними.

Это наметилось, однако, скорее теоретически. Практически атаки не удавались на первых порах и с танками. Причина заключалась в неумении тактически их применять и в низком уровне их боевого использования. Танк не сразу решил проблему преодоления огневого фронта. Первое тактическое решение было достигнуто германцами в 1918 г. даже без него. И лишь в конце войны новые средства наступления показали тактическую возможность «взлома» огневого фронта.

Но это произошло уже в условиях, когда на германской стороне война империалистическая перерастала в войну гражданскую и массы поворачивали оружие против своих господствующих классов. Вопрос о силе обороны должен был тогда вообще получить иную политическую оценку.

Тем не менее все данные для тактического решения проблемы преодоления огневого фронта были в последний период мировой войны налицо.

Однако, именно на этом рубеже оперативное искусство оказалось совершенно немоющим.

Занявшись всецело тактической организацией и материальным обеспечением прорыва, оно, в сущности, ликвидировало себя как искусство ведения операции. Само положение о том, что тактику необходимо было поставить выше стратегии, говорит об утрате оперативным искусством своего назначения.

Противопоставив себе тактику, оперативное искусство допустило совершенно нелепое противоречие с ней. Ведь тактика и оперативное искусство — явления одного порядка и лишь различных масштабов и динамики. Они не только сожительствуют в процессе военных действий, но органически перерастают одно в другое.

Если тактическое усилие не перерастет в оперативное достижение, оно становится, в сущности, бессмысленным. Тактическое усилие является лишь шагом к достижению цели и никогда не сможет стать самоцелью.

Но так это получилось в событиях 1918 г., и так понимается эта проблема часто еще и в наши дни.

Еще сейчас полк. Дюффур говорит об опыте 1918 г.:

«Непрерывный и укрепленный фронт перестал быть простой стеной, позади которой стратегический маневр может

развертываться со всей полнотой; он стал главной целью этого маневра»¹.

Вся проблема прорыва была сведена к тактическому взлому фронта. Весь вопрос решался лишь в тактическом масштабе. Венчание тактических усилий оперативным достижением совершенно отпало.

«Характерная черта прорывов в 1918 г., — пишет ген. Дюбёней, — заключалась в том, что предусматривалась только первая фаза — прорыв фронта; развитие же операции упускалось из вида»¹.

Оперативное искусство не обеспечило перерастания тактических усилий взлома фронта в полный оперативный пролом и разгром, — и в этом заключалось его банкротство в империалистическую войну.

Объединение тактических усилий по фронту — этот основной признак ведения операции — остался неразрешенным.

Боевые усилия вне всякой системы и связи рассредоточились в пространстве без какой-либо перспективы объединения их для достижения общей цели.

Наступающий в мертвой схватке бросался то на один, то на другой участок фронта и в лучшем случае в каждый из них вбивал по гвоздю. Этот образ действий, явно обреченный и не могущий привести к достижению решительных целей, был даже возведен в систему сражения на истощение с ограниченной целью и теперь еще преподносится часто как историческая необходимость в нашу эпоху и как наиболее совершенная теория прорыва укрепленного фронта.

В условиях империалистической войны для такой системы был, разумеется, целый ряд политических и экономических предпосылок.

В обстановке 1918 г. то или иное возможное ведение операции прорыва в конечном итоге вообще уже не решало исхода войны, хотя, несомненно, влияло на политическое, экономическое и военное положение сторон. Решение назревало по другим линиям.

Однако, политическая обреченность военных действий не предполагает еще их оперативной нелепости. Оперативное искусство заключается не только в том, чтобы объектив-

¹ Из лекций, читанных во французской академии.

ные условия учитывать, но и в том, чтобы, учтя их, в пределах объективной возможности преодолевать и ломать.

Система сражений на истощение оперативно вообще не могла решить проблемы пролома позиционного фронта и была потому бессмысленна. Что же касается истощения противника, то эта система скорее истощала наступающего, чем обороняющегося: это была бессмысленная система самоистощения, что наглядно видно из сравнения сил и средств, затраченных наступлением и обороной во всех прорывах 1916—1918 гг. . .

Применение этой системы выявило все бессилие зашедшего в тупик оперативного искусства и превратилось, в сущности, в бессмысленную систему вбивания гвоздей.

Но никакая стена не разрушится от того, что в нее начнут вколачивать гвозди. Чтобы свалить стену, нужно подрубить ее устои, т. е. через образовавшиеся щели подобраться под нее.

Здесь, однако, оперативное искусство оказалось еще более бессильным. Перспективы оперативного развития тактических усилий в глубину вовсе не были предусмотрены.

Оперативных эшелонов для развития прорыва не было, и в этом ярко сказалось косное влияние уже отжившей линейной стратегии.

Когда щель в позиционном фронте, действительно, открывалась, как в мартовском прорыве германцев в 1918 г., у наступающего не оказалось никого, кто мог бы через образовавшуюся брешь продлить удар в глубину, чтобы тактический взлом фронта превратить в оперативный пролом его и разгром. Все грандиозные усилия тактической организации прорыва, весь технический прогресс вооружения, все огромное сосредоточение сил и средств подавления оказывались, в сущности, напрасными, если тактический успех был бессилён перерасти в оперативное достижение.

С какой жестокой иронией должна была смотреть история на германское командование, когда 25 марта 1918 г. во время сражения в Пикардии фронт между англичанами и французами был прорван и образовался прорыв шириною до 15 км, в котором не находилось ни одного человека.

Генерал Куль в своей работе «Мировая война в решениях наших противников» пишет:

«Если бы конница прорвалась в широкий промежуток, образовавшийся... на стыке английской и французской армий, то она задержала бы перебрасываемые на автомобилях и по железной дороге французские дивизии, застигнув их врасплох, опрокинула бы подходившую без всякого прикрытия неприятельскую артиллерию и навела бы панику и ужас в тылу у французов и англичан».

Но, увы! Не было не только такой конницы, но вообще об использовании достигнутого тактического успеха и о развитии прорыва никто не думал. Паника и ужас в тылу прорванного фронта англо-французов не возникли. Наоборот, в порядке подоспевшие резервы вскоре закрыли образовавшуюся брешь, и осталось исторически непонятным, зачем она вообще была пробита.

Бессмысленно было взламывать дверь, если через нее все равно некому было войти. Но так это именно произошло со всеми прорывами 1918 г.

Империалистическая война не решила проблемы прорыва; она закончилась, не доказав возможности его осуществления в оперативном масштабе.

Если германский фронт в конечном итоге пал, то это событие выходило за пределы решения проблемы факторами чисто военного порядка.

Германский фронт рухнул в 1918 г. не столько извне, сколько изнутри — под влиянием могучего процесса революционизирования масс, который привел не только к крушению фронта, но и к свержению монархии.

Разумеется, на этот процесс оказало огромное влияние колоссальное экономическое превосходство Антанты в силах и средствах. Но оперативное искусство было тут не при чем. И даже после того, как германский фронт пал, так как потерял устойчивость обороны, союзникам пришлось затратить 4 месяца, для того чтобы оттеснить разложенные германские войска всего только на 100 км.

При этом Фош даже не собирался решить исход войны в 1918 г. и готовил общее наступление на следующий год. Но прежде чем началась решающая атака, германцы бросили свое оружие на поле сражения, и решение было достигнуто.

И после этого Кюльман имеет смелость заявлять: «В течение последних 4 месяцев войны французское командо-

вание показало, как должен вестись прорыв в современной войне и к каким результатам он приводит»¹.

Это бахвальство звучит жестокой иронией над той страданием, которой были охвачены генеральные штабы империалистических стран в последний период мировой войны.

Оперативное искусство этой эпохи оказалось бессильным решить новые проблемы, выдвинутые новым характером вооруженной борьбы. Оно застыло на уровне линейной стратегии и стало немоющим, когда эта стратегия пришла к своей противоположности. Проблема оперативного преодоления огневого фронта осталась неразрешенной.

С таким оперативным итогом подходим мы к сегодняшнему дню.

При совершенно ином политическом характере войны, с новой армией и на новой материально-технической базе наше оперативное искусство должно разрешить проблему, которая не была и не могла быть разрешена в условиях империалистической войны.

Линейная стратегия начала с блестящих решений в эпоху национальных войн второй половины XIX в.

В эпоху мировой империалистической войны 1914 — 1918 гг. она пришла к самоотрицанию.

И теперь, в наступившую эпоху революционно-классовых войн, должно быть найдено новое решение. В этом заключается огромная задача нашего оперативного искусства.

¹ К ю л ь м а н, Стратегия. Библиотека иностранной военной литературы, стр. 64.

ОБОСНОВАНИЕ ГЛУБОКОЙ СТРАТЕГИИ

1. Основы нашего оперативного искусства

«Всякая война должна быть рассматриваема прежде всего по вероятности ее характера и общих ее очертаний, основанных на политических величинах и отношениях. Только политика вправе занять верховное положение, из которого должны исходить главные линии, направляющие войну» (Клаузевиц):

Совершенно очевидно, что на новых путях эволюции нашего оперативного искусства необходимо прежде всего исходить из характера нашей будущей войны как войны революционно-классовой.

Являясь высшим проявлением классовых противоречий двух исключających социальных систем, эта война будет иметь характер решающего столкновения всемирно-исторического значения.

В истории борьбы народов и классов напряжение этой войны по радикальности ее целей достигнет, несомненно, высшего предела.

История ярко показывает, как нарастало напряжение войн с изменением их политического характера.

Французские революционные войны сразу подняли на борьбу огромные массы, достигнув небывалого до того размаха. Необычайным казалось современникам напряжение национальных войн второй половины XIX в. Обеспечивая выполнение целей политики, это напряжение было, однако, исторически еще незначительным. Борьба, которая велась за национальное объединение, не побуждала реакционную сторону к ведению войны до последних сил, на жизнь и на

смерть. Дело не доводилось до потери побежденной стороной своей государственной самостоятельности, так как такой исход не вызывался требованиями политики,— и в последний момент обычно легко достигалось соглашение¹.

Совершенно иное напряжение вызывала мировая война 1914—1918 гг. Реакционный империалистический характер борьбы за передел мира и мировую гегемонию, являясь продолжением обостренной экономической конкуренции капиталистических стран на последней стадии их развития, выдвинул цели полного экономического порабощения противной стороны и довел напряжение войны до небывалых в истории размеров.

Внутренние противоречия империализма привели, однако, к тому, что это напряжение, вызвавшее огромное ожесточение, на определенном уровне пробуждения классового самосознания пролетариата превратилось на восточном фронте в 1917 г. в свою противоположность и привело к революции, к братанию солдат, к укреплению международной солидарности трудящихся масс. Это было осуществлением великого лозунга Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую.

В национально-освободительных войнах напряжение борьбы обрело новое революционное содержание. Это вызвало новую силу напряжения, вытекающего из большого подъема поработанных народных масс, встающих на борьбу за уничтожение эксплуатации.

В наступившую эпоху социалистических революций и революционно-классовых войн сложная система социально-политических взаимоотношений предопределяет неизбежность трех типов войн: империалистических, национально-освободительных и революционно-классовых, характеризующихся соответственно и различным напряжением.

Высшего напряжения достигает, несомненно, борьба в гражданской, революционно-классовой войне. Являясь проявлением классовой борьбы на высшей стадии ее развития, эта война по антагонизму противостоящих классов, по противоположности экономических систем социализма и капитализма, по решительности своих целей, направленных к ниспровержению одной из сторон, исключаящих другую,

¹ Особенно наглядный пример дает тому исход австро-прусской войны 1866 г.

доводит напряжение борьбы до высшего исторического предела.

Завершая собой в истории последний этап войн, как социальных явлений, уничтожая самый институт войны, революционно-классовые войны представляют собой концентрированное выражение борьбы в ее высшем, предельном напряжении.

Разрешая величайшую проблему исторического прогресса — перехода к новому, коммунистическому обществу свободного труда, эти войны должны занять целый период и развернуться на огромной части земного шара. Наша гражданская война 1918—1921 гг. была только первым актом этих войн, и нам, несомненно, предстоят еще огромные события.

«...Долгий ряд войн, — говорил т. Ленин на VIII Съезде советов, — до сих пор решал судьбу всех революций, всех величайших революций. Такой величайшей революцией является и наша революция. Мы кончили одну полосу войн, мы должны готовиться ко второй» (т. XXVI, стр. 35).

В этой полосе войн речь идет не о разрешении каких-либо частных противоречий только между данными, вступившими в борьбу сторонами, а о разрешении исторического спора двух эпох, двух взаимно исключающих систем в мировом масштабе.

Эти войны разрешают всемирно-историческую проблему освобождения миллионных эксплуатируемых масс, и это историческое значение будущей войны предопределяет ее решающий характер, ее огромное напряжение.

Если в 1877 г. Энгельс писал о будущей империалистической войне, что «...это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы...», то трудно найти слова, чтобы охарактеризовать огромный, небывалый размах и напряжение революционно-классовых войн.

В эти войны будут втянуты огромные, миллионные массы¹.

Эти войны будут вестись на высокой материально-техни-

¹ Если буржуазные военные писатели (Зольдан, Сект, Фуллер) проповедуют теорию маленьких профессиональных армий, то это наилучшим образом раскрывает неразрешимые противоречия капиталистических стран в развитии их военной системы, но отнюдь не соответствует ее действительным требованиям на современном этапе. Именно фашизм выступил с наиболее резко выраженной программой массовых вооружений.

ческой базе, которая при современном уровне индустриального развития обогащает арсенал вооружений небывалыми по своей убойной силе средствами борьбы.

Эти войны потребуют колоссальных материальных ресурсов и огромного напряжения экономики.

Только один исход возможен в этих войнах — это гибель капитализма и торжество нового мира — мира социализма. Несомненно, никогда еще в истории борьба не велась для осуществления столь великих целей, и никогда еще ни одна армия в мире не была призвана к решению столь величайших исторических задач.

Таково именно призвание нашей Красной армии как первой классовой армии пролетарской диктатуры.

Этим основным исходным фактором исторического значения революционно-классовой войны и «общих ее очертаний, основанных на политических величинах и отношениях», определяется характер борьбы на вооруженном фронте, характер операций нашей будущей войны.

Об этой борьбе М. В. Фрунзе говорил:

«...При войне классовой, при войне гражданской — исходом может быть только полный разгром одной стороны; половинчатые решения, раз война началась, невозможны» (Собрание сочинений, т. I, стр. 400).

«...Из глубины тех противоречий, которые существуют между двумя исключаящими друг друга мирами, ясно, что такое столкновение, когда оно наступит, будет столкновением решающим. Это будет борьба не на живот, а на смерть. Это будет борьба до конца, до победы той или другой стороны» (Собрание сочинений, т. III, стр. 112).

Решающий характер столкновений предопределяет решающий характер военных операций. Это будут не вялые, затяжные операции на истощение с ограниченной целью, а в основном — активные, сокрушительные удары с решительной целью. К такому характеру операций ведут также и современные технические средства борьбы, быстроходные и подвижные, высоко активные в их боевом применении.

Наступательная сила борющихся сторон будет в этих решительных операциях, однако, далеко не равна.

С нашей стороны война против империалистических хищников исторически прогрессивна и потому справедлива. В ней мы разрешаем и защищаем цели всемирно-историче-

ского значения. Уже в гражданскую войну 1918—1921 гг. мы выступили как прогрессивный фактор мирового значения. О польско-советской войне Ленин писал:

«Советская Россия летом 1920 г. выступила не только как сила, обороняющаяся от насилия, от натиска польских белогвардейцев, — она выступила на деле как всемирная сила, способная разрушить Версальский договор и освободить сотни миллионов людей в большинстве стран мира» (т. XXV, стр. 419).

Эта всемирно-историческая роль дает нам в будущей войне наибольшую силу для ниспровержения классового врага, — силу, вытекающую из политических условий борьбы молодого, исторически прогрессивного класса против старого загнивающего мира капитализма. Прогрессивные, справедливые цели войны давали всегда огромную наступательную силу революционным армиям; это особенно ярко раскрыли действия армии Великой французской революции. Красная армия, являясь армией величайшей социалистической революции, уже в гражданскую войну 1918—1921 гг. показала свою большую наступательную силу. История показывает, что большие исторические задачи решаются в основе наступлением и что революционная армия должна быть воспитана в готовности к самым решительным наступательным действиям.

Еще в 1905 г. Ленин писал:

«Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает в последнем счете только сила; и мы должны позаботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее» (т. VIII, стр. 42).

Этот завет вождя остается основной директивой для развития всей нашей военной системы и на сегодняшний день.

Основы нашей военной подготовки, нашего оперативно-го искусства — это основы наступления.

Здесь нет противоречия с нашей политикой мира. Мы боремся и будем бороться всеми силами против войны. Наша политика мира неизменна. Известные слова товарища Сталина гласят: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому». И в этой решимости защищать первую в мире страну социализма кроется огромная активная сила, гото-

вая сокрушить и уничтожить всякого нападающего классового врага.

Весь смысл классовой борьбы превращает для нас прогрессивную войну в стратегическое наступление на всякого нападающего на нас врага и сокрушение его громовыми, уничтожающими ударами. Наша будущая война, являющаяся продолжением гражданской войны 1918—1921 гг. на новом этапе ее развития, может поэтому исходить только из основ *стратегии наступления и сокрушения*.

«Мы должны строить дело так, — говорит т. Ворошилов, — чтобы в предстоящей войне добиться победы малой кровью и войну эту провести на территории страны, которая первой подымет против нас меч» (из речи на IX Всесоюзном съезде ВЛКСМ). Этим определяются основы нашей оперативной доктрины решительного наступления — доктрины, о которой Полевой устав 1936 года говорит:

«Всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито всей мощью вооруженных сил Советского Союза с перенесением военных действий на территорию напавшего врага.

Боевые действия Красной армии будут вестись на уничтожение».

Эта руководящая статья Полевого устава дает основу для построения теории нашего оперативного искусства как искусства ведения уничтожающих наступательных операций с наиболее решительной целью полного ниспровержения противника.

Задачи нашего оперативного искусства заключаются в том, чтобы в новых исторических условиях, с новой армией, на новой материально-технической базе, с новым содержанием и в совершенно новых формах создать новые блестящие образцы военного искусства.

Великие цели войны не могут не вызвать столь же великих оперативных актов. И в этих исторических условиях стратегия уничтожения никогда еще не получала столь полного исторического обоснования и столь благоприятных предпосылок для своего осуществления.

2. Эволюция характера операций будущей войны

Основой построения теории нашего оперативного искусства является концепция наиболее решительной наступа-

тельной операции. Весь характер будущей войны говорит о грандиозном размахе этой операции, определяя тем самым и дальнейшую эволюцию ее основных признаков.

Историческое развитие характера операций показывает, что эволюция ее шла по линии двух основных признаков — распространения по фронту и расчленения в глубину.

Первый из этих признаков — распространение по фронту — получил свое конечное завершение уже в мировую войну 1914—1918 гг. Тогда уже вооруженная борьба заняла сплошной фронт слившихся в одну линию точек приложения боевых усилий и распространилась до возможного географического предела, далее которого она по фронту расширяться не могла.

Мы не имеем никаких оснований полагать, что в будущей войне в эволюции этого признака операции история повернет обратно. Мы не стоим и не можем стоять на точке зрения полной противоречий буржуазной теории о малых профессиональных армиях, которые могли бы, по мнению их апологетов, изменить этот признак в обратную сторону и привести опять к прерывчатому фронту отдельных раскинутых в пространстве точек приложения боевых усилий. История вообще назад не двигается, и мы должны предполагать скорее обратное, — что распространение операций по фронту, если оно только обеспечено географическими условиями, имеет в будущей войне тенденцию к еще большему росту.

Одна наша западная граница имеет протяжение в 3 000 км, и вся она — от берегов Северного Ледовитого океана до Черного моря — угрожаема в случае интервенции.

Вопрос, однако, не сводится к одной нашей западной границе, ибо наши дальневосточные границы в такой же степени угрожаемы. Несомненно, никогда еще стратегия не стояла перед таким огромным пространственным размахом возможного сплошного фронта борьбы. В этих стратегических условиях, разумеется, не может быть никакой речи о деградации признака распространения операций по фронту.

Переходя к оценке этого вопроса в оперативном масштабе, необходимо иметь в виду, что на 800 км советско-польской границы нам может быть противопоставлено в среднем по одной дивизии на каждые 10—12 км фронта. А так как этот участок стратегического фронта сокращается по мере отнесения с востока на запад, то на мери-

диане Вислы и Сана нам может быть противопоставлено уже по одной дивизии на каждые 6—8 км фронта. При этом необходимо учитывать, что непрекращающийся рост мобилизационного напряжения вызывает тенденцию к еще большему повышению этой оперативной плотности.

Разумеется, тактическая плотность может быть несравненно выше. Неравномерность занятия фронта, преследуя цели создания плотных ударных группировок, обуславливает в то же время наличие слабо или даже вовсе не занятых участков фронта. Это обстоятельство в сочетании с огромным протяжением нашей западной границы заставляет полагать, что на нашем западном театре военных действий на общем стратегическом фоне сплошного фронта могут еще, несомненно, оказаться отдельные оперативные окна. Оперативные фланги могут на нем еще найтись; а современные быстроходные и быстродействующие средства борьбы (мото-мехсоединения, конница и авиация) могут их, при искусном использовании, создавать своими активными действиями. В этом, в сущности, следует в начальный период войны видеть их основное оперативное предназначение.

Наши стратегические условия имеют некоторые общие черты с условиями франко-германского фронта в начале мировой войны 1914 г., когда свобода захождения правым крылом была для германских армий еще обеспечена.

Это означает, что предпосылки линейной стратегии для нас еще далеко не исчезли. Что же касается наших отдельных восточных театров военных действий, то эта стратегия найдет там еще свое полное применение.

Исторический процесс вообще не знает резких, точно обозначенных границ между двумя эпохами. Создав предпосылки для новых условий, он тем самым еще не устраняет полностью возможностей для старых и переходит от одних к другим в динамике диалектического перерастания.

Охватывающие маневры по внешним линиям в начальный период войны для нас еще далеко не исключены. Утверждение, что с первого дня войны наш фронт станет против фронта, является, несомненно, механическим перенесением на наш театр военных действий условий франко-германского фронта, где предпосылки для линейной стратегии охватывающих маневров можно, действительно, считать уже исключенными.

Однако, и мы должны во всей перспективе развития военных действий предусматривать неизбежность или по меньшей мере вероятность противопоставления фронта фронту с несравненно большими основаниями и гораздо скорее, чем это случилось с франко-германским фронтом в начале 1914 г.

Подойти с ясным предвидением к этому явлению, predetermined всему исторической эволюцией характера операции; подойти к нему во всеоружии мер противодействия, так, чтобы диалектическое перерастание охватывающего линейного маневра в глубокий фронтальный удар протекало одновременно с непосредственным переходом от одних оперативных методов действий к другим, — составляет, несомненно, основную и центральную задачу нашего оперативного искусства.

Чрезвычайно веские объективные предпосылки заставляют нас именно так строить оперативный прогноз.

Есть некая внутренняя закономерность в современном стратегическом развертывании. *Современное развертывание не терпит пустоты.* Занимается почти все возможное протяжение фронта.

Именно потому, что все ищут фланга и возможности его охватить; именно потому, что все опасаются возможного охвата оголенного фланга—развертывание стремится занять все протяжение фронта и фронт имеет тенденцию распространиться до предела. В итоге с развертыванием всех сил на театре военных действий пустых мест может не оказаться.

Слабые силы определяют в современных условиях лишь слабо занятый фронт; но все же фронт, а отнюдь не развертывание отдельными группами с оставлением пустых, не занятых пространств между ними.

Но и слабо занятые фронты опираются в современных условиях на подготовленные оборонительные линии и приобретают поэтому определенную силу сопротивления.

Совершенно очевидно, что при необходимости прибегнуть к обороне в современных условиях будут приняты все меры для превращения ее в укрепленный фронт. Современные возможности — заграждения, химия, механизация работ, быстротвердеющий бетон — дают для этого во всяком случае значительно больше предпосылок, чем в прошлом.

Укрепленный фронт возник в мировую войну в ходе

борьбы, как следствие линейных основ ведения операций и отсутствия пробивной силы удара.

Сейчас он во многих случаях готовится заранее, определяя условия характера операций, предшествуя их открытию и обуславливая их ведение.

Сплошной укрепленный пояс Мажино на франко-германской границе не оставляет в этом никаких сомнений.

И хотя Фдш после мировой войны писал, что: «Тот народ, который вступает в войну с надеждой на то, что в период развертывания своей армии он сможет спрятаться позади укрепленных окопов, — идет навстречу катастрофе», — тем не менее именно в укрепленных окопах многие ищут возможность предотвратить катастрофу.

В итоге противопоставление фронта фронту нельзя во многих случаях считать исключенным и с самого начала войны.

Наконец, широко развившиеся возможности оперативного маневра позволяют сейчас несравненно скорее, чем это было в мировую войну, удлинить свой фланг новыми силами и противопоставить обходящему противнику новую группировку.

Тогда во время германского наступления к Марне французам удалось перебросить на свой угрожаемый левый фланг под Париж лишь 11 пехотных дивизий и 6 кавалерийских. Сейчас при современных условиях железнодорожного транспорта и моторизации мы могли бы перед одним из центральных участков нашего западного фронта ожидать переброски в сравнительно короткий срок с одного фланга на другой до $\frac{1}{2}$ всех вооруженных сил, которые могли бы быть нам противопоставлены. При этом на службу оперативному маневру приходит еще авиатранспорт, сокращающий сроки новых сосредоточений до минимума.

Это обстоятельство, несмотря на осуществимость быстрого развития обходных маневров при современных средствах мото-механизации и авиации, обуславливает несомненную возможность противопоставления сплошного фронта такому же фронту наступления. При этом следует учесть, что и средства противодействия обходному маневру находят сейчас гораздо большие возможности и в авиации и в заграждениях.

«Фронт против фронта» не должен стать для нашего оперативного искусства в будущей войне непредусмотрен-

ной неожиданностью, как это случилось с германцами в 1914 г. Это скорее всего будет нормальным явлением в динамике перерастания решительного обходного маневра во фронтальный удар, который должен стать столь же решительным и рассчитанным на всю глубину расположения противника.

Эта проблема подводит нас к одному из основных вопросов современного оперативного искусства, к вопросу эволюции второго признака операции — ее расчленения в глубину.

Мы видели¹, что в маневренный период мировой войны в этом отношении еще не все было достигнуто: была, правда, цепь связанных сражений, но в прерывчатом ряде, занимавшем боевыми действиями еще далеко не всю глубину наступления. В грядущей войне характер операции будет претерпевать основную эволюцию по линии именно этого признака глубины. Мы, несомненно, должны считаться с огромным боевым уплотнением всей глубины действий. В сущности, уже в 1918 г., когда немцы в мартовском наступлении в Пикардии проникли в глубину противника на 60 км, когда объединенные войска Антанты в последние месяцы войны проникли в глубину германского фронта на 100 км, они на всю глубину этого наступления вели одно непрерывное сражение. Уже тогда боевые действия уплотнили всю глубину продвижения.

В будущей войне мы столкнемся с этой боевой глубиной, как с нормальным явлением. Это вытекает прежде всего из глубины оперативного построения современного боевого порядка. При этом имеется в виду не только организованная полоса обороны, а глубина оперативного построения в любой обстановке.

Непосредственно сражающаяся линия дивизий сама занимает тактическую глубину в 6—8 км. В 8—10 км за ней следует считаться с наличием ближайших войсковых резервов, образующих вторую линию. Еще дальше в тылу, на удалении 20—25 км от этих резервов, следует предполагать расположение в отдельных группах армейских резервов, образующих третью линию. Наконец, вся эта глубина оперативного построения опирается на расположенную еще дальше в тылу (в зависимости от условий в 25—50 км

¹ См. часть I. Эволюция оперативного искусства в мировую войну.

от третьей линии) железнодорожную линию базирования, на которую новые резервы могут прибыть в любое время.

Таким образом, современное оперативное построение боевого порядка простирается в глубину на 60—100 км. Если это построение перейдет к обороне, то, сохраняя ту же глубину, оно примет вид последовательно эшелонированных укрепленных полос. При этом нужно иметь в виду, что эта глубина может быстро питаться новыми резервами и до известного предела непрерывно поддерживаться, если бы ее передний край начал ломаться и пятиться назад; она может вновь нарастать за счет бросаемых из тыла и с других участков фронта подкреплений. Это обуславливается возможностями современной перманентной мобилизации.

Становится очевидным, что всю современную оперативную глубину придется преодолевать и проходить с непрерывным рядом боевых усилий. Каждый километр ее придется брать с боем.

Если боевые события заняли в Марнском марш-маневре лишь 23% времени, то теперь этот процент «боевого содержания» во всем течении событий приближается к 100. В начале мировой войны войска еще большую часть времени проводили в маршах и лишь меньшую — в боях. Теперь это соотношение кардинально меняется: войска будут большую часть времени проводить в развернутых боевых порядках и лишь меньшую — в маршах.

Это, разумеется, не исключает того, что противник может добровольно сдать часть территории. Тогда операция сможет развиваться скачками, сохраняя свою боевую глубину лишь на определенных рубежах. Однако, и эти перспективы сейчас значительно ограниченнее. Широко развитые в современных условиях возможности арьергардных боев, заграждения, химия, авиация заставят и эти оперативные пустыри проходить с большим тактическим напряжением. При этом, чем меньше глубина территории страны, тем ограниченнее возможности ее сдавать.

Поэтому как общая тенденция признак расчленения операции в глубину приобретает в будущую войну такое же полное развитие до своего конечного предела, какого достиг признак распространения операций по фронту в мировую войну.

Мы можем предполагать, что расчленение операции в глубину получит более полное развитие на западноевропейском театре войны и в меньшей степени — на нашем.

Тем не менее и для нас будущая операция явится по своей глубине уже не единой цепью ряда прерывчатых сражений, а сплошной цепью слившихся на всю глубину боевых усилий.

Это будет сплошным морем огня и борьбы, которое широко разлилось по фронту уже в мировую войну и которое разольется на всю глубину в будущую войну.

Несомненно, никогда еще в истории вооруженная борьба не достигала такого высокого боевого напряжения. Это напряжение является, в сущности, исторически-предельным, ибо после того как вооруженная борьба заняла весь возможный фронт действий, разлилась на всю его глубину и заняла все возможные плоскости борьбы на земле и в воздухе, — ей дальше распространяться негде и некуда.

Итак, основным в эволюции характера современной операции, определяющим ее новое огромное напряжение, является ее глубина.

Современную операцию нельзя себе представлять как одноактное оперативное усилие на одном рубеже пространства. Современное глубокое оперативное построение требует сплошного ряда непрерывных, сливающихся в одно целое оперативных усилий.

В оперативной терминологии это известно под названием ряда последовательных операций. Но это, в сущности, сейчас уже неверное определение. Ряд последовательных операций и есть современная операция, которая без признака глубины теряет сейчас свой основной смысл и становится исторически консервативным, не соответствующим новым условиям ее характера понятием.

Мы стоим перед перерастанием операции в новое измерение, измерение глубины, в котором ряд последовательных оперативных усилий сливается в одно общее понятие современной глубокой операции¹.

¹ В нашей литературе понятие о будущей операции часто определяется термином «пространственной операции». Это следует считать неточным. Всякое пространство имеет в одной плоскости два измерения — по фронту и в глубину. Предельного пространственного охвата по фронту операции достигли уже в

В настоящих условиях нужно говорить уже не о ряде последовательных операций, а о ряде последовательных стратегических усилий, о ряде отдельных кампаний одной войны.

Это обстоятельство огромного исторического значения в эволюции характера операции, коренным образом меняющее формы и методы ее ведения, говорит о том, что мы находимся на рубеже новой эпохи военного искусства и должны от стратегии линейной перейти к стратегии глубокой.

3. Соотношение средств наступления и обороны на современном этапе

Характер современной операции, ставящий всякое наступление перед необходимостью преодолевать огромную глубину огневого сопротивления, требует в первую очередь материальной обеспеченности соответствующими средствами наступления.

Как бы подвижны и маневренны ни были операции, в тактическом масштабе всякое соединение окажется в конечном итоге перед необходимостью ломать противопоставленный фронт. Тактически каждый бой сведется в конечном итоге к фронтальной атаке.

Атака все определяет, все завершает, все разрешает.

Разрешение этой основной проблемы определяется достигнутым на современном этапе производственного развития соотношением удельного веса средств наступления и обороны.

Теоретически этот вопрос был решен в пользу первых уже в последний период мировой войны; тогда же появились первые показатели его практического разрешения.

Однако, развернутой картины применения новых средств наступления мировая война не дала. Эксплуатация новых технических средств борьбы (танков и авиации) не достигла того эффекта, которого уже тогда можно было от них потребовать. Этот эффект не выходил из рамок узкого

мировую войну. Характерным для эволюции будущей операции является ее предельное пространственное распространение и в глубину. Ее характерное отличие, таким образом, лучше всего определяется понятием глубокой операции.

тактического использования и нигде не перерос в оперативный масштаб.

Между тем эволюция технических средств борьбы ушла далеко вперед, и современный танк и боевой самолет представляют собой качественно уже совершенно иное орудие борьбы, чем это было в 1918 г. Достаточно указать на эволюцию следующих основных показателей:

Танк	В 1918 г.	На современном этапе
Скорость хода	2—4 км/час	25—40—60 км/час
Радиус действия	40—50 км	300 км
Боевой самолет	В 1918 г.	На современном этапе
Мощность мотора	500—600 л. с.	3 000 л. с.
Бомбовая нагрузка	0,4 т	3—4 т
Скорость	120 км/час	400—460 км/час
Радиус действия	250—300 км	3 000—4 000 км

При этом современные данные отнюдь не являются предельным достижением и имеют тенденцию к непрерывному росту.

В этих условиях решение проблемы соревнования средств обороны и наступления в пользу последних получает еще большие перспективы.

В количественном отношении огневые средства останутся, разумеется, всегда сильнее в обороне, чем в наступлении. Пулемет и батарея в обороне будут всегда сильнее пулемета и батареи в наступлении. Это вытекает не из качества этих огневых средств, а из характера их целей в обороне и наступлении. Пулемет и батарея в обороне имеют своей целью открыто наступающие группы пехоты, представляющие легкие и благодарные мишени для огня. Батарея же в наступлении имеет своей целью отдельные разбросанные, замаскированные и укрытые пулеметы и орудия, требующие большого расхода снарядов, значительного времени и меткой стрельбы для их подавления. Это, конечно, условия совершенно различные.

Количественное массирование огневых средств при наступлении остается поэтому обязательным условием.

Однако, качественно новые технические средства борьбы приобретают несомненное превосходство над огневыми средствами в обороне.

Танк, в сущности, не является новым типом огнестрельного оружия. Он носит в себе тот же пулемет или пушку, которые вызвали его появление, и служит для них лишь бронированным средством передвижения. Но в этом именно и заключается качественное решение проблемы. Подвижность и вездеходность прикрытого броней пулемета придали его огню *новое качество* относительной защищенности от огня обороны и способность непосредственно уничтожать огневые точки обороняющегося своей материальной тяжестью как *новым видом удара и атаки*. Несомненно, что такой пулемет в танке оказывается сильнее, чем тот же пулемет в обороне, зарытый в землю. Несомненно, что орудие в танке оказывается в такой же степени сильнее, чем то же орудие, установленное на позиции в обороне.

В теории Фуллера следует, безусловно, верным признать то положение, что танк в известной степени изменил все соотношение между средствами обороны и наступления в пользу последних. При этом следует иметь в виду, что проблема механизации разрешает еще один существенный вопрос преодоления нетерпимо глубоких в современных условиях маршевых колонн, представляющих при движении по дорогам наилучшую цель для нападения с воздуха.

Техническая проблема механизации является в ее тактическом приложении проблемой перехода к *бездорожной тактике*, к тактике развернутого движения по любой местности, что вообще устраняет прежнее значение дорожной сети и необходимость двигаться в глубоких маршевых колоннах. Тем самым достигается наибольшая быстрота атаки и сравнительно наилучшая пассивная защита от нападений с воздуха. Бездорожная тактика как совершенно новый признак действий современных механизированных соединений имеет огромное значение для эволюции характера операции и уже одним своим влиянием обуславливает переход к новой эпохе военного искусства.

Все это, разумеется, усиливает возможности наступления. В сущности, аналогичная качественная оценка танко-

вых средств применима и к боевому самолету, переносящему на себе по воздуху те же огневые средства и разрывные снаряды (бомбы), которые в своем стационарном положении на земле использует оборона. Несомненно, что эти средства истребления, примененные с воздуха, с летательных аппаратов огромной быстроты, оказываются сильнее тех же средств, применяемых на земле в обороне.

При этом следует иметь в виду, что средства нападения с воздуха остаются до сегодняшнего дня сильнее средств противодействия им с земли. Противовоздушная оборона с земли в этом отношении, несомненно, уступает нападению с воздуха.

Правда, это обстоятельство является обоюдоострым как для обороны, так и для наступления: авиация как средство нападения является одинаково грозным оружием и для наступающего. Однако, в этом случае вопрос должен, очевидно, решаться достижением превосходства в воздухе на направлениях решающей наступательной операции. Массирование крупных сил авиации в воздухе явится здесь столь же обязательным, как и массирование огневых средств наступления на земле.

Итак, защищенность от пулеметного огня обороны, подвижность, вездеходность и, наконец, быстрое преодоление пространства по воздуху являются теми решающими факторами, которые обуславливают превосходство новых технических средств наступления над огневыми средствами обороны.

Проблема решается в основном подвижностью, которая придает силе огня новое качество, превосходящее его силу в обороне.

Вся эволюция современной военной техники протекает, главным образом, под знаком увеличения и усовершенствования этой подвижности. Все, что ее увеличивает, наращивает капитал наступления. Капитал обороны может наращиваться лишь с увеличением силы огня. Но в области скорострельности с внедрением в пехоту пулемета все уже достигнуто в эпоху мировой войны. Остается неразрешенной разве только проблема автоматизации артиллерийского орудия. В общем капитал обороны достиг по силе огня своего предельного накопления. Поэтому по введению на вооружение скорострельных противотанковых и противо-

воздушных пушек изыскание средств противодействия наступлению идет уже по другим линиям.

Инженерное искусство, химия, заграждения, противотанковые препятствия, минные поля, возможности применения электричества и радио как средств противодействия и разрушения на большие расстояния — в общем высокая техника и наука противопоставляются современной обороной наступлению. Необходимо учесть, что лишь известная стабилизация фронта и его позиционность могут обеспечить широкое применение этих средств научной техники. Между тем развитие современных быстроходных средств борьбы — авиации и мото-механизированных средств — обуславливает в значительно большей степени подвижное развитие военных действий.

Тем не менее в эволюции науки и техники кроются, несомненно, определенные перспективы и возможности для противодействия наступлению. На современном этапе, однако, очевидно, что ведущими в развитии технических средств борьбы являются средства наступления и что средства обороны развиваются как последующее ответное противодействие.

Что превосходство средств наступления начинает серьезно беспокоить европейские генеральные штабы, лучше всего усматривается из развития современной долговременной фортификации. На восточной границе Франции она приняла характер сплошной линии бетонированных укреплений, все подступы к которым опоясаны наэлектризованными полями смерти. Такие же укрепления строят ныне немцы в ремилитаризованной Рейнской зоне. Преодоление бетонированного пояса укреплений, несомненно, недоступно современным средствам наступления. Если иметь в виду вероятную эволюцию фортификационного искусства в смысле изобретения быстротвердеющего бетона, что позволило бы возводить бетонные укрепления с большой быстротой и в условиях маневренного течения военных действий, то надо считаться с возможностью, что военное искусство станет перед совершенно новой проблемой позиционной борьбы на высшей научно-технической базе. Трудно предугадать эволюцию характера этой борьбы. Можно, однако, предполагать, что ее предпосылки коренятся в перспективе второй империалистической войны на западноевропейском континенте. Ее безысходность в этих непреодолимых условиях

позиционности явится, несомненно, ускоряющим фактором превращения этой войны в гражданскую в мировом масштабе.

На нашем восточноевропейском театре военных действий предпосылок для такой позиционности фронта усмотреть нельзя. Если бы, однако, на отдельных участках и в ином качественном состоянии такой фронт и возник, необходимо иметь достаточно ясную перспективу, чтобы штурмовать такую бетонированную линию в иной плоскости — не с земли, а с воздуха.

Авиадесанты должны в этом отношении сыграть огромную роль и имеют огромное будущее; едва ли можно достаточно полно предусмотреть все их выдающееся значение для эволюции оперативного искусства.

В современных условиях колоссального технического прогресса и перспектив нашего роста нужно опасаться быть недостаточно передовым и дальновидным.

Соревнование средств наступления и обороны оставляет в итоге еще целую область для опыта и исследований.

Следует иметь ввиду, что средства борьбы должны всегда рассматриваться во взаимоотношении с противопоставленным им противодействием.

В оценке возможностей средств борьбы не может быть поэтому никакой абсолютной постановки вопроса в том смысле, что они сами по себе по одним присущим им свойствам определяют непосредственную возможность преодоления любого противопоставленного сопротивления.

Сила и возможности противодействия не остаются на одном уровне и способны едва ли не к большему развитию, чем средства наступления.

Та сторона, которая сочтет себя вынужденной к обороне, естественно прибегнет ко всем возможным средствам сопротивления.

Ход борьбы может в этом отношении выдвинуть многие новые возможности, сделав силу удара современных средств наступления недостаточной.

Мы должны поэтому признать, что с точки зрения возможного развития средств противодействия проблема силы разрешена современными средствами наступления менее верно и убедительно, чем проблема дальности и скорости. Это может в области средств наступления потребовать новых усовершенствований и новых изысканий. Дальновид-

ность и прогрессивность технической мысли должна это иметь ввиду.

Несомненно, однако, одно: на современном этапе тенденция к превосходству средств наступления над средствами обороны проявляется все отчетливее. И это обстоятельство в тех политических условиях, которые определяют характер нашей будущей войны, дает столь же несомненное материальное обоснование возможности преодоления огневого фронта и решительного исхода глубокой наступательной операции.

4. Глубокое оперативное построение наступления

Средства борьбы являются необходимой материальной предпосылкой для решения проблемы, но сами по себе они не дают еще непосредственного решения ее. В истории военного искусства можно указать много случаев, когда новые средства борьбы не давали должного эффекта потому, что их применение сковывалось старыми, уже не соответствующими формами боевых порядков и методов действий. Так это было, например, на первых порах с полевой нарезной пушкой, которую продолжали везти в хвосте колонны.

Новое вооружение требует новых форм своего боевого применения. И если этот вопрос получил свое разрешение в тактике с переходом к групповому боевому порядку и глубокому бою, то в вождении крупных войсковых соединений он остался на весьма устаревшем историческом уровне.

Если объектом наступления является большая глубина сопротивления, то оперативное построение боевого порядка наступления требует, несомненно, самых существенных изменений. Одна линия выстроенных армий будет здесь едва ли в силах разрешить новую *проблему глубокого наступления*. Можно даже определенно сказать, что *одна волна оперативных усилий линейной стратегии* здесь уже *ничего не сможет решить* и должна бессильно разбиться о глубину современного сопротивления.

Эта проблема подводит нас к центральному вопросу обоснования *глубокой стратегии наступившей эпохи*.

При этом следует прежде всего уяснить себе характер глубины современного сопротивления. Сила этого сопро-

тивления имеет тенденцию нарастать и достигает своей высшей, кульминационной точки на стратегическом зените, когда наступающий уже близок к цели и когда обороняющийся вынужден ставить на карту все, чтобы спасти свое положение. При взаимно исключаящих противоречиях сторон, когда борьба ведется за их политическую и экономическую самостоятельность, устраняя возможность примиряющего соглашения, это сопротивление может на последнем этапе проявить огромную силу.

Уже в мировую войну, при огромном обострении противоречий империализма, развитие операции шло в 1914 г. по кривой нарастания боевых усилий. Это совершенно не было учтено германцами, которые с большим оперативным напряжением вступили в первое пограничное сражение, но подошли к Марне с самой слабой готовностью встретить возросшую силу сопротивления англо-французов.

Возрастание кривой боевых усилий в равной степени совершенно не было учтено нами в 1920 г. при наступлении к Висле. Тогда, после форсирования Немана, предполагалось даже ослабить состав армий западного фронта и завершение похода считалось обеспеченным самим начальным развитием наступления. Сражение огромного напряжения на Висле совершенно выпало из оперативного прогноза, и это было, конечно, горьким заблуждением. Оно говорило о глубоком непонимании динамики развития современной операции.

Истощение наступления имеет своей действительной причиной не столько самоистощение сил наступающего, сколько возрастание сопротивления обороняющегося.

В условиях, когда линейная стратегия своим фронтом наступления, в сущности, лишь отбрасывала от себя того, кого надо было схватить для того, чтобы бить, когда она нигде не была способна уничтожить живую силу противника, это обстоятельство проявлялось с наибольшей силой, и уходящий противник, выиграв в отступательном маневре выгодное для себя оперативное положение, оказывался на кульминационной точке развития операции значительно сильнее, чем в начале ее. Между тем наступающий бесперспективно и беспечно подходил к этому стратегическому рубикону и полагал, что конечный момент операции будет наиболее легким. В этом заключалась его жестокая ошибка.

Именно первый шаг, всегда обеспеченный заблаговременной группировкой сил и планомерной подготовкой, будет в этом отношении всегда наиболее легким.

Трудностей следует ожидать на путях развития, которые заранее не могут быть предусмотрены во всех деталях. *Наивысшего напряжения и кризиса следует ожидать в конце.* Искусство и твердость оперативного руководства заключаются в том, чтобы к этому решающему моменту подойти с полным предвидением, с новой волной оперативных усилий и во всеоружии требуемых сил и средств для окончательного завершения сокрушительной операции.

Горе тому полководцу, который в современных условиях вздумает подходить к Марне и Висле так, как это случилось в 1914 и 1920 гг. Он бесславно погибнет, как бы значительны ни были его оперативные достижения на путях наступления. Более того, чем значительнее были эти достижения, тем ужаснее будет катастрофа, если прогноз не предусмотрел завершающего этапа операции.

Современная операция есть операция глубины, она должна быть рассчитана на всю глубину и должна быть готова к преодолению всей глубины.

При этом должно быть учтено, что эта глубина в отношении силы своего сопротивления имеет тенденцию уплотняться и нарастать по направлению с фронта в тыл сопротивления.

В этих условиях современное оперативное искусство стоит при построении глубокой наступательной операции перед совершенно новой проблемой организации наступательного боевого порядка. Ясно лишь одно: *линейная стратегия одной волны оперативных усилий не может разрешить этой проблемы наступления.*

Решение должно быть найдено на новых путях эволюции оперативного искусства.

Не одно положение старой военной теории придется ломать на этих путях.

Нужно в первую очередь покончить с тем положением, что *стратегия достигает своих решений на основах принципа одновременности действий.* Это положение, распространившее свое косное влияние вплоть до сегодняшних дней, берет свои корни из эпохи Наполеона и давно уже встало в непримиримые противоречия с изменившимися

условиями. Клаузевицем оно было формулировано в целом ряде мест его труда, в котором мы читаем:

«В тактике при постепенном вводе сил в дело главные решения откладываются до конца дел; в стратегии же, наоборот, закон одновременного употребления сил стремится почти всегда к решению в начале общего действия...»

«Тактика допускает последовательное введение сил в дело, а стратегия требует непременно одновременного...»

«Надо употреблять в дело стратегически возможно больше сил; употребление их должно быть одновременное...»

«Стратегия никак не может признать союзником время ради его самого и с этой целью вводить в дело свои силы последовательно и понемногу. Все наличные силы, предназначенные для достижения стратегической цели, должны быть употреблены одновременно...»

«В стратегии рассредоточенное усилие противно сути цели; все наличные силы следует употреблять в дело разом...».

Эта теория, верная для условий эпохи Наполеона и зарри линейной стратегии в эпоху Мольтке, когда операция приводила еще в общем к одноактному сражению, решавшемуся одной волной оперативных усилий, оказалась уже несоответствующей новым условиям вооруженной борьбы в эпоху империализма. Впрочем, и раньше еще можно было обнаружить ее отмирание в новых условиях последних десятилетий XIX в.

Во второй период франко-прусской войны 1870—1871 гг. вновь организованная после падения Второй империи французская армия поставила пруссаков в тяжелые условия явного недостатка сил для принятия новой борьбы. Тогда на помощь Мольтке пришла контрреволюционная предательская буржуазия Франции, заключившая через головы национальной гвардии мир с Бисмарком. Трудно предугадать, чем бы в иных условиях кончилась франко-прусская война 1870—1871 гг. Об ее возможном исходе Энгельс во всяком случае писал: «...положение французов даже после их недавних поражений можно считать очень сильным... Если бы мы могли с уверенностью сказать, что Париж продержится до конца февраля, мы были бы склонны допустить, что Франция выйдет победительницей...» (Энгельс, Статьи о войне. Изд. 1924 г., стр. 182, 195).

Уже тогда, несомненно, обозначились первые признаки

перманентной мобилизации и невозможности достигать в стратегии решения одним одновременным усилием.

Мольтке понимал, что столкнулся с совершенно новым в истории вооруженной борьбы явлением и впоследствии неоднократно повторял: «Эта борьба (т. е. продолжение войны 1870—1871 гг. после Седана) нас удивила с военной точки зрения до такой степени, что поставленный ею вопрос придется изучать в течение долгих лет». Это был, несомненно, достойный изучения вопрос. Факт появления новых вооруженных сил после того, как армия первой линии перестала существовать, предугадывал, что в будущем стратегия, очевидно, не сможет решать своих задач одной перволинейной армией, выставляемой в начале войны, и что за ней потребуются введение из глубины сил второй, а возможно и третьей линии. Это был убедительный намек на эпоху глубокой стратегии, которую Мольтке уже смутно предвидел.

В своей известной речи в германском рейхстаге в 1890 г. он говорил:

«Еще война, которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами, как дамоклов меч, если эта война наконец вспыхнет, то никто не сможет предугадать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные, как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу» (подчеркнуто нами. — Г. И.).

Устами Мольтке говорил уже стратег новой эпохи. Новые воззрения оказались, однако, еще бессильными опровергнуть старую теорию. Исторический опыт прошел совершенно бесследно, и еще в начале XX в. Фош писал в своих «Принципах войны»: «Вместо тактического закона последовательного наложения усилий в стратегии действует закон совпадения усилий». Это оказалось неверным уже в войну 1870—1871 гг. и тем более в войну 1914—1918 гг.; но сейчас это положение становится в вопиющее противоречие с новым характером глубокой наступательной операции.

К тому же то, что во второй период франко-прусской войны 1870—1871 гг. обнаружилось только в стратегиче-

ском масштабе, выявилось в мировую войну и ныне распространяется полностью и на область оперативного искусства.

Современная многоактная глубокая операция не решается одним одновременным ударом совпадающих усилий. Она требует глубокого оперативного наложения этих усилий, возрастающих по мере приближения к высшему пункту достижения победы.

Глубокое эшелонирование сопротивления вызывает столь же глубокое построение наступления. Это наступление должно уподобиться целому ряду волн, с нарастающей силой набегающих на берег, чтобы размыть и сокрушить его своими непрерывными ударами из глубины.

Современная глубокая операция вызывает в этом смысле рассредоточение усилий во времени и в той же степени обуславливает это в стратегическом масштабе.

Это показали уже события мировой и нашей гражданской войн. Но, разумеется, было бы совершенно неправильно понимать это в том смысле, что и германцы в пограничном сражении в 1914 г. и мы в сражении на реке Минюта в 1920 г. ввели сразу слишком много сил и что их-де надо было вводить последовательно. В первые исходные операции должны вовлекаться все наличные в данный момент силы в соответствии с соотношением сил сторон. Суть вопроса заключается, однако, в том, что одновременно должно быть предусмотрено глубокое эшелонирование еще новых усилий, чтобы к решающему моменту операции подойти с такими силами и средствами и в такой их группировке, которые обеспечили бы конечное достижение победы.

Эшелонирование современных оперативных усилий в глубину не есть применение их частями или оперативными пачками; это есть последовательное и непрерывное нарастание оперативных усилий, рассчитанное на то, чтобы ломать сопротивление противника на всю глубину.

Чем больше по своему возможному сопротивлению эта глубина, чем больше возможное напряжение этого сопротивления, тем больше должно быть эшелонирование оперативной глубины наступления.

При построении современной глубокой операции представляется необходимым расчет сил и средств производить

не только в линейном измерении по фронту, но и в новом измерении в глубину. •

Эта проблема глубокого оперативного построения современного наступления ломает еще одно положение о так называемых стратегических резервах.

До тех пор, пока стратегия решала свою задачу одним одновременным усилием, ей разумеется не нужны были резервы. Клаузевиц говорит о бессмысленности идеи стратегического резерва и считает его излишним, бесполезным и даже вредным. Он требует, чтобы «все стратегические усилия были сжаты в одном действии и в одном моменте», и пишет: «Мысль нарочно удерживать готовые силы с тем, чтобы употребить их уже после общего решения, нельзя не признать очевидной нелепостью».

Пока это общее решение достигалось в эпоху Наполеона одним актом, это было верно. Во второй период франко-прусской войны 1870—1871 гг. это положение подверглось уже сомнениям, а на рубеже XX в. оно стало уже явно неверным.

Шлиффен в известном смысле предвидел эту проблему. Он требовал сильной резервной армии за правым крылом германцев при наступлении на Париж. Однако, мотивы его при этом были несколько иными. Он требовал оперативного резерва, чтобы иметь возможность удлинить свой правый фланг, если бы последний при развитии наступления оказался недостаточным для охвата. Этот резерв должен был, таким образом, в конечном итоге выйти в одну линию с наступающим фронтом.

В современных условиях оперативные резервы нужны в основном не для удлинения фланга, хотя и это сохраняет для нас еще свое значение в начале войны. Фланг в общем достиг уже своего предельного распространения по фронту, и резервы нужны сейчас для нарастания оперативных усилий, ломающих сопротивление противника на всю глубину.

Сама проблема оперативных и стратегических резервов перерастает в современных условиях в проблему оперативных эшелонов, за которыми в глубине перспектив эволюции вооруженной борьбы вырисовываются уже силуэты таких же стратегических эшелонов.

Это приводит, естественно, к дальнейшему росту численности вооруженных сил, тем самым отменяя всякие

теории о малых профессиональных армиях как исторически консервативные и нелепые.

Численный рост армий в эпоху империализма был обусловлен наряду с другими причинами стремлением линейной стратегии занять возможно больший охватывающий фронт наступления. Численный рост в современную эпоху в той же степени обуславливается глубокой стратегией, которая требует сильных оперативных эшелонов в глубине и глубокого построения наступления.

Это еще раз указывает на грандиозный размах современной вооруженной борьбы и раскрывает всю эволюцию характера операции в наступившую эпоху глубокой стратегии.

5. Глубокое вступление в современную операцию

Всякое новое явление в историческом процессе приходит к жизни не только потому, что оно вызывается новыми требованиями, но и потому, что оно предопределяется целым рядом новых предпосылок.

Когда Мольтке в 1866 г. впервые развернул прусские армии на фронте в 400 км, то это новое явление в оперативном искусстве не только соответствовало изменившемуся характеру вооруженной борьбы, но и было предопределено новыми объективными условиями в виде железных дорог. При этом известно со слов Шлихтинга, что Мольтке с большим сомнением подходил к такому широкому развертыванию.

Так и теперь, можно с опасением и сомнением смотреть на *глубокое развертывание*; но желаем ли мы этого или нет, — к нему придется неизбежно притти.

Глубокое развертывание предопределено в современных условиях целым рядом объективных предпосылок. Оно вытекает из характера будущей войны, вызывающей огромное напряжение борьбы. Никакая страна, вступив в эту борьбу, разумеется, не ограничит своего мобилизационного напряжения одним первым эшелоном своей отмобилизованной кадровой армии. Вместе с тем никакая страна не в состоянии одновременно сосредоточить к открытию военных действий все те силы, которые она способна выставить. Для этого пришлось бы значительно отсрочить начало военных действий и, чтобы не подвергать своего раз-

вертывания угрозе поражения по частям, отнести его достаточно далеко в глубь страны. И более слабый противник оказался бы в этом случае сильнее, получив огромные преимущества в начале борьбы. На такой способ действий вряд ли кто решится. Совершенно очевидно, что *последовательная перманентная мобилизация* вызывает и последовательное наложение усилий в борьбе.

За перволинейной армией последуют второлинейные и третьелинейные силы, обуславливающие вступление армии в войну глубокими стратегическими эшелонами.

Эта неизбежная схема глубокого вступления в будущую войну предусмотрена уже современной организацией вооруженных сил в мирное время. Чем же иным можно объяснить содержание во Франции особой армии прикрытия (*l'armée couverte*) на Рейне, как первого стратегического эшелона, за которым развернется и вступит в борьбу второй эшелон главной массы армии, который, несомненно, также не явится последним.

Занятие Германией Рейнской зоны преследует, несомненно, цель сосредоточения там такой же армии прикрытия как первого оперативного эшелона вторжения.

Чем глубже и обширнее территория страны, чем больше ее мобилизационные возможности и сильнее ее напряжение в борьбе, тем более широкий масштаб примет это глубокое эшелонирование стратегических усилий. В таких условиях находится наша страна, и в этом также ее огромная сила, обеспечивающая *наивысшее нарастание усилий в последний, решающий момент борьбы*. Для наших западных лимитрофов с их незначительной глубиной территории и меньшими мобилизационными возможностями первое мобилизационное напряжение в начале борьбы будет весьма близко к предельному, и совершенно необходимое последовательное наложение усилий будет возможно для них в значительно меньшем масштабе, если только крупные империалистические страны не придут им серьезно на помощь и силами и средствами.

Эшелонирование вооруженных сил при вступлении в войну predetermined в современных условиях не только в стратегическом масштабе всей страны и всей войны, но и в оперативном масштабе. Это имеет своей предпосылкой ряд материальных факторов в эволюции современных технических средств борьбы.

Устанавливая красную нить технической эволюции современного вооружения, мы видим, что руководящей основой ее является стремление к достижению возможно большей дальности и дальности действия. Все сводится к тому, чтобы перенести поражение на возможно большее расстояние. В способности быстро преодолевать пространство заключается весь смысл боевого применения авиации; в этом заключается и ценность мото-механизированных средств.

По этой линии пошла и эволюция огнестрельного вооружения. Интересно отметить, что в половине XIX в. эволюция этого оружия шла по линии дальности и скорострельности. На рубеже XX в. перед мировой войной эволюция пошла, главным образом, по линии скорострельности, оставив дальность огня в общем на прежнем уровне. Достигнув с введением пулемета известного предела в области скорострельности, техническая эволюция пошла в мировую войну и идет на современном этапе, главным образом, по линии увеличения дальности. Пулемет получил угломер-квадрант для стрельбы по дальним целям с закрытых позиций. Артиллерия значительно увеличила дальность своего огня, достигнув нормально дистанции в 12—20 км. Это обстоятельство имеет для эволюции тактических форм боя едва ли не решающее значение.

Историческая эволюция показывает, что переход от наполеоновского сосредоточения всех сил перед полем боя к встречному бою, непосредственно развивающемуся с похода, имел в эпоху Мольте своей основной предпосылкой увеличение дальности огневого воздействия.

Но в современных условиях при значительно возросшей дистанции огня мы стоим перед дальнейшей эволюцией встречного боя.

На заре его зарождения, во второй половине XIX в., стреляли на такое же расстояние, на какое и видели, чем, в сущности, и была вызвана завязка боя с марша. Ныне мы переносим огневое воздействие на значительно большее расстояние, чем видим в полевых условиях. Это значит, что современный бой будет завязываться на дальних дистанциях. А отсюда следует, что ныне действующая система тактического походного охранения с выдвинутым его на 5—6 км от головы колонны главных сил, в сущно-

сти, никого уже не обеспечивает от дальнего огневого нападения и внезапного появления мото-механизированных средств, не говоря уже об авиации, работающей на огромных расстояниях в другой плоскости. Это охранение неспособно уже выполнить свою роль авангарда и обеспечить развертывание главных сил к бою. Оно сохраняет лишь значение непосредственного охранения. Вместе с тем значительно возросшая глубина колонны требует большего времени и пространственного разгона для развертывания главных сил к бою в соответствующей группировке. Уже на рубеже XX в. Ланглюа, строивший свою теорию на эволюции артиллерийской техники, писал: «Мы должны выдвигать свои авангарды уже не на несколько километров, а на несколько миль, до расстояния 1—1½ переходов».

Современные боевые дистанции значительно возросли. Они требуют выдвижения походного охранения на значительно большее расстояние, по меньшей мере на 20—30 км, которые могут занять в глубину главные силы современной усиленной дивизии. Широко применяемая система передовых и разведывательных отрядов, в сущности, и вызвана этими требованиями.

Эта система уже заслонила собой авангард, выдвинутый на 5—6 км, и переняла на себя его функции разведывания и обеспечения марша. Авангард, идущий позади действующих впереди разведывательных и передовых отрядов, разумеется, утрачивает все специфические признаки авангарда и становится просто первым эшелоном колонны. Но в таком случае его функции и следует передать этим отрядам, сделав их достаточно сильными. Однако, этим решается вопрос лишь в тактическом масштабе, в масштабе принятия мер тактического предупреждения на данном пути движения.

Между тем современный командарм, если он пожелает действительно руководить современной глубокой операцией, должен в первую очередь обеспечить себе возможность своевременного развертывания своих сил и вступления их в сражение в группировке, соответствующей свободно принятому решению. Для этого он нуждается в своем оперативном органе обеспечения, представленном сильной группой быстро подвижных соединений, главным образом, мото-механизированных средств и конницы, выброшенных далеко вперед на 1—2 и более перехода.

В современных условиях мы вновь возвращаемся к наполеоновскому явлению *армейского авангарда*, как первого авангардного эшелона, но уже на иной исторической базе наступившей эпохи глубокой стратегии с совершенно иным качественным содержанием. В таком диалектическом претворении завершается круг эволюции оперативного построения наступления. И это значит, что явление встречного боя переходит в свою высшую фазу — из области тактики в сферу операции. *Тактически встречный бой* станет, как правило, возможным лишь для передовых частей авангардного эшелона. Но оперативно он перерастает во *встречное сражение*, в котором авангардный эшелон выполняет назначение *армейского авангарда*. Вместе с тем это значит, что современное оперативное построение наступления неизбежно приходит к глубокому эшелонированию.

Можно опять-таки с опасением и сомнением подходить к этому новому явлению, хотя оно, несомненно, вызывается изменившимися требованиями современной операции. К нему придется, однако, неизбежно притти, потому что оно также предопределено целым рядом объективных условий.

Необходимо учесть, что по способности быстро преодолевать пространство, по быстродейственности и дальнобойности современные средства борьбы представляют весьма разнородную картину.

Первое место среди них по дальнобойности и способности переносить свои действия на большие расстояния принадлежит, разумеется, авиации. Наземные противники не обменяются еще ни одним выстрелом, когда этот род войск в первые же часы после наступления состояния войны открывает свои действия по наиболее дальней траектории. Мощная массированная боевая авиация явится, несомненно, первым фактором боевого воздействия.

Вслед за ним уже на земле немедленно выступит все то, что быстроподвижно и может легко выдвинуться вперед, — это, разумеется, мото-механизированные соединения и современная механизированная конница. С важнейшим оперативным предназначением расстроить сосредоточение противника и занять выгодное положение для перехода в общее наступление эти силы на моторе и коне вынесутся возможно дальше вперед и вступят совместно с авиацией в борьбу тогда, когда основная масса развертываемой перволинейной армии будет находиться еще во власти сложного

механизма современного сосредоточения. Они явятся первым авангардным эшелоном на земле.

Наконец, на театр военных действий выступит главная масса общевойсковых пехотных соединений. Однако, и она не сможет сразу выступить в одной линии. Современные железные дороги, растущие в меньшей прогрессии, чем вооруженные силы, не смогут их сразу и полностью поднять. Это приведет к более растянутому сроку сосредоточения всех сил на театр войны. Большая часть прибывших сил в стремлении скорее начать операцию выступит немедленно. Известная часть сил, позже прибывшая, выступит несколько позднее. Таким образом, и эта главная масса войск выступит в двух эшелонах, образуя по счету второй и третий оперативные эшелоны.

Когда же эта глубокая система первого стратегического эшелона придет в полное движение, в глубине страны покажутся уже силуэты второго стратегического эшелона мобилизуемых второлинейных войск.

Если это не является наступлением эпохи глубокой стратегии, то нужно подвергнуть сомнению самое понятие глубины.

Оперативная схема глубокого вступления в операцию должна будет растянуться на огромное расстояние (схема 1). Действия авиации достигнут сразу своего предельного радиуса. На 2—4 перехода, в общем на 100 км, вынесутся вперед мото-мехсоединения и конница. Наступающий первый эшелон главной массы войск, если даже каждая дивизия будет иметь свою дорогу (что не всегда обеспечено), займет в глубину до 75 км. Наконец, на дистанции одного перехода от него пойдет на более широком фронте второй эшелон главной массы войск, который займет в глубину также до 50 км.

В общем весь первый стратегический эшелон занял бы на земле огромную глубину в 250—300 км. Такая глубина не может быть обеспечена современными условиями развертывания.

Уже в предвидении условий XX в. Шлихтинг писал: «...стратегическое развертывание армии будет отделено от первого решительного сражения лишь немногими короткими переходами...» А Леваль предсказывал, что «в будущую войну контакт между сторонами будет устанавливаться почти непосредственно у высадочных железнодорожных станций».

В современных условиях, когда войска повышенной мобилизационной готовности уже вплотную придвинуты к границе, когда сила и возможности прикрытия позволяют значительно ближе сосредоточиваться к ней, военные действия оперативно начнутся, в сущности, с места, и большие марши на такую глубину, как 300 км, будут, несомненно, исключены.

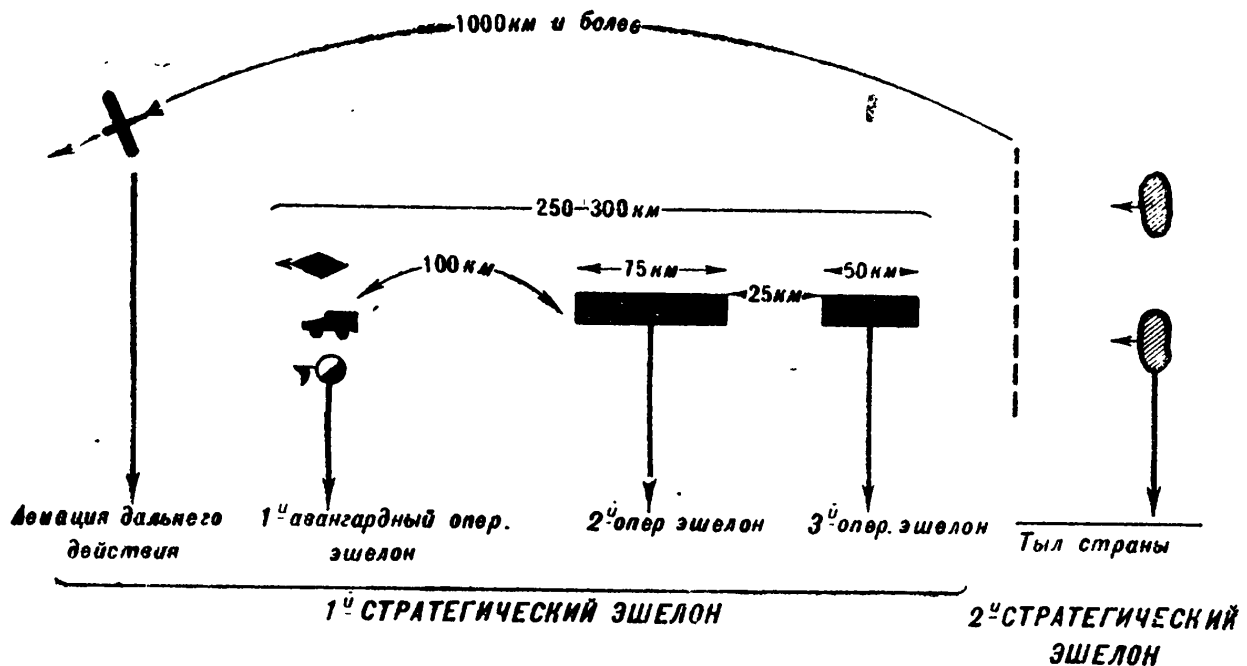

Схема 1. Глубокое вступление в современную операцию

В отношении франко-германской границы это совершенно очевидно. «В начале будущей войны,— говорит генерал Дюбеней,— Франция и Германия будут уже в соприкосновении, так как гарнизоны французских укреплений находятся не далее 20 км от окопавшихся в лесах немецких пограничников.

Поле действий не будет достаточно просторно, чтобы моторизованные войска могли использовать свою быстроту...»

Наконец, незначительная глубина территории ряда малых государств, разумеется, не может допустить большой глубины развертывания.

В этих условиях оперативная глубина наступления останется скрытой в потенции и не достигнет своего полного размаха в пространстве. Оперативные эшелоны будут с одного рубежа выпускаться в операцию. Но все же, когда последний из них будет еще мирно маршировать в глубоком тылу, чувствуя лишь угрозу с воздуха и интенсивную

работу подвоза и эвакуации на путях своего движения, первые оперативные эшелоны будут уже в жестоких боевых делах, и многое для них в соответствующем масштабе будет уже решено. Будет даже трудно определить, где и когда завяжется эта грандиозная операция; где и когда она прочертит хоть сколько-нибудь заметную грань между операцией и сражением. В это сражение мы будем вползать, и, в сущности, первая брошенная с самолета в глубоком тылу бомба и первый одиночный выстрел на границе будут означать, что эта величайшая операция завязалась.

Если в эпоху линейной стратегии сражение органически выливалось из операции, то в эпоху *глубокой стратегии операция и сражение органически сливаются*. Всякая грань между ними во времени и пространстве исчезает. В одном общем потоке нарастающих оперативных усилий современное сражение завяжется на фронте и завершится в глубине. Так, волна за волной будут налетать на подходящий, очевидно, в таком же оперативном построении, фронт противника. И уже рождается вывод, что *конечный успех будет иметь тот, у кого оперативное построение будет глубже*.

Однако, неизбежен момент, когда все эти волны сольются в одном шквале вплотную ставших друг против друга фронтов. Быть может, тогда развитие операции приведет нас вновь к линейному фронту и линейной стратегии. Но и на этом—скорее нормальном в современных условиях—этапе, который может весьма скоро наступить, эволюция оперативного искусства потребует иного решения и глубокого фронтального удара из глубины в глубину. Именно здесь требования глубокого построения наступления выступят с новой силой.

Это будет новым оперативным решением проблемы прорыва в условиях наступившей эпохи глубокой стратегии.

6. Глубокий прорыв и сокрушение фронта

Если оперативное искусство эпохи линейной стратегии пришло на определенном рубеже исторического развития к своей противоположности и самоотрицанию, то это случилось там, где фронт стал против фронта и потребовал прорыва.

Эта проблема не могла быть оперативно разрешена на основах линейной стратегии. Она вызвала появление новых технических средств борьбы; она привела к новым тактическим формам боя; она подняла на высокую ступень тактическую организацию техники наступления и создала предпосылки для своего тактического разрешения. Но на основах линейной стратегии нельзя было достичь оперативного решения проблемы пролома и сокрушения фронта.

Для этого оперативное искусство должно было искать новых путей, должно было перешагнуть в новую эпоху. Но в условиях империалистической войны на истощение и измор это было невозможно.

Новый характер будущей войны с ее решающими операциями сокрушения ставит по-новому решение этой центральной проблемы современного военного искусства.

Фронт должен ломаться в решающей операции. Должен быть достигнут пролом фронта на всю глубину; должно быть достигнуто полное его сокрушение.

Глубокая стратегия сдает здесь испытание исторической зрелости, и если она оказывается predetermined многими объективными условиями современности, то в то же время она вызывается именно этими требованиями решительного и полного преодоления фронтальности.

Новые формы глубокого боя, обусловленные полным тактическим использованием современных технических средств борьбы (танков, дальнобойной артиллерии, боевой авиации ближнего действия), решают уже эту проблему в тактическом масштабе. Но они ломают лишь тактическую глубину современной обороны. Они не приводят еще к оперативному решению, хотя и ведут по пути к нему.

Глубокое тактическое усилие должно еще перерасти в глубокий оперативный пролом. Это является основной проблемой, которую должно разрешить оперативное искусство эпохи глубокой стратегии. Все достижения глубокой тактики становятся ненужными, если на путях оперативного осуществления проблемы не будет достигнуто решение.

Необходимо уяснить себе, что первый атакующий эшелон, непосредственно рвущий фронт, может решить свою задачу лишь в тактическом масштабе и взломать этот фронт. Как бы велики ни были его успехи, он не может сам превратить свой тактический результат в оперативный

и через взломанную дверь ринуться в глубину, чтобы ломать и сокрушать сопротивление противника на всю оперативную глубину. Первый атакующий эшелон не может разрешить этой задачи потому, что взломанная дверь подпирается еще изнутри сильными пружинами сопротивления обороны, и ее нужно продолжать придерживать, чтобы она вновь не захлопнулась. Выполнение этой боевой задачи остается обязанностью первого атакующего эшелона. И если в это время, когда тактическая брешь будет им пробита, из глубины оперативного построения наступления никто не подоспеет, чтобы продлить удар из глубины в глубину и тактический успех превратить в оперативный, — если это не совершится, брешь вскоре вновь закроется, все тактические усилия первого эшелона атаки окажутся напрасными и получится не более, как животообразное выпячивание фронта наступления, только изнуряющее и истощающее силы наступающего.

Это значило бы продолжить систему бессмысленных, изнуряющих фронтальных ударов самоистощения, в которую выродилась линейная стратегия в 1918 г.

Современный прорыв нужно и можно предпринимать не только тогда, когда имеются достаточные силы и средства для взлома участка прорыва по фронту, но и тогда, когда имеются достаточные силы для того, чтобы этот прорыв продлить из глубины в глубину и сокрушить сопротивление на всю глубину.

Бессмысленно, не к чему предпринимать операцию прорыва, если не имеются и не предусмотрены силы для его развития, ибо бессмысленно взламывать дверь, если через нее все равно некому будет войти.

Современный глубокий прорыв требует в основе построения наступления двумя оперативными эшелонами: эшелоном атаки, тактически взламывающим фронт, и эшелоном развития прорыва, переносащим удар из глубины в глубину и проламывающим и сокрушающим сопротивление обороны на всю оперативную глубину (схема 2). Каждый из этих эшелонов сохраняет при этом свое тактическое эшелонирование.

Это глубокое построение операции прорыва разрешает основную проблему современного оперативного искусства — проблему решительного глубокого преодоления фронтальности вплоть до ее полного сокрушения. Это сохраняет свое

значение не только для прорыва оборонительных укрепленных полос, но и для всякого фронтального удара, развивающегося в результате завязавшегося фронтального сражения.

На конечный успех, если вопрос рассматривать в оперативном разрезе, в современных условиях может рассчитывать лишь тот, у кого будет большая глубина оперативного построения, у кого в глубине будут наготове более сильные эшелоны.

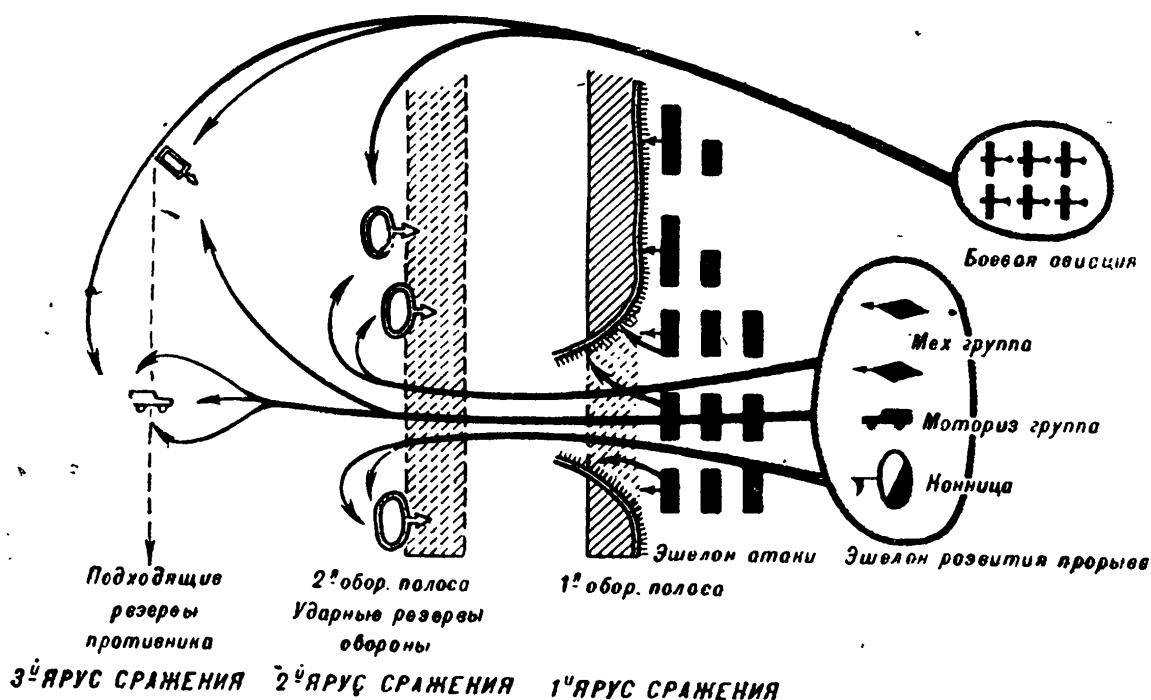

Схема 2. Глубокая операция прорыва и сокращения фронта

Если на рубеже XX в. — в эпоху высшего расцвета линейной стратегии — Шлиффен учил, что в борьбе победит тот, у кого фронт будет длиннее и фланг сильнее, то сейчас мы должны этому учению противопоставить положение, что в современных условиях глубокой стратегии, рассматриваемых в оперативном разрезе, в борьбе победит тот, у кого фронт будет глубже и глубокие эшелоны сильнее.

И это вновь возвращает нас к совершенно очевидной перспективе еще большего роста современных вооруженных сил и еще раз убеждает в нелепости всяких теорий малых армий.

Остается еще развернуть всю глубокую схему современной операции прорыва.

Когда налетающие из глубины волны оперативных усилий настигнут первый завязавший сражение авангардный эшелон и сольются с ним в общем шквале, когда таким образом фронт станет против фронта, исключив возможность линейного, охватывающего маневра, оперативное искусство глубокой стратегии вступит в свои полные права.

Быстроподвижный *авангардный эшелон* мото-мехсоединений и конницы будет вскоре вытеснен с фронта борьбы, потому что не сможет применить своей дальнодейственности. Не имея простора пространства для своих действий и выполнив роль армейского авангарда, он сожмется сначала к флангу, а потом и вовсе нырнет в тыл оперативного построения наступления.

Его место заступят подошедшие эшелоны общевойсковых пехотных соединений, которые теперь с большим основанием на полезное применение возьмут на себя боевую работу на фронте. Сомкнутой оперативной фалангой, оснащенные многочисленными танками, крупной артиллерией количественного и качественного усиления и боевой авиацией ближнего действия, они составят *эшелон атаки*.

За ними из группы быстроподвижных соединений, ранее возглавлявших оперативное построение наступления, выстроится эшелон развития прорыва. Он включит в себя крупные самостоятельные механизированные, моторизованные и конные соединения и крупные массы боевой авиации дальнего действия. Тот, кто при завязке операции был первым, станет теперь в оперативном построении последним; а кто шел последним при подходе, тот выйдет в первые ряды атаки.

В таком оперативном построении начнется операция современного глубокого прорыва. Она развернет картину глубокого оперативного построения наступления, имеющего целью удлинять и развивать удары из глубины в глубину. Она не имеет, однако, ничего общего с эшелонированием глубины наступления в прорывах 1918 г.

И тогда 18-я германская армия имела в мартовском наступлении 12 дивизий в первом эшелоне, 8 дивизий во втором эшелоне и 4 дивизии в третьем эшелоне, а 7-я германская армия в майском наступлении—14 дивизий в первом эшелоне, 5 дивизий во втором эшелоне и 6 дивизий в третьем эшелоне. Но тогда каждая дивизия получала глубину продвижения лишь в 3 км, и позади стоявшие эше-

лоны должны были сменять и питать впереди дерущиеся части, продолжая их наступление на одной общей линии фронта с ними. Нагромождение этих эшелонов походило на стратегию буйвола, который не мог понять, что для действительного прорыва фронта тактические усилия должны перерасти в оперативные и что это может быть достигнуто лишь удлинением и оперативным развитием удара из глубины в глубину. Впрочем, в 1918 г., когда самостоятельные мото-мехсоединения еще не существовали, а конница уже не существовала, осуществление такого решения не было обеспечено. Эшелон развития прорыва должен быть прежде всего быстроходнее эшелона атаки, чтобы его перегонять; следовательно, из пехотных соединений он состоять не может. Прорывы 1918 г. потому и не могли перерасти из тактического явления в операцию. Они не могли ставить себе цели, которые вправе выдвинуть оперативное искусство глубокой стратегии.

Современная операция глубокого прорыва преследует цели одновременного поражения и пролома всей оперативной глубины сопротивления. Эта одновременность в оперативном масштабе не может быть, однако, уподоблена одновременности тактической. Разница во времени здесь все же имеется. Она определяется взломом тактической глубины первой полосы обороны. Когда эта тактическая задача будет эшелоном атаки разрешена и во фронте противника откроется зияющая брешь тактического взлома, из глубины оперативного построения наступающего ринется теперь эшелон развития прорыва. В воздухе его опередит боевая авиация, которая на дальнем расстоянии закроет резервам противника доступ к проламываемому участку. Одновременно авиадесантный отряд, перенесенный по воздуху, высадится в тылу противника и явится к нему первым вестником смерти. А в это время на земле через открывшийся участок тактического взлома фронта ринется широкий лавиной в несколько волн крупная масса быстроходных танков, самоходной артиллерии и пехоты на бронированных транспортерах. Эти силы сами выбьют последнюю пробку из открывшейся бреши. За ними последует сохраненная еще историей «краса оружия» — современная конница. Наконец за ней после расчистки дорог будут готовы броситься многочисленные колонны моторизованных войск. В иных условиях каждая из этих составных частей эшело-

на развития прорыва будет иметь свой участок открывшейся бреши. Тогда развитие прорыва последует одновременно в нескольких местах фронта.

Все это удлинит и разовьет удар из глубины в глубину. Чем больше состав эшелона развития прорыва, тем в большую глубину он нацелится. Во всех случаях, чтобы разрешить свою задачу оперативного пролома, он должен охватить всю глубину сопротивления противника.

И в то время, когда эшелон атаки будет еще вести жестокую борьбу на фронте прорыва, в глубине его, на другой высоте, даже на нескольких ярусах оперативной глубины, эшелон развития прорыва начнет сокрушительные действия на окружение и уничтожение. По своей оперативной перспективе это будет *новое грандиозное, многоярусное сражение, ведущееся в нескольких ярусах оперативной глубины.*

Оно приведет к возрождению «Канн» на новой базе глубокой стратегии. Это будет целая система «Канн»; одни из них будут завязываться, другие — назревать, третьи — завершаться.

В общем решительном сокрушении и уничтожении сопротивления будет разрешена проблема оперативного пролома фронта. Никогда еще стратегия сокрушения не имела столь блестящих предпосылок для своего полного осуществления. И этот прогноз разрешает еще одну крупную проблему эволюции характера современного оперативного маневра.

Историческая практика вооруженной борьбы и теория военного искусства различали до ~~сего~~ ^{этого} времени два основных типа оперативного маневра: маневр по внутренним линиям как сосредоточенный удар из одного положения, господствовавший в эпоху Наполеона, и маневр по внешним линиям как охватывающий удар с различных направлений, господствовавший в эпоху линейной стратегии. Эти два типа противопоставлялись друг другу и считались в известном смысле оперативными полярностями.

О них Клаузевиц писал:

«При стратегическом маневрировании встречаются две противоположности, которые могут показаться совершенно особыми видами маневрирования. Первую противоположность представляет собой действие по внешним или внутренним линиям; вторую — сосредоточение войск вкúпе или растяжение их по многим пунктам».

Но историческая эволюция порождает новое, объединяя и претворяя разнородное.

Современная операция глубокого прорыва является своеобразным сочетанием двух типов маневра. Эшелон атаки, взламывая фронт, занимает широкое положение сплошной линией и действует по внешним операционным линиям. Эшелон развития прорыва несет сосредоточенный удар из глубины в глубину, действуя по внутренним операционным линиям.

Так эпоха глубокой стратегии приходит к синтезу двух типов маневра, двух исторических школ военного искусства.

Тем самым опровергаются столь частые и, безусловно, не диалектические утверждения, что маневр охвата и окружения сошел с исторической арены вооруженной борьбы. Эти суждения не отражают самого основного в эволюции характера современной операции: они не видят ее двух измерений и по фронту и в глубину и консервативно остаются на позициях линейной стратегии.

Фронтальный удар является, разумеется, основной формой действия для первого эшелона атаки. Но один эшелон атаки фронтальным ударом вообще еще ничего не решает, если его тактические усилия не перерастают в оперативные. А это возможно лишь ударом по внутренним линиям из глубины в глубину, чтобы охватывать, окружать и громить.

Такой маневр, разумеется, исчезает с первой линии фронта борьбы, но он с новой силой и величайшим напряжением переносится в глубину фронта борьбы.

Здесь он возрождается в полном масштабе и в новом содержании. Здесь он обещает величайший расцвет нового военного искусства глубокой стратегии как искусства великолепных маневров и сокрушительных ударов в глубине.

Так эпоха глубокой стратегии завершает эволюцию военного искусства.

7. Искусство управления глубокой операцией

Новый характер глубокой операции, разумеется, вызывает и новый характер ее ведения.

Оперативное искусство как искусство ведения операции стоит здесь перед рядом новых проблем. В условиях на-

ступившей эпохи, когда операция органически сливается с сражением, когда эти понятия составили одно целое в современном явлении глубокой стратегии, когда они не имеют больше границ ни во времени, ни в пространстве, — нужно в первую очередь решительно покончить с принадлежащим истории положением, что «коль скоро неприятель приблизился настолько, чтобы дать общее сражение, — время стратегии прошло, и она может отдыхать» (Клаузевиц).

Если бы современное оперативное искусство изъяло из сферы своей компетенции сражение, оно ликвидировало бы самого себя и стало бы ничем. Так это случилось уже в 1914 г. и при нашем походе к Висле в 1920 г. В свое время Шлиффен писал: «Наиболее существенную задачу полководца надо считать выполненной, если он задолго до возможного столкновения с врагом (подчеркнуто нами) укажет всем армиям и корпусам, по каким дорогам, путям и направлениям должны они продвигаться...»

Мы видели, в какое прямолинейное, бесперспективное продвижение вперед выродились на этих основах наступательные операции 1914 и 1920 гг. Однако, сила консервативной теории велика. Опыт мировой войны еще далеко не учтен. И сейчас еще французский полковник Дюффур пишет:

«Стратегический маневр сводится к формированию колонн различного назначения и к направлению их к общей цели. В момент, когда маневр переходит из области замысла в область выполнения, он выражается лишь направлениями, указываемыми частям, и распределением сил по этим направлениям. Выполнение маневра — это выбор направлений и распределение сил и средств между колоннами»¹.

Итак, по мысли Дюффюра стратегия (вернее оперативное искусство) лишь составляет и нацеливает колонны и исчезает, когда колонны завяжут бой. Далее операция будет, очевидно, протекать по неизменным, раз нацеленным направлениям и выродится в простое напирание сплошной стены, гонящей от себя того, кого по смыслу вооруженной борьбы нужно бить. Если это привело к крушению больших операций в 1914 и 1920 гг., то в наступивших условиях это привело бы к стихийности. Вспоминается клоун, который, надев на ноги огромные туфли, хочет поймать брошен-

¹ Д ю ф ф у р. Лекции, читанные во Французской высшей военной школе.

ный на землю шар; но каждый раз, приближаясь к нему, он длинной туфлей сам отбрасывает его от себя и потешает публику этой бессмысленной работой. Так устаревшая военная теория собирается и сейчас еще смешить историю, ибо перенесение старых отживших положений в совершенно изменившиеся условия новой эпохи становится, конечно, историческим анекдотом. Вооруженная борьба, ведущаяся для осуществления величайших целей, предъявляет к себе, однако, более суровые и жесткие требования.

Глубокое, многоактное, многоярусное сражение, воплотившее в себе все явление операции в эпоху глубокой стратегии, будет от начала до конца сферой компетенции современного оперативного искусства. Иначе вовсе не станет самого оперативного искусства.

Составление и нацеливание колонн явится едва ли не самой незначительной его частью. Строя глубокую операцию, современный командарм будет одновременно уже завязывать и вести сражение. Когда его главные силы общевойсковых соединений будут еще следовать по железной дороге к фронту, его боевая авиация дальнего действия и авангардный эшелон мото-мехсоединений и конницы будут уже вести напряженные бои.

Ограничить в этих условиях сферу своей оперативной деятельности одним составлением и нацеливанием колонн значило бы объявить себя банкротом. Шаг за шагом, регулируя и направляя действия из глубины, современному командарму придется непрерывно и действительно управлять ходом событий. Каждый отказ его от активного участия в этом управлении будет означать шаг к оперативному хаосу. Центр тяжести полководческого искусства перемещается к управлению ходом самой операции и сражения, как это было в давно прошедшие времена.

При этом следует учесть, что от момента завязки боя авангардным эшелоном мото-мехсоединений и конницы до момента вступления в сражение последующих эшелонов общевойсковых соединений неизбежно пройдет известный отрезок времени. Между подходом последующих эшелонов главных сил и их вступлением в сражение возникают вновь перерыв и пауза. Но это явление, бывшее в тактическом масштабе характерным для эпохи Наполеона, приобретает в наступивших условиях нового количественного масштаба

совершенно иное качественное содержание. Эта пауза заключается теперь не в сосредоточении и расположении всех сил перед полем боя, как это было во времена Наполеона. Она протекает уже не в спокойной статике, как тогда, а в напряженной динамике спешного подхода последующих эшелонов из глубины и в жестоких боях уже вступившего в дело авангардного эшелона. Эта пауза становится, однако, реальным явлением в завязке глубокой операции. Так в эволюции и этого явления завершился круг диалектического развития.

В оперативном отношении это значит, что современный командарм, имея впереди свою авиацию и авангардный эшелон мото-мехсоединений и конницы, получает возможность в полосе своих действий группировать последующие эшелоны и нацеливать их на подходе к фронту завязавшегося сражения так, как это будет вытекать из его оценки обстановки и принятого им решения. В будущем становится возможным вести бои не там, где они возникнут на путях движения колонн, как это было в эпоху линейной стратегии, а там, где это решит командарм.

Глубокая операция становится вновь управляемой.

Но для этого требуется высокое искусство ее ведения и управления ею. Многообразные данные непосредственной обстановки, освещающей операцию в двух измерениях — по фронту и в глубину, потребуют высокого уровня оперативного искусства и оперативной культуры, чтобы на основании анализа, сочетания и расчета всех данных можно было притти к синтезу обоснованного решения.

Здесь уже нельзя будет отделяться полетами стратегии дальнего прицела и придется конкретно и последовательно решать ближайшие задачи, чтобы в общей перспективе громить противника на всей его оперативной глубине.

При этом уж не самый замысел решения составит основную часть искусства управления и ведения глубокой операции. Еще в конце прошлого века Леваль писал, что «вдохновение мало-помалу нисходит с интеллектуальных высот к практике действительности» и что «замыслы попадают все в более тесную зависимость от той материализации, которую они получают».

Техника и расчет организации и выполнения операции составят основной предмет работы современного командарма и его штаба. Огромные масштабы, огромные колонны,

огромные технические средства, огромные тылы — все это потребует огромных способностей все рассчитать, все организовать, все направить.

Управление современной глубокой операцией заключается прежде всего в ее организации.

Само оперативное искусство как искусство управления становится в современных условиях прежде всего организационным искусством — умением правильно рассчитать, четко организовать и твердо направить.

Величайший хаос и крушение под тяжестью собственной массы огромных сил и средств предстоят в том случае, если это организационное искусство окажется не на высоте или откажет хотя бы в одной организационной детали.

Становится очевидным, что это искусство не может опираться на свободное организационное творчество. Оно имеет своим объектом область, в которой все тесно связано, все требует согласования и находится во взаимодействии. Здесь все должно разрешаться на каких-то определенно установленных организационных основах.

Современное оперативное искусство приближается к позитивной системе положительных основ, чего не мог еще предвидеть Мольтке, когда он в своих указаниях высшим начальникам писал: «Вождение крупных войсковых масс не поддается изучению в мирное время».

Современное оперативное искусство стоит перед настоятельной необходимостью регламентировать технику организации и ведения глубокой операции в тех пределах и с той точностью, которые обязательны для любого уставного положения.

Развертывая перспективы глубокого развития прорыва, мы вряд ли можем согласиться с прогнозом Леваля, что «воображение и творчество уже не могут иметь хода», что «полет замысла уменьшается» и что «прошли времена знаменитых подготовок, гениальных комбинаций и великолепных маневров».

Когда наступит момент выпускать из глубины эшелон развития прорыва и переносить маневр в глубину сопротивления, оперативное искусство вновь станет перед задачей принятия смелого и острого решения соответственно обстановке.

Командарм-организатор, планомерно и по расчету руководящий операцией, станет в этот момент командармом, остро

и мгновенно воспринимающим обстановку во всем ее многообразии и тут же принимающим смелое решение по своему вдохновению, материалистически обоснованному. Он явится в этот момент непосредственно и действующей и командующей инстанцией, ибо поднимать в воздух авиацию и бросать в прорыв эшелон развития прорыва придется актами непосредственного командования. Здесь речь будет идти о часах и минутах. Естественно, что эти решения последуют уже не из уютного кабинета армейского штаба, расположенного глубоко в тылу, а с выдвинутого к фронту прорыва оперативного командного пункта. Находясь на этом пункте, современный командарм должен пребывать в непосредственном общении с обстановкой и чувствовать бие пульса на фронте атаки.

Так современный полководец вновь появится на «Праценских высотах» и, окруженный аппаратами радиосвязи и телевидения, имея всегда в своем распоряжении самолет, будет знаком руки руководить современной операцией глубокого прорыва.

Мощный штаб — организатор и технический исполнитель решений — будет предоставлен к его услугам. Возглавляющая оперативная часть его будет безотлучно при командарме. Другая субординированная часть штаба будет расположена позади, управляя и регулируя передвижениями частей глубокого оперативного построения. Наконец, третья тыловая часть его расположится еще дальше в глубине, примерно, на линии железнодорожного базирования, и будет управлять всем сложным механизмом питания и обеспечения глубокой операции.

Так, система управления операцией сама строится по глубокой схеме, неизбежно усложняя организацию и согласование всей работы. Эта система управления должна быть также регламентирована рядом точных уставных положений. И даже в этом случае потребуется высокое искусство, чтобы заставить ее работать планомерно и безотказно.

Наконец, когда эшелон развития прорыва прорвется в глубину сопротивления и приступит там к своей уничтожающей работе, управление и решение достигнут уровня высшего искусства окружения и сокрушения в новых условиях глубокой стратегии.

После изнуряющих методов ведения сражений на истощение это будет ярким воскрешением «знаменитых подго-

товок, гениальных комбинаций и великолепных маневров».

Таковы перспективы эволюции оперативного искусства в эпоху глубокой стратегии.

8. От теории к практике глубокой операции

Перспективы новой эпохи глубокой стратегии, обрисованные нами в их общих теоретических начертаниях, требуют теперь конкретизации, чтобы из области философии и теории перейти в область практического применения.

В общих начертаниях мы старались лишь определить основные контуры новой эпохи в эволюции военного искусства.

Мы исходили при этом из основной предпосылки, что наша будущая революционно-классовая война явится величайшим актом вооруженной борьбы, имеющей всемирно-историческое значение.

«Каждая большая война представляет отдельную эпоху в истории военного искусства», — говорит Клаузевиц.

Такую новую эпоху военного искусства предопределяет наступившая эпоха социалистических революций и революционно-классовых войн.

Но новые формы военного искусства, созревшие в процессе исторической эволюции, не рождаются самопроизвольно в своем конкретном проявлении; они должны быть осознаны и изучены; они должны получить свое философское, теоретическое обоснование.

«Каждая эпоха должна иметь свою собственную теорию войны, хотя бы даже рано или поздно принялись за обработку ее на философских началах» (Клаузевиц).

Без обоснованной теории не может быть разумной практики. Мы начали поэтому с теории, чтобы перейти затем к практике конкретного расчетного оформления глубокой операции.

Этот путь раскрыл перед нами всю эволюцию, совершенную военным искусством с начала XIX в. Только в различии крупных исторических эпох можно установить закономерности развития военного искусства и уяснить, как и почему это искусство переходило от одних форм к другим и почему оно завершается эпохой глубокой стратегии.

Эволюция характера операции

Эпоха	Расчленение операции по фронту	Расчленение операции в глубину	Оперативное построение наступления	Формы оперативного маневра	Характер стратегии
Наполеон. На рубеже XVIII и XIX вв.	Одна точка	Одно мгновение	Сомкнутая глубокая колонна в одной массе	Массированный удар по внутренним линиям	Стратегия одной точки
Молытке. 2-я половина XIX в.	Прерывчатый фронт отдельных раскинутых в пространстве точек	Прерывчатая цепь отдельных не связанных сражений	Широкое развертывание в отдельных группах	Концентрический маневр по внешним линиям	Линейная стратегия прерывчатого фронта
Мировая война 1914—1918 гг.	Сплошной фронт слившихся в одну линию точек	Единая цепь прерывчатого ряда сражений	Широкое развертывание сплошным фронтом	Заходящий маневр по внешним линиям	Линейная стратегия сплошного фронта
Будущая война	То же	Сплошная цепь слившегося ряда сражений	Глубокое развертывание в нескольких эшелонах	Фронтальный удар по внешним линиям и сокрушительный маневр из глубины в глубину по внутренним линиям	Глубокая стратегия

Так точка эпохи Наполеона распалась на ряд отдельных рассыпанных в пространстве точек в эпоху Мольтке. Этот ряд точек слился в эпоху мировой войны в одну сплошную линию. А теперь эта линия растет в глубину, превращаясь в квадрат и получая новое измерение по площади.

Мы вступаем в новую эпоху глубокой стратегии и переходим от фронта широкого, линейного к фронту глубокому.

Разумеется, не всюду, не сразу и не во всех случаях и условиях формы новой стратегии проявятся в полной мере. Историческая эволюция вообще не знает таких определенных границ. В условиях нашего театра военных действий в начальный период войны могут еще быть предпосылки для линейной стратегии охватывающего маневра. Однако, все принципиально новые факторы глубокой стратегии скажутся в нашей борьбе с такой же полной силой.

Именно потому, что рабочий класс выступает как всемирно-историческая прогрессивная сила и что в основах глубокой стратегии заложена идея уничтожения, революционный пролетариат явится первым носителем нового оперативного искусства и выдвинет первых мастеров глубокой операции сокрушения.

«Действительная перемена в военном искусстве является последствием изменения политики» (Клаузевиц).

Только величайшие политические цели нашей борьбы могут обеспечить новой глубокой стратегии ее историческое осуществление.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ БОЯ

Основа боя — это преодоление и уничтожение противостоящего боевого порядка противника. Вне зависимости от характера операции, маневренной или фронтальной, в конечном счете на поле боя решает преодоление и уничтожение противопоставленного фронта. Вся история мировой войны показывает, что именно бессилие боевого порядка наступления в атаке было основной причиной возникновения позиционной войны и безуспешности наступательных операций.

Исход операции в целом определяется в конечном счете тактическими факторами.

Фронт может быть даже сплошным, не оставляя свободного пространства для охвата и маневра; однако, если тактика наступления окажется способной преодолеть противостоящее сопротивление, то фронт начнет ломаться, придет в движение и приведет к войне маневренной. Наоборот, фронт может быть прерывчатым, допускающим охваты и широкие маневры; однако, если боевой порядок наступления окажется бессильным ломать противопоставленное сопротивление, то фронт вскоре затянется сплошной стеной и остановится в статике, как это было в войну 1914—1918 гг. Решает мощь и способность атаки в бою.

В перспективах современной атаки следует искать решение проблемы характера операций будущей войны.

В области тактики кроются основные факторы, определяющие решение проблемы современной операции. Тактика как область организации непосредственного физического воздействия на противника, как область непосредственно-

го приложения сил бойца и свойств оружия в бою преломляет и испытывает все колоссальные изменения нашего времени острее и скорее всего. Существо всех новых факторов вооруженной борьбы приводит сейчас в области тактики к коренным, принципиальным изменениям. Это конкретно и практически проявилось у нас в переходе к новым формам глубокой тактики наступательного боя.

Существо этой тактики заключается в том, что от изнурительного, ползучего, последовательного преодоления огневого сопротивления по расчленениям, по этапам и по частям мы переходим к одновременному сковыванию и подавлению всей тактической глубины противника и одним одновременным всеподавляющим воздействием ломаем, проламываем и уничтожаем противостоящее сопротивление. Тем самым решается вопрос преодоления огневого фронта во всей его глубине. Однако, если глубокая тактика наступательного боя и является принципиально новым явлением в отличие от старых форм боя, то, разумеется, она не появилась скачком из ничего и подчинена общим закономерностям развития военного искусства. Это и обязывает нас прежде всего уяснить себе причины и исторические корни, вызвавшие и обусловившие их появление.

Критическое рассмотрение развития тактики в эпоху мировой войны является в этом отношении основным материалом. Только исторический взгляд на события объясняет и доказывает, почему явление на данном этапе становится именно таким, а не другим.

1. Состояние тактики до мировой войны

В основе тактики как организации непосредственного вооруженного воздействия на противника в бою лежат два основных и неразрывных фактора — это человек и оружие. В своем неразрывном единстве они определяют собою силу и напряжение того физического воздействия, которое оказывается на противника в бою.

По характеру этого физического воздействия мы могли бы все развитие тактики, рассматривая ее в крупном историческом разрезе, разделить на две основные крупные эпохи.

Одна эпоха, когда физическое воздействие на противника оказывалось непосредственным ударом, а содержанием тактики являлось ударное поражение.

Вторая эпоха, когда непосредственное вооруженное воздействие на противника оказывается огнем, а содержанием самой тактики является огневое истребление.

Историческим рубежом этих двух эпох можно считать эпоху Наполеона, когда в основном на поле боя действовала ударная сила, хотя картечи артиллерии придавалось уже достаточно большое значение.

В основном эпоха огневого истребления наступила во второй половине XIX в., с введением нарезного оружия, и, в частности, нарезного ружья Дрейзе и нарезной артиллерии Круппа. Сила огня чрезвычайно быстро завоевала значение основного материального фактора воздействия в бою.

По утверждению самого Мольтке уже сражение под Седаном в 1870 г. велось и было выиграно, в сущности, одним огнем артиллерии. С тех пор сила огня показывает быстрый рост, выражающийся в значительном увеличении скорострельности и дальности, а в общем — в повышении коэффициента убийственной силы.

Если батальон эпохи Наполеона мог давать всего 2 000 пуль в минуту, то в эпоху Мольтке это число возросло до 7 000, накануне мировой войны — до 11 000—15 000 и доходит теперь до 20 000 пуль в минуту.

Одновременно с господством пули на поле боя растет и значение артиллерии, правда, в значительно меньшем удельном весе. До эпохи мировой войны на поражаемость от пули приходилось от 75 до 90% и только остальное количество потерь причинялось артиллерией. Во всяком случае артиллерия выросла накануне мировой войны в среднем до шести орудий на батальон и играла в общем огневом заграждении, создаваемом перед фронтом, заметную и значительную роль.

Новый фактор возросшей силы огня приобрел колоссальное значение, определив все дальнейшее развитие тактики. Полной переоценке подверглась прежде всего сила обороны.

Соотношение силы обороны и наступления в эпоху ударного поражения имело, в сущности, весьма малое значение, так как орудие удара обладало в общем одинаковой силой как при оборонительном, так и наступательном применении.

И Клаузевиц, который первый выдвинул эту проблему, решает ее скорее в общеполитическом и стратегическом разрезе, чем в тактическом. С наступлением эпохи огневого истребления эта проблема приобрела сразу колоссальную остроту и значение, ибо с первого же применения на поле боя нового нарезного огнестрельного оружия выяснилось и стало совершенно очевидным, что это оружие обладает несравненно большей силой и большей рентабельностью применения в обороне, чем в наступлении. Это вытекало не из характера и свойства самого оружия, а из тех целей, которые ему противостоят в наступлении и обороне.

Разумеется, что огневая единица, укрывшаяся в местности и имеющая перед собой открыто наступающие цели, может быть более рентабельно применена, чем та же самая единица в наступлении, когда она имеет перед собой огневую систему, укрытую в местности. Этот вопрос превосходства огня обороны над огнем наступления должен был, естественно, выдвинуть проблему организации войскового организма, его вооружения и тактических форм действий, рассчитанных на то, чтобы противостоят новой силе огня и преодолеть ее. Между тем этот центральный для тактики наступления вопрос не находил накануне мировой войны никакого практического разрешения.

Наоборот, Фош перед мировой войной писал:

«Усовершенствование огнестрельного оружия ведет к возрастанию силы наступательного образа действий», — и это было, разумеется, ложным заключением, опрокинутым первыми же событиями мировой войны.

В общем все уставы и все доктрины говорили перед мировой войной о наступлении как о единственно возможном решении вопросов вооруженной борьбы. Особенно ярко это было выражено во французских уставах, отредактированных, как известно, Фошем; в них говорилось, что «оборона ведет к поражению». Доктрина эта была доведена до такой истерии, что всякий, кто интересовался вопросами обороны, рисковал испортить себе карьеру. Одинаково ставился вопрос и в германской доктрине, выраженной в идее обхода и уничтожения; правда, в германских уставах придавалось значительно большее значение силе огня. Между тем под эту наступательную доктрину не было подведено никакой организационной, материальной базы. Войсковой организм, который вступил в войну в 1914 г., был по своему

составу и вооружению совершенно бессилён преодолеть новую мощь огня.

В основном это была масса пехоты, пехоты количества, представлявшей собой однообразно организованные и однообразно вооружённые единицы. Измерялась она количеством штыков. Все её вооружение составляла винтовка образца 1898 г., как известно, с далеко неудовлетворительной конструкцией пули. В наступлении пехота эта была беззащитна против огня и вступила в войну даже ещё не полностью в защитной форме обмундирования. Пехотный полк имел на своём вооружении, как известно, всего 6—8 пулеметов, которые отнюдь не расценивались как вооружение пехоты и считались более родственными артиллерии. При этом чрезвычайно громоздкий станок и огромный щит делали пулемет трудно применимым в пехотном бою. Если говорить о технических средствах пехоты, то остается ещё отметить лишь средства связи, которые были представлены в полку шестью телефонными аппаратами и 18 км кабеля. Этим и исчерпывался весь технический арсенал пехоты.

В области тактики вся эволюция её во 2-ю половину XIX в. заключалась в развертывании глубокой колонны удара в широкие цепи и линии, дававшие возможность полному применению огня. Только в начале XX в. пехота перешла окончательно к широким стрелковым цепям, обусловленным материальным фактором огнестрельного оружия. Но и при этом нужно заметить, что широкие стрелковые цепи ещё далеко не полностью обрели права гражданства, и германский пехотный устав писал, что «часто придется прибегать к расчленению на мелкие единицы и к применению развернутых строев. Отказ от сомкнутого порядка есть однако зло, которого следует избегать».

Таким образом, сплошные сомкнутые строи были ещё далеко не полностью изгнаны из тактики накануне 1914 г.

Переход к широким стрелковым цепям был закономерным явлением исторической эволюции; но сама стрелковая цепь не имела никаких элементов, которые давали бы ей возможность свой огонь в бою непосредственно эксплуатировать, ибо когда этот огонь решал вопрос огнестрельного подавления, то сама широкая стрелковая цепь оказывалась недостаточно маневроспособной и гибкой для того, чтобы эксплуатировать свой огонь непосредственным переходом

к удару. Это обстоятельство должно было неизбежно привести к затяжным огневым боям и совершенно исключить, например, такой этап завершения боя, как тактическое преследование на поле боя, которого бои мировой войны действительно не знали.

Однако, самое важное заключалось в том, что стрелковая цепь как носительница огневого наступления была бессильна преодолеть сопротивление противостоявшей ей системы огня в обороне.

Таким образом, в области организации, вооружения и тактики пехоты перед 1914 г. должны быть отмечены два чрезвычайно важных фактора, предопределяющих исход боев первого периода мировой войны. Первое — сама пехота по своему составу и вооружению была бессильна противостоять новой силе огня и преодолеть ее. Второе — даже в том случае, когда пехота в наступлении оказывалась способной подавить противостоящий ей огонь, она не имела в составе своего боевого порядка ничего для того, чтобы результаты своего огня непосредственно эксплуатировать и довести бой до решительного результата. Исход первых боев 1914 г. был тем самым предreshен.

Разумеется, что в этих условиях артиллерия должна была приобрести тем большее значение, ибо только она была на первых порах способна подавить противостоящую наступлению силу огня. Артиллерия количественно действительно возросла и приобрела, несомненно, более совершенные технические показатели по своей скорострельности и дальнотойности; однако, удельный вес ее был накануне 1914 г. чрезвычайно незначительным.

Во-первых, ее огонь базировался в основном на шрапнели. Ее разрушительная сила была очень мала, и среди всех артиллерийских калибров 1914 г. можно, пожалуй, отметить как орудие разрушения и подавления в полевой войне только германскую гаубицу 1898 г., которая была усовершенствована в 1909 г., имела дальность в 6 400 м. и снаряд весом в 16 кг.

В основном артиллерия не имела накануне 1914 г. силы разрушения. Этот вопрос впервые встал у немцев, которые, как известно, первые ввели на своем вооружении тяжелую артиллерию; она была представлена в германском корпусе 16 тяжелыми гаубицами и пушками калибра 150 и 105 мм.

Технической отсталости артиллерии соответствовали и тактические взгляды на ее боевое значение. Французский полевой устав, например, говорил: «Артиллерийский огонь обладает лишь ничтожной действенностью; артиллерия — вспомогательный, второстепенный род войск». А по французскому артиллерийскому уставу «артиллерия не подготавливает атаку, она ее только поддерживает». Только в германских уставах говорилось, что пехотная атака должна быть подготовлена артиллерийским огнем; это высказывание приобретало, однако, скорее значение совета и пожелания, чем обязательного условия организации наступления. При подобном взгляде на значение артиллерии считали, что тот состав ее, которым располагают дивизия и корпус, совершенно достаточен для решения всех огневых задач. В общем считали, что легкая батарея калибра 76 мм может решить любые задачи на фронте в 200 м. Отсюда выводилась норма — 5 батарей на 1 км фронта. А так как по уставам корпус ставился при наступлении на фронт в 6 км, то, значит, ему требовалось 30 батарей (5×6), или 120 орудий. Это количество орудий имел по штату французский корпус, а германский корпус имел и того больше (160 орудий). Поэтому вопрос о каком-либо количественном и тем более качественном усилении войск артиллерией совершенно отпадал. Больше того, отпадал вопрос о централизации или массировании артиллерийского огня даже в пределах поля боя, потому что считалось, что на фронте в 200 м батарея может полностью решить все задачи. Вопросы управления артиллерийским огнем, его централизации и маневра траекториями поэтому также не поднимались. Даже такой передовой устав, как германский, совершенно не касается вопроса организации телефонной связи в артиллерии; считалось, что в пределах батареи действует исключительно непосредственная, зрительная связь.

В этих условиях становится очевидным, что пехота, не обладавшая способностью преодолеть новую силу огня, не могла получить от артиллерии той поддержки, без которой наступление становилось невозможным.

Правда, неофициально высказывались и другие воззрения, проливающие свет на брожение умов накануне мировой войны. Одни из военных исследователей во главе с Шлихтингом вообще отрицали возможность фронтальной атаки.

Шлиффен построил на этом все свое учение, переносившее решение боя и операции на фланги. Охват и обход должны были стать основными формами наступательных действий. Это было, в сущности, решение проблемы по линии наименьшего сопротивления. Условия конца XIX в. действительно оставляли определенную маневренную свободу искать и находить фланги. Но, как показали первые события войны 1914 г., этот взгляд оказался далеко не дальновидным и не предвосхитил эволюции характера операций на рубеже XX в., когда фронт стал сплошным и флангов не оказалось. В этих условиях фронтальная атака должна была стать неизбежной.

Был целый ряд других взглядов. Среди них должен быть отмечен взгляд французского артиллериста Ланглуа, который совершенно отчетливо ставил вопрос о том, что обязательным условием наступления становится массирование артиллерийского огня.

В последние годы XIX в. Ланглуа выдвигал в своих трудах схему той организации боевого порядка наступления, к которой пришли только на второй год мировой войны. При этом он выдвигал норму от 50 до 100 орудий на 1 км фронта, считая без этого наступление невозможным.

Неофициальные доктрины затрагивали и другой чрезвычайно важный вопрос — это бессилие боевого порядка наступления использовать достижения своего огня, дабы довершить бой непосредственным ударом и тактическим преследованием.

На этот вопрос очень ясно указал Бернгарди в своем труде «Современная война». Он пишет: «При современных условиях огня глубокое расположение является необходимым элементом решительной тактики». При этом Бернгарди давал форму такого глубокого построения. Это были, однако, лишь неофициальные воззрения военного исследователя. Наконец, после англо-бурской войны в военной литературе указывалось, что решать бой атакой вообще невозможно.

Следует заметить, что к подобному выводу приходили не учитывая еще одного фактора огромного значения: огонь приобретал новые качества, новую силу, потому что ему на помощь приходили земляное укрытие и окопы. Хотя русско-японская война выявила все значение этого обстоятельства, которое было тщательно изучено немцами, тем

не менее в официальных доктринах никаких выводов сделано не было.

Тот же Бернгарди писал: «О настоящей окопной войне, требующей фронтальных ударов, еще никто не думал».

В итоге характер боя был накануне мировой войны мало изучен. Основной материальный фактор этого боя — огонь — был по его возросшей силе мало учтен. Организация, вооружение и тактика не были приспособлены к тому, чтобы в наступлении противостоять новой силе огня и его преодолеть. Основным фактором боевого порядка наступления оставалась живая сила. Артиллерии придавалось очень ограниченное значение, и бой представлялся боем двух пехот.

Так вступили империалистические армии в мировую войну 1914—1918 гг.

Если учесть реакционный, империалистический характер этой войны, то становится совершенно ясным, почему Энгельс за 30 лет до 1914 г. мог удивительно верно предсказать, что это будет война, в которой «миллионы солдат будут просто душить друг друга...» И это подтвердилось в первых же событиях войны 1914 г.

2. Кризис тактики наступления

Короткая прелюдия маневренного периода мировой войны, которая заняла всего 1½—2 месяца, являет собой процесс чрезвычайно скоротечного нарастания кризиса тактики наступления.

С первых же боев выяснилось, что огонь наступления был бессилён преодолеть систему огня организованного сопротивления.

В области боевого применения артиллерии стало сразу совершенно очевидным, что на фронте в 200 м батарея может решать свои задачи только тогда, когда она имеет перед собой открытые цели, открытый боевой порядок наступления, и что эта норма отнюдь не оправдывает себя, если приходится бороться с системой огня, приспособленной к удержанию местности.

Наконец, во многих случаях высокая огневая дисциплина наступавших германцев достигала явного подавления огня сопротивления англо-французов. Но решающего тактического результата все же не могло быть достигнуто, так

как линейный боевой порядок наступления не имел в глубине своего построения никого, кто мог бы непосредственно эксплуатировать достижения огня. А широкие, развернутые стрелковые цепи были для этого мало пригодны. 1914 год совершенно не знал тактического преследования на поле боя, ибо преследовать было некому. Тщательное изучение боев пограничного сражения на французском фронте полностью подтверждает это. В итоге огневой фронт англо-французов в 1914 г., в сущности, нигде не был окончательно сломлен и просто отхлынул назад.

Большой оперативный размах германского наступления к Марне иногда скрывает подлинный тактический характер происходивших боевых событий, ибо на самом деле французский фронт (левый его фланг) был вынужден отходить на 400 км вовсе не потому, что он был подавлен огнем и ударом наступления с фронта, а потому, что германцы, выиграв правый фланг, захлестывали левое крыло французов, а это левое крыло, отходя назад, тянуло за собой и весь французский фронт. Когда германцы потеряли преимущество охватывающего фланга, наступление завязло на Марне. Сражение на Марне вылилось в целом в сражение фронтальное. И все существо этого сражения сказалось в бессилии германского наступления преодолеть огневое сопротивление французов. После сражения на Марне стали вновь искать фланга и начали бег к морю. Это было событием крупнейшего тактического значения, ибо на самом деле бежали к морю в поисках открытого фланга потому, что бежали от пули. Но при этом каждый раз встречали ту же самую пулю, потому что и союзники могли в такой же степени удлинять свой фланг на север; и тогда в чрезвычайно скоротечном процессе фронт распространился на север до самого моря и принял протяжение сплошной стены в 700 км. Эта оперативная эволюция была, таким образом, обусловлена факторами тактического значения: новой силой огня и бессилием боевого порядка наступления ее преодолеть.

Когда в сентябре — октябре 1914 г. позиционный фронт полностью оформился, тактика наступления стала перед совершенно новыми проблемами. Прежде всего выяснилось, что огонь может быть наиболее рентабельно, с наибольшим эффектом применен при тактике сопротивления наступлению, при удержании местности, при обороне. Поэтому та

сторона, которая была вынуждена всем ходом событий 1914 г. сопротивляться и перейти к обороне, скорее всего учла все значение новой силы огня и скорее всего сделала для себя все необходимые выводы. На всем протяжении мировой войны ведущим фактором в изыскании новых форм боя, новой организации и вооружения пехоты явилась именно оборона, которая на каждом этапе развития событий оказалась выше уровня наступления. Только последний этап мировой войны в известной степени изменил это соотношение.

Когда стало ясно, что существо сопротивления заключается не в силе штыков и числе их, а в силе огневого заграждения, — перед французами уже в конце 1914 г. встал вопрос об изменении вооружения, а стало быть и организации пехоты. Если удержание местности базируется на силе огня, в применении которого пулемет завоевал свое полное первенство, то материальной основой организации пехоты становится не живая сила бойца, а пулеметная группа.

С 1915 г. начинается крупнейшая реорганизация войскового организма, которая на фоне огромных событий мировой войны прошла как будто незаметно, но имела на самом деле огромнейшее значение в развитии военного дела и сыграла роль полной революции в тактике.

Если пехотный полк в 1914 г. общей численностью в 4 000 человек состоял из 16 рот, имел 6—8 пулеметов и мог давать 45 000 пуль в минуту, то после реорганизации, которая полностью оформилась в последующие годы войны, тот же полк состоял в 1918 г. из 1 500 человек, имел вместо 16 рот — 9 и вместо 6 пулеметов — 24—32 станковых пулемета. При этом эволюция техники привела к новым образцам легких ручных пулеметов, которые стали основным вооружением пехоты. Все это давало возможность полку новой организации давать от 80 000 до 100 000 пуль в минуту. В связи с этим четырехполковая дивизия была сведена в трехполковую состав, значительно увеличив при этом свою огневую убойную силу. Это было крупнейшей реорганизацией войскового организма, сохраняющей свое полное значение и на сегодняшний день.

Если бы мы хотели найти какую-либо историческую аналогию, чтобы уяснить себе значение этой реорганизации, мы могли бы привести сравнение с промышленным перево-

ротом в Англии, когда работу, которую до того времени производил ткач, стал выполнять ткацкий станок. Роль этого ткацкого станка сыграл в войсковом организме пулемет.

Необходимо, однако, указать на одно чрезвычайно важное и интересное явление. Как раз с того момента, когда пехота была насыщена пулеметами, которые могли перед своим фронтом создавать сплошную зону огневого заграждения, кардинальным образом изменилось соотношение удельного веса поражений от пехотного огня и артиллерии. В последующие годы мировой войны на потери от артиллерии приходилось уже 50—60%.

Объясняется это чрезвычайно важное обстоятельство тем, что пуля сыграла роль огневого средства, связывающего боевой порядок наступления, останавливающего его и пригибающего его к земле. И когда это случалось, артиллерия могла теперь с полной мощностью наваливаться на скованный боевой порядок и в полном смысле слова истреблять его своим огнем на поражение.

Таким образом, огромные потери от артиллерии могли стать возможными только потому, что сплошное огневое заграждение пуль полностью сковывало боевой порядок наступления.

Перевооружившись материально и освоив новую организацию пехоты, тактика обороны скорее перешла и к новым тактическим формам. В 1915 г. германская оборона представляла собой уже полосу из трех линий общей глубиной в 4—6 км. Таким образом, фактор тактической глубины нашел свое первое проявление именно в обороне. При этом одновременно готовилась уже в 10—12 км за первой полосой вторая полоса, которая к 1916 г. окончательно оформилась. Тактика оборонительных действий приняла сразу вполне отчетливый метод, и инструкции 1915 г. говорят уже о том, что драться нужно отнюдь не на одной первой линии, что сущность оборонительной тактики заключается вообще не в том, чтобы драться на отдельных укрепленных линиях, что сила обороны заключается в глубине и что все прорывающиеся через первую линию части наступления должны уничтожаться контрударами из глубины. Таким образом, в 1915—1916 гг. вполне отчетливо оформились тактические взгляды на тактику обороны.

Совершенно очевидно, что новый фактор силы огня, полностью выявившийся в 1915 г., должен был повлечь за собой коренной пересмотр основ наступления и тактики ведения наступательного боя.

Тактика наступления не учла своих перспектив, вступая в войну 1914 г. А в 1915 г. она должна была встретиться уже с совершенно новым фактором значительно возросшей силы огня и глубины сопротивления. Тем самым противоречия между возможностями наступления и силой обороны еще более возросли.

Наступление было теперь поставлено перед вопросами несравненно более трудными, чем те, которые не были им разрешены в маневренный период 1914 г. Проблема казалась настолько новой, что французы, например, не нашли ничего лучшего, как обратиться к своему старому уставу осадной войны. Такова была печальная историческая действительность. В этих условиях первые попытки наступательных действий в 1915 г. были чрезвычайно незрелыми и безотчетными. Однако, в одном отношении они избрали сразу правильную дорогу. Стало очевидным, что боевой порядок наступления требует отныне всемерного артиллерийского насыщения и уплотнения. Узкие фронты для пехоты, насыщение их массированными средствами артиллерии нашли свое практическое осуществление с начала 1915 г. и показали разительную эволюцию этого фактора к концу мировой войны. На том же самом фронте в 80 км, на котором в 1914 г. наступало 37 дивизий с 393 батареями, к концу мировой войны наступало 75 дивизий с 1 432 батареями. При этом резко изменилось соотношение легкой и тяжелой артиллерии в пользу последней (в 1914 г. — 11 : 2; в 1918 г. — 9 : 7). Уже в 1915 г. норма 70—75 орудий на 1 км фронта атаки была практически узаконена.

Однако, организация самого наступления встретила сразу неразрешимые противоречия. Они заключались в том, что задача овладения оборонительной полосой, принявшей сразу глубокое эшелонирование, и дистанция, достигаемая действительным огнем артиллерии, были не одинаковы по глубине.

Полное овладение оборонительной полосой требовало уже в 1915 г. проникновения атакующей пехоты в глубину обороны на 6—8 км (до района расположения артиллерии и резервов). Вскоре эта глубина возросла до 10—12 км.

А артиллерия находилась в 1915 г. на таком уровне тактического и технического развития, когда могла вести действительный прицельный огонь на дистанцию, захватывавшую глубину обороны лишь на 2—3 км.

Таким образом, ножницы между задачей пехоты по овладению оборонительной полосой и возможностями артиллерийского подавления целей обороны были неизбежны.

Так как это противоречие не могло быть разрешено, а наступление требовало проникновения в глубину обороны на 6—8 км, — было на первых порах решено, что в глубине оборонительной полосы пехота может наступать и без поддержки артиллерии и что вообще артиллерии принадлежит далеко не решающее значение в прорыве. Рецидив взглядов, господствовавших до войны 1914 г., вновь обрекал пехоту на безуспешные кровавые дела. Артиллерийская подготовка назначалась на короткое время — от 3 до 5 часов. Артиллерии ставились весьма ограниченные задачи — подавить лишь цели на переднем поле обороны. Таким образом, глубина обороны оставалась артиллерией совершенно не затронутой и после прорыва переднего края пехота должна была продолжать наступление одной своей ударной силой. Для этого ее нагромождали в густых строях из расчета — один боец на 1 пог. м. Эти пехотные строи по своей насыщенности превосходили собой строи ударных колонн эпохи Наполеона.

Вместе с тем боевой порядок наступления получил и свое новое развитие в глубину. В мировую войну пехота вступила с тактикой атаки одной густой стрелковой цепью. Теперь было признано, что количество линий сопротивления обороны определяет количество волн наступления.

Глубина обороны вызвала и эшелонирование наступления. Это выразилось в том, что дивизия выстраивалась для атаки полк за полком, т. е. в трех эшелонах.

Волны должны были следовать друг за другом на незначительных дистанциях — от 20 до 30 шагов, заменяя и пополняя ряды первой атакующей линии.

Первые попытки прорыва в 1915 г. представляли собою, поистине, свалку людских масс.

Так было проведено первое французское наступление в Шампани. Оно имело трагические результаты. Было преодолено всего 4 км, причем наступающий боевой порядок был контрударом немцев из глубины совершенно смят и

отброшен. Первая линия была полностью восстановлена обороной. Это стоило французам ужасающих потерь в 45% пехоты, участвовавшей в наступлении.

Потребовались огромные жертвы и целое море крови для того, чтобы были всерьез поставлены на разрешение вопросы организации и ведения прорыва оборонительной полосы.

1915 год должен быть вписан в историю военного искусства, как год полной катастрофы пехоты. Историческое значение этого года заключается в том, что тактика пришла к полной переоценке значения и роли пехоты в наступлении против укрепившегося огневого фронта.

Уже первые инструкции французского командования в начале 1916 г. говорили: «Пехота сама по себе не имеет наступательной силы против препятствий». — «При наступлении никогда не рисковать пехотой против укрепленных пунктов, не предположив атаке хорошую подготовку».

Таким образом, потребовались безрезультатные события 1914 г. и кровавые события 1915 г., для того чтобы было, наконец, признано, что без предварительного артиллерийского подавления пехота в атаку бросаться не может и не должна.

Стало, таким образом, очевидно, что бой нужно вести не путем расходования нагроможденной людской массы, а путем расходования массированных артиллерийских и материальных средств. Эти условия вызвали полную переоценку элементов наступления и выдвинули проблему изыскания новых технических средств борьбы. Высокий уровень индустриального развития империалистических стран дал к тому все возможности. К этому времени и относится доклад английского полковника Суинтона о необходимости построения танка, идея которого с появлением двигателя внутреннего сгорания не составляла в сущности ничего нового. В том же году эта идея была практически осуществлена. Первые образцы танков появляются на французском театре войны уже в 1916 г., правда, еще не участвуя в боях.

В этом же 1916 г. самолет, применявшийся до этого лишь как разведчик, приводится на поле боя, становится боевым самолетом-штурмовиком и принимает участие в боевых событиях, атакуя земные цели с воздуха.

Наконец, в это же время в бой внедряется химическое

оружие, впервые примененное немцами уже в 1915 г. Поворот к развернутому применению материальных средств борьбы сказался, однако, в 1915 г. в основном на артиллерии. Взгляд на артиллерию полностью изменился. Артиллерийское искусство достигло, несомненно, высокой степени массирования огня и действительного подавления и уничтожения целей обороны. Как следствие огромного значения, бой принял резко определившийся материальный характер, получивший свое яркое выражение в последующие годы войны.

Однако, крупные сдвиги происходили одновременно и в эволюции обороны.

Оборона отнюдь не отставала и не оставалась на уровне 1915 г. Наоборот, в усовершенствовании своих тактических форм она все время шла впереди, опережая на целую голову наступление. В 1916 г. вырастает как общее явление вторая оборонительная полоса, придав обороне вид укрепленной зоны глубиной в 15—20 км. Также и качественно эта оборона представляет собой уже иную, возросшую силу, потому что она обрастает сильно развитыми препятствиями, покрывается бетоном, ставя перед артиллерией наступления совершенно новые задачи.

В этих условиях основная роль в наступлении должна была перейти к артиллерии, и сражение получило материальное выражение боя на разрушение и уничтожение. Это нашло свое первое развернутое выражение в событиях под Верденом.

Если, таким образом, технически решение вопроса атаки стало на правильный путь, то тактическая организация овладения оборонительной полосой оставалась перед тем же неразрешимым затруднением, заключавшимся в противоречиях между глубиной задач пехоты и возможной дистанцией артиллерийского подавления. В разрешении этого вопроса пошли просто по линии наименьшего сопротивления. Так как артиллерия не могла сразу подавлять всю глубину обороны и ее дальности хватало лишь на то, чтобы поражать цели обороны в глубину на 3—5 км, и так как всякое наступление пехоты вне артиллерийской поддержки было уже признано невозможным, то задачи пехоты по глубине были определены возможной дистанцией артиллерийской поддержки.

Таким образом, глубина прорыва была определена проникновением в оборонительную полосу на 3—5 км, после чего считалось необходимым заново организовать атаку путем перегруппировки всей артиллерии с выдвижением ее вперед.

Таким образом, можно было, разумеется, рассчитывать лишь на преодоление первой полосы обороны. А так как оборона к 1916 г. имела уже глубину в 15—20 км, то стало совершенно ясно, что оборонительная полоса будет прорываться рядом последовательных, методически расчлененных действий, от рубежа к рубежу. Начиная с 1916 г., наступательные действия превратились в ползучее, изнурительное овладение каждым районом обороны в отдельности и по расчленениям. Фактически это привело к темпам 100—1 000 м продвижения в день боя.

По сравнению с тактикой 1915 г. это было с одной точки зрения известным прогрессом, однако, с точки зрения разрешения проблемы прорыва в целом это означало несомненный регресс.

Суть вопроса заключалась в том, что, таким образом, вообще нельзя было рассчитывать на прорыв всей оборонительной полосы. События 1916 г. это чрезвычайно ярко показали. Оборона, у которой методическими, последовательными действиями отрывали один кусок за другим в то время, когда ее глубокие тактические резервы оставались совершенно незатронутыми, сохраняла возможность каждый оторванный кусок немедленно восстанавливать из глубины при устройстве соответствующего очага сопротивления. Таким образом, глубина обороны могла непрерывно поддерживаться и в сущности выходило, что оборонительная полоса, не теряя своей глубины, лишь целиком отодвигается назад, нигде не проламывается и восстанавливает из глубины каждый оторванный на переднем крае участок обороны. Это обстоятельство решающего значения для перспектив методического, расчлененного наступления полностью раскрылось в событиях 1916 г.

На сегодняшний день оно приводит нас непосредственно к проблеме глубокого, одновременного подавления всей тактической глубины обороны.

В 1916 г. для такого решения вопроса не существовало еще необходимых материальных предпосылок. Однако,

и консерватизм тактической мысли сыграл тут, несомненно, свою роль.

Артиллерия выявила уже свою полную мощь. Она показала свое огромное подавляющее, разрушающее действие, которое не было оценено к началу войны, несмотря на то, что тяжелые калибры, в частности, в германской армии, уже имелись.

Сражение у Вердена, в котором немцы боролись с сильно укрепленным районом, показало, что артиллерия способна эти цели подавлять. Интересно отметить, что в этом сражении в первый день атаки (21 февраля) благодаря уничтожающей силе артиллерии немцы прорвались сразу на 6—7 км, т. е. больше, чем было достигнуто в прорывах 1915 г.; причина этого заключалась в полном применении разрушающего огня артиллерии. В следующие дни сражения под Верденом (24 февраля) был момент, когда дорога в Верден была совершенно открыта. Но здесь раскрылся новый кризис в построении наступательного боя.

К 1916 г. было уяснено, что боевой порядок наступления требует глубокого тактического эшелонирования, без которого кинетическая инерция наступления быстро падает и затем вовсе иссякает.

В 1916 г. немцы строили свои корпуса для наступления в 2 линии, а дивизии — в 3—4 линии. Необычайное нагромождение пехоты было сохранено, и дивизии ставились на фронт 1 км.

Суть вопроса заключалась, однако, в том, что это глубокое тактическое эшелонирование имело своим назначением только количественное пополнение и замену первых эшелонов, когда они иссякнут в своей наступательной силе. Качественно нового эти эшелоны ничего не вносили — в том смысле, чтобы развивать успехи, достигнутые первыми эшелонами, развивать их удары в глубину и одновременно переносить борьбу на большую глубину обороны.

Кризис событий под Верденом 24 февраля заключался в том, что, когда брешь во фронте была пробита и открылась дорога на Верден и когда в это время первые эшелоны впитали уже в себя все позади стоявшие эшелоны, в боевом порядке наступления не оказалось никого, кто бы мог ринуться в глубину через открывшуюся брешь, и прорыв, достигнутый таким огромным напряжением сил

пехоты и материальных средств артиллерии, довести до решительного и успешного завершения.

А коль скоро этого не случилось, сам тактический успех на фронте атаки оказался, в сущности, ненужным и никаких реальных последствий для наступающих не имел, так как открывшаяся брешь была вскоре закрыта прибывшими резервами обороны.

В 1916 г. это обстоятельство огромнейшего значения осталось в пылу событий вовсе не раскрытым. Из неуспешного исхода наступательных предприятий 1916 г. был сделан вывод о полной невозможности решительных наступательных действий вообще. Первая половина 1917 г. была периодом полной тактической растерянности; она не внесла ничего нового в область тактики наступления, оставив тактическую мысль на старом уровне. Интересно отметить, что это происходило в тот период, когда новые материальные средства подавления начинали уже заметно оснащать боевой порядок. Впервые в 1917 г. французы и англичане получают танки; в то же время боевая авиация уже полностью действует на поле боя. Между тем в решении тактических вопросов наступления сказывается полный застой. Окончательно узаконяется, что наступательный бой прорыва состоит из ряда последовательных, расчлененных атак заранее точно намеченных целей. Методичность наступления достигает в 1917 г. своего высшего оформления. Правда, французские инструкции вносят очень важные изменения; говорится, что пехоте не должны назначаться определенные по глубине рубежи, а каждый тактический эшелон должен в глубину наступать до тех пор, пока хватит его сил. Это было, разумеется, чрезвычайно неопределенным требованием, угрожавшим каждому эшелону истощением до последней степени его физических и моральных сил. Практически было, однако, установлено, что батальон может прорвать глубину обороны противника максимум на 1 000 м и после этого должен быть заменен. Эшелонирование глубины наступления получило в этих условиях еще большее развитие. Отныне корпус в 4 дивизии ставится, как правило, в 2 линии, причем каждая дивизия, наступая полками рядом, имеет их в трех эшелонах (батальон за батальоном).

Таким образом, боевой порядок наступления состоял из 6 эшелонов батальонов. Танки, которые впервые появи-

лись в 1917 г., должны были действовать в непосредственной связи с пехотой и были расценены только как броневая защита для нее.

Мысль о возможности их использования для проникновения в глубину обороны вовсе не возникала.

Первые сражения 1917 г., проведенные в таких боевых порядках, дали еще более плачевные результаты, чем прорывы 1916 г.

В наступлении в районе Араса за 6 дней союзники продвинулись всего на 8 км; при этом из 132 танков, которые приняли участие в этом наступлении, немцами было уничтожено 57, потерпели аварию 64 танка и из всего количества вернулось обратно только 11 танков.

Сражение у Араса было в этом отношении полной катастрофой этого первого боевого дебюта танкового оружия.

Не лучше обстояло дело и со вторым крупным наступлением союзников в 1917 г., которое дало за всю операцию продвижение всего на 5 км. Таким образом, первые сражения, проведенные с танками, не внесли никаких изменений в решение проблемы прорыва. Бой продолжался только на одной передовой линии фронта боевого соприкосновения пехоты. От этой линии танки не отрывались. Глубина обороны не затрагивалась. 1917 год дал наиболее показательные примеры того, как оборона средствами своих резервов немедленно же восстанавливает из глубины свою оборонительную полосу, когда передний край ее начинает пятиться назад, и таким образом все время поддерживает свою общую глубину на одном уровне.

3. Выход из кризиса

Только в конце 1917 г. в спор наступления и обороны были внесены крупнейшие изменения, открывшие собою новый этап в решении проблемы прорыва. В ноябре 1917 г., действительно, как гром среди ясного неба, прогремело сражение у Камбрэ, которое имело огромное значение. Правда, за 3 недели сражения союзникам удалось удержать всего 3—4 км прорванной глубины обороны. Суть вопроса заключалась, однако, не в этом. В сражении под Камбрэ раскрылись некоторые новые факторы влияния танкового оружия на характер наступления.

Эти новые факторы сражения под Камбрэ заключались прежде всего в том, что в нем участвовало значительно меньше пехоты: на фронт в 12 км было поставлено всего 17 дивизий в 2 линии. Дивизия получила сразу фронт в 2 400—2 500 м, между тем как до этого она ставилась, как правило, на фронт в 1 км. Далее, сражение под Камбрэ было проведено без какой-либо значительной артиллерийской подготовки и воспроизвело внезапную атаку — явление, которое до этого было совершенно неизвестно практике наступления. И наконец, в сражении под Камбрэ построение боевого порядка наступления имело в своей глубине конный корпус, которому была поставлена задача непосредственного развития прорыва германской обороны в глубину. При этом прорывающемуся первому эшелону и танкам была сразу поставлена задача в глубину на 10—12 км. В первый же день прорыва у Камбрэ, 20 ноября, первому эшелону удалось прорваться в глубину германской обороны на 9 км; при этом танки оторвались от пехоты и появились сразу в районе расположения штабов германских дивизий. 21 ноября на путях к самому городу Камбрэ опять никого не было и брешь была открыта. Конный корпус появился теперь из глубины боевого порядка наступления и начал проталкиваться в образовавшийся прорыв. Из этого, однако, ничего не вышло. Прохождение конницы через этот участок прорыва не умели организовать, не умели обеспечить, и на этом события, в сущности, замерли.

Таким образом, из двух существенных вопросов, выдвинутых условиями наступательного боя в период 1915—1916 гг., был разрешен только один. Решение заключалось в том, что танки, отрываясь от наступающего боевого порядка пехоты, почти одновременно с атакой переднего края проникли в глубину, что и вызвало под Камбрэ падение первой оборонительной полосы германцев. Однако, далее этого дело не пошло, и обстоятельство это никак не могло быть использовано, потому что организация ведения боя не стояла еще на той высоте, которая бы обеспечила прохождение конницы через образовавшуюся брешь, чтобы тактический взлом фронта превратить в прорыв.

Таким образом, 1917 г. не принес никаких оперативных результатов в области наступления. Однако, выявились,

несомненно, новые обстоятельства огромного значения, которые достаточно убедительно указывали на то, что оборона падает только в том случае, если одновременному подавлению подвергается и глубина обороны. Это выявило сражение под Камбрэ, и в этом заключается его огромное историческое значение. *Основная роль в раскрывшихся возможностях прорыва принадлежала, несомненно, танку.* Однако, само техническое средство борьбы еще не предопределяет решения вопроса, если одновременно с ним не появляется тактическое искусство и умение его применить и использовать. А это искусство находилось еще в самом зачаточном состоянии. Несмотря на то, что опыт сражения под Камбрэ указывал на обстоятельства чрезвычайно большого тактического значения стороны вступили в 1918 год, в этот год решающей схватки империалистических группировок, не сделав из этого никаких выводов. Между тем армии союзников были в 1918 г. оснащены богатейшей техникой. Они имели всего 2 100 танков и 6 268 боевых самолетов. Этой технической силе германцы могли в самый разгар борьбы — в лето 1918 г. — противопоставить только 1 700 боевых самолетов и ни одного танка. Большие сражения 1918 г. протекали, таким образом, на совершенно различной материально-технической базе борющихся сторон. Несомненно, различны были и факторы политического значения. В этих условиях обе стороны, искавшие решения войны наступлением, должны были исходить из совершенно различных материальных предпосылок.

Решение проблемы прорыва в 1918 г. представляет исключительный интерес, потому что оно было тактически достигнуто у германцев и союзников двумя различными путями.

Не имея никаких других технических средств подавления, германцы должны были всю материальную силу удара базировать на применении артиллерии. Артиллерийское насыщение достигает у них огромных размеров.

Если в 1914 г. в среднем на 1 км ударного фронта германского наступления к Марне приходилось 5 батарей, то к началу 1918 г. на 1 км фронта приходилось 40 батарей.

Если в 1914 г. одно орудие приходилось на 300 м фронта, то в 1918 г. одно орудие приходилось на 7—20 м

фронта, что давало насыщение до 140 орудий на километр фронта.

Артиллерийские массы явились основным фактором, на котором германцы строили организацию и ведение прорывов в 1918 г. Сама организация артиллерийского подавления и уничтожения легла в основу определения тактических форм наступления.

Германская инструкция, выпущенная к началу 1918 г. Людендорфом, точно устанавливала, что все наступление на укрепленную полосу делится в основном на 2 периода.

Первый период — когда пехота наступает под непосредственным прикрытием подвижной артиллерийской завесы, которая должна быть двойной, укладывая впереди разрывы огня легкой артиллерии, а позади — огонь навесных и тяжелых калибров.

Предполагалось, что глубина этого периода может простираться до 5—6 км, обеспечивая прорыв и уничтожение первой полосы обороны.

Затем следовал второй период наступления, когда бой децентрализовывался и пехота должна была по своей инициативе, получив в свое распоряжение часть артиллерии, самостоятельно продолжать наступление. Эшелонирование боевого порядка наступления получало для этого еще большее развитие. Если в 1915—1916 гг. боевой порядок наступления германцев состоял из двух линий дивизий, то в 1918 г. он состоял из трех, четырех и даже шести линий дивизий. При этом Людендорф указывал, что глубокие тактические резервы необходимы для того, чтобы парировать контрудары обороны.

Обращает на себя внимание именно это предназначение глубоких резервов — не развивать прорыв, не наращивать силу удара в глубину, а *парировать контрудары обороны.*

В организацию боевого порядка наступления проник, таким образом, определенный элемент оборонительных тенденций.

Если глубокие резервы наступления предназначались только для того, чтобы отражать контрудары обороны, то они несли в себе, в сущности, функции обороны наступления, а не развития и наращивания наступления. Это наложило отпечаток на всю тактику наступательных дей-

ствий германцев и имело чрезвычайно важные последствия для перспективы развития прорыва.

Процесс этого развития приводил к тому, что наступающий вскоре переходил к тактике обороны, и наоборот, обороняющийся — к тактике наступления. А так как глубокие резервы обороны могли совершенно свободно в большом составе стекаться к прорываемому участку фронта, в то время когда резервы наступления весьма быстро расходовались, то сражение прорыва принимало в конечном итоге явный характер наступления обороняющегося и обороны наступающего. К таким огромным противоречиям привело линейное построение наступления.

Его тактическое оформление достигло, однако, у германцев высокого уровня.

Согласно инструкции Людендорфа, дивизиям давался в наступлениях 1918 г. фронт до 2 км, причем сами они стали строиться в 2 эшелона, имея 2 полка в первой линии и 1 полк во второй линии. Эта схема боевого порядка наступления легла впоследствии в основу уставов большинства армий. Широко была использована авиация по ближним целям, полностью оправдав свое применение на поле боя для нападения на артиллерийские позиции и резервы. Как самостоятельный оперативный фактор для воздействия на оперативную глубину эта авиация применения не получила, и это обеспечило полную маневренную свободу обороне в ее глубине.

Огромный, поучительный интерес представляет собою применение германской артиллерии в прорывах 1918 года.

В этой области было, несомненно, достигнуто высокое мастерство артиллерийской школы. Беспристрелочный огонь, четкость управления, гибкость траектории и необычайная математическая точность организации огня — все это позволило построить артиллерийскую завесу, которая создала перед пехотой сплошной подвижный вал подавляющего и разрушающего огня. При этом большую эффективность показало применение химических снарядов. Практические результаты германских наступлений в 1918 г. базировались в основном на этот высокий уровень организации артиллерийского огня. Достаточно отметить, что немцы достигли в своих прорывах в первой половине 1918 г. темпов, которых не знали наступления 1916—1917 гг. Мартовский прорыв дал темп от 5 до 12 км в

сутки, а первый майский прорыв в отдельные дни даже до 20 км. При этом должно быть особо отмечено, что артиллерия достигла полного физического, разрушения и уничтожения обороны — ее укреплений, сооружений и живой силы. В майском наступлении, например, от оборонявшейся 157-й французской дивизии осталось всего 1 200 человек, от 61-й дивизии — 800, от 22-й дивизии — всего 2 роты. Чрезвычайно важно вспомнить это обстоятельство сейчас, когда в связи с танкизацией боевого порядка появляются мнения об умалении роли артиллерии. Артиллерия в большей степени, чем какое-либо другое оружие, способна на полное уничтожение и разрушение оборонительной системы, качественно усиленной укрепленными препятствиями и бетонными сооружениями.

Германские прорывы первой половины 1918 г. это полностью доказали.

Их тактические достижения были несомненны. В первых операциях прорыва 1918 г. германцы достигали тактического прорыва оборонительной полосы.

Результаты германских прорывов в 1918 г.

Наименование операции	Длительность операции в днях	Общая глубина продвижения в км	Среднее точное движение в км	Тактический результат	Оперативный результат
Операции в Пикардии	10	до 70	7	Два полных прорыва шириной в 10 и 8 км	Никакого, так как тактический успех не был оперативно развит
Операция на реке Эн	10	65	6,5	Полный прорыв шириною 15 км	

Но в тот момент, когда колоссальным напряжением тактических усилий и огромным массированием артиллерийских средств брешь в обороне противника, наконец, раскрывалась, у германцев не оказывалось никого, кто мог бы теперь в эту брешь влиться и довершить атаку оперативным развитием прорыва.

Так, часто по оперативной недальновидности предпринимаются действия, которые оказываются лишь средством и не находят оправдания, если их успехами не пользуются для достижений действительной цели операции. Разумеется, бессмысленно взламывать дверь, если через нее некому войти. Никаких эшелонов развития прорыва германское построение боевого порядка наступления не предусматривало и поэтому тактические успехи были бессильны привести к какому-либо оперативному решению.

Это решение сохранило свой ограниченный, тактический масштаб.

Но в то время, когда на германской стороне тактические успехи в наступлении были достигнуты максимальным массированием артиллерийского огня и предельной эксплуатацией его технических возможностей, в то время, когда эти успехи довели германскую пехоту до исхода ее сил, на стороне союзников решение проблемы было достигнуто совершенно иными путями, которые на новой технической базе оказались значительно легче и рентабельнее.

В известной фразе германского генерала Цвеля «Не гений маршала Фоша победил нас, а генерал Танк» имеет свой смысл лишь то обстоятельство, что в техническом вооружении боевого порядка наступления танк сыграл, несомненно, решающее значение. И это в тех условиях, когда тактика его боевого применения в 1918 г. находилась в младенческом состоянии, а сам танк обладал еще очень низкими техническими свойствами.

Танк в основном разрешил 2 задачи. Он, во-первых, победил пулю и умертвил один из важнейших факторов огня сопротивления. Он, во-вторых, соединил движение, огонь и удар в одном элементе и оказался способным нести всю сумму боевого воздействия в глубину обороны. А в разрешении этих задач заключалось, в сущности, разрешение проблемы преодоления огневого фронта.

В своем тактическом предназначении танк не представлял собой в 1918 г. средства поражения глубины обороны. В условиях империалистической войны он являлся, несомненно, в основном средством защиты наступающей пехоты. Но, обладая определенными техническими свойствами брони, огня и движения, он сам должен был раскрыть свое тактическое предназначение.

И под Камбрэ и в больших прорывах 1918 г. нельзя найти даже намека на применение танков в роли современной группы ДД. Тем не менее танки пошли уже тогда в глубину обороны, правда, незначительную, так как это было predetermined их свойством вездеходности и подвижности.

Они взрывали оборону из глубины и препятствовали ее восстановлению из глубины.

Этот фактор имел в тактическом разрезе решающее значение для успехов союзников.

Первым существенным обстоятельством в построении боевого порядка наступления англо-французов было массовое наступление танков, выявивших свою тенденцию проникновения сразу в глубину обороны.

Вторым обстоятельством было выстраивание пехоты на более широких фронтах, что обнаружилось уже в сражении под Камбрэ. Пехотная дивизия союзников получала в 1918 г., как правило, фронт наступления в 2,5—3 и даже 3,5 км.

Это избавило живую силу пехоты от напрасного сгущения и невыносимой тесноты, что вынуждалось ранее нормами артиллерийского подавления, но отнюдь не вызывалось соображениями усиления ударности пехоты. Наоборот, сгущенная на узких пространствах пехота не могла использовать своей огневой силы и значительную часть ее должна была консервировать как мертвый капитал, который представлял, однако, богатую пищу для истребляющего огня обороны. Более широкие фронты союзников в 1918 г., обусловленные оснащением их боевого порядка танками, в известной степени смягчили эти условия, хотя еще далеко не полностью разрешили проблему нормы фронтов наступления. Тенденция к эволюции этого фактора, однако, несомненно выявилась.

Третьим обстоятельством была полная внезапность и атака без артиллерийской подготовки.

В этом отношении были допущены несомненные перегибы.

Причины огромных потерь танков в прорывах 1918 г. (эти потери доходили до $\frac{2}{3}$) заключались в том, что танки должны были сами подавлять те средства обороны, которые им противостояли. В сущности, этой задачи вообще никто не выполнял. В этих условиях артиллерия обо-

роны сохраняла в борьбе с наступающими танками все преимущества. Разумеется, танк не является средством, которое может противостоять всякому оружию; такого средства подавления вообще никогда не существовало. Танк имеет серьезнейшего противника в лице артиллерии, а ныне в специальной противотанковой артиллерии.

Так же, как наступление пехоты требует предварительного подавления системы пулеметного огня, так и танковая атака требует предварительного подавления противотанковой системы.

Это указывает на новую, огромную роль артиллерии в танковой атаке, что совершенно не было учтено в 1918 г.

Танковые издержки были поэтому огромны. Тем более убедителен был, однако, опыт.

Наконец, *четвертым* существенным обстоятельством в построении боевого порядка наступления союзников было наличие в большинстве случаев за атакующей пехотой конной группы, которая как резерв наступления предназначалась не для питания и поддержки атаки на фронте, а для развития прорыва на большую глубину. Правда, это обстоятельство не сыграло никакой роли, потому что конницу не умели в прорыве применить. «В 1918 г., — пишет ген. Дюбеней, — я два раза пытался для развития большого успеха ввести крупные кавалерийские соединения в желаемое место, но, несмотря на весь их пыл, на преодоление имевшихся препятствий им понадобилось столько времени, что случай развить успех был упущен». Тем не менее этот фактор огромного значения обнаружил уже потуг, впрочем, мало осознанный, искать не только тактическое, но и оперативное решение проблемы прорыва.

Первый прорыв союзников на новых основах построения боевого порядка имел место 18 июля у Виллер-Котрэ. В этом наступлении участвовало всего около 500 танков, обеспечивших продвижение в первый же день атаки сразу на 10 км. 3-й конный корпус, сосредоточенный в глубине боевого порядка, к концу первого дня имел уже вскрытые проходы в нескольких местах прорванного фронта; он пробовал высунуться из леса, но нашел применение только двум эскадронам, и то в спешенном строю. Явный, легко достигнутый тактический успех не венчался никаким оперативным результатом.

Второй крупный танковый прорыв союзников имел место 8 августа у Амьена. В нем участвовало всего 680 танков.

В глубине боевого порядка наступления были сосредоточены конный корпус, отряд бронемашин и батальон самокатчиков. Этой группе была поставлена задача, аналогичная задаче 3-го конного корпуса под Виллер-Котрэ. Первый же день наступления дал продвижение до 12 км, а второй день в общей сумме — до 20 км.

Брешь в неприятельском фронте была полностью вскрыта. Однако, и здесь конная группа не умела в нее пролезть.

Эти сражения, в общем поколебавшие германский фронт, решили проблему прорыва в тактическом масштабе, указав действительные пути развития тактики наступления. Оперативно, однако, проблема прорыва не дала решения, оставив эту крупную задачу нашей эпохе.

Смутно предусмотренный эшелон развития прорыва не сыграл никакой роли, потому что его не умели применить и потому что по своему составу и подвижности он, очевидно, полностью не соответствовал назначению развития прорыва. Сама идея, и тем более смутно осознанная, еще ничто. Решает вопрос ее техническое оформление и практическое выполнение. Однако, до осуществления этих условий союзникам в 1918 г. было еще очень далеко.

На этом уровне завершилась эволюция тактики наступления в эпоху мировой войны.

4. Основные выводы

Выясняются основные причины безуспешности всех наступательных предприятий 1914—1918 гг. Анализируя эти причины, нужно, разумеется, прежде всего учитывать классовые противоречия империалистических армий, находившихся и на западном фронте в последние годы войны на грани разложения и перехода к войне гражданской.

В области оперативно-тактических форм наступления эти причины заключались на первых порах (до появления танка) в том, что подавление и атака обороны велись лишь на одной линии непосредственно боевого соприкосновения, оставляя глубину обороны незатронутой; и в то время, когда в эту глубину проникал боевой порядок наступле-

ния, уже в значительной степени деморализованный и ослабленный, впитавший в себя все свои эшелоны, глубокие резервы обороны, свежие и свободные в своем маневре, усиленные подошедшими оперативными резервами, могли каждый раз восстанавливать оборону из глубины, обеспечивая полное сохранение последней.

В этих условиях каждый уничтоженный на переднем крае район обороны сейчас же вновь вырастал в глубине ее.

Действия наступающего в значительной степени походили на борьбу богатыря с многоголовым драконом, у которого вместо отрубленной головы немедленно вырастает новая и который может погибнуть только тогда, когда сразу будут поражены все его 12 голов.

Боевой порядок наступления мог сразу поражать лишь передние головы обороны и на место каждой отрубленной головы в глубине вырастала новая, приводя только к общему отодвижению всей оборонительной полосы; которая в целом оставалась неумерщвленной и сохранялась. Это положение вещей изменилось лишь с появлением танков, которые, проникая сразу в глубину, лишали ее возможности восстанавливаться.

Роль танков в сражениях у Виллер-Котрэ и Амьена сказалась именно в этом, хотя проникновение их в глубину было еще совершенно незначительным. Именно в этом заключалось и решение проблемы тактического прорыва, предугадав эволюцию форм тактики наступления.

Танковые прорывы союзников в 1918 г. показали новые пути уничтожения тактической глубины обороны. 1918 год разрешил вопрос подавления огня обороны двумя основными средствами борьбы — артиллерией и танками. Но танки имели в решении этой задачи все преимущества. В то время как артиллерия решила вопрос подавления обороны на пределе своего технического напряжения, путем колоссальных затрат, большого времени и больших трудностей, танк выполнил эту задачу, израсходовав едва ли десятую долю всей той потенции, на которую он вообще в бою оказывается способным.

При этом нужно иметь в виду, что артиллерия со своей огромной разрушающей силой способна только на подавление, но она не имеет свойств атаки. Танк объединяет

в себе и огонь, и движения, и удар, и тем самым, несомненно, разрешает задачу преодоления огня современной обороны наиболее полно.

С точки зрения экономической рентабельности танк решил свою задачу наиболее дешево. По расчету Фуллера: «2½ тысячи танков, даже при потере 100%, обошлись бы дешевле, чем одна только артиллерийская подготовка третьего сражения на р. Ипр».

Наконец, танк оградил пехоту от тех невероятных потерь, которые грозят ее обескровить и сделать небоеспособной.

Если в 1917 г. овладение одной квадратной милей обороны требовало 8 200 жертв убитых и раненых, то начиная с июля 1918 г. армия союзников теряла для овладения той же квадратной милей только 86 человек.

К этим разительным цифрам нужно, несомненно, отнестись чрезвычайно осторожно. Несомненно, огромную роль сыграло здесь значительное понижение боеспособности германской армии, ее моральное разложение. Тем не менее эти факты выявляют совершенно очевидную тенденцию огромнейшего значения танкового оружия для судеб пехоты на современном поле боя.

Является очевидным, что танк стал одним из основных средств подавления, решающим на данном этапе задачу преодоления огня сопротивления¹.

¹ При такой оценке не нужно, разумеется, забывать, что вообще никогда еще не существовало оружия, которое противостояло бы всем средствам истребления обороны. И танк имеет, несомненно, своих врагов. Во-первых, в последнее время опытные данные говорят о новой ультра-пуле, способной пробивать броню толщиной до 20 и больше миллиметров. Эти результаты сохраняют пока, очевидно, опытно-исследовательский характер, и, разумеется, на долгое время танк останется защищенным от пули и полным победителем ее.

Иначе дело обстоит, однако, с артиллерией. Результаты сражения 8 августа, когда из 650 танков было расстреляно 480, говорят о не слишком благоприятной перспективе состязания танков с артиллерией. Это обстоятельство ни в какой степени нельзя недооценивать. Оно говорит о колоссальном возрастании роли современной артиллерии. Не может быть никакой речи о том, чтобы значение этого рода оружия в какой бы то ни было степени ослабло или пало. Но суть вопроса заключается в том, что от артиллерии требуется сейчас выполнение задач более трудных, предъявляющих к ней более высокие требования. Если при атаке живой силы основной задачей артиллерии было по-

Оперативного результата танковые атаки в 1918 г. не имели. Причина этого заключалась в том, что в боевом порядке наступления не было предусмотрено таких эшелонов развития прорыва, которые, обладая большой вездеходностью и подвижностью, могли бы непосредственно развивать удар в глубину, в открытое маневренное поле за оборонительную систему и доводить тактический прорыв до полного разгрома и сокрушения фронта.

Танк 1918 г. по своим техническим свойствам в известной степени уже соответствовал этому назначению; однако, военно-теоретический консерватизм был далек от понимания этого требования.

Если бы даже искусство организации наступательного боя предусматривало соответствующий состав эшелонов развития прорыва и обеспечило их прохождение через открывшиеся ворота, то вряд ли это привело бы к конечной цели сокрушения фронта, ибо вся оперативная глубина обороны, ничем не скованная и свободная в своем маневре, могла встретить прорвавшиеся части вновь сосредоточенными глубокими резервами.

Вопрос об одновременном сковывании всей оперативной глубины и изолировании участка прорыва, дабы воспретить сосредоточение к нему глубоких резервов обороны, вовсе не возникал. В этом отношении от авиации не было потребовано то, на что она уже в 1918 г. была в известной мере способна.

В итоге сущность вопроса сводится к тому, что наступательный бой эпохи мировой войны велся, как правило, только на одной линии непосредственного боевого соприкосновения, не затрагивая глубины обороны. Тактическое эшелонирование было предназначено только для того, чтобы питать и восстанавливать атакующие части. Появление танков изменило это положение вещей. Однако, глубокое эшелонирование для развития прорыва было у союзников

давление и разрушение системы пулеметного огня, то сейчас при атаке танков основной задачей артиллерии становится подавление и разрушение артиллерийской системы противотанковой обороны. Если это не будет достигнуто и не будет разрешено, то танки при атаке должны, несомненно, терпеть огромные потери, которые могут вообще свести на-нет танковую атаку и парализовать все наступательное предприятие глубокого боя. — Г. И.

предусмотрено лишь в самом зачаточном виде и никакой роли не сыграло.

К тому же оборона сохраняла в своей оперативной глубине полную свободу сосредоточения свежих резервов.

В общем преобладающим фактором в характеристике наступательного боя эпохи мировой войны было то, что этот бой велся в основном только на одной линии непосредственного боевого соприкосновения, являясь в этом смысле *линейным боем*. Глубокое эшелонирование боевого порядка не может изменить этого определения, ибо глубокие эшелоны наступления предназначались лишь для того, чтобы питать передовую линию боя.

Анализ характера линейного боя в свете эволюции его форм в мировую войну непосредственно выдвигает предпосылки новых основ наступательного боя.

Выдвигаются четыре основных обязательных условия, без которых, по опыту мировой войны, ведение наступательного боя не может разрешить стоящих перед ним задач.

Первое условие. Необходимо такое средство подавления, которое было бы способно преодолеть основной фактор огня обороны, т. е. пулю. Это средство должно быть настолько подвижным, чтобы быть способным итти сразу в глубину обороны, неся с собой огонь и удар. Это средство должно быть массировано в такой норме, чтобы обеспечить на соответствующем протяжении фронта решение задачи на всю глубину.

Это условие вплотную подводит нас к проблеме танкизации современного боевого порядка наступления. Если в прошлом пришлось большой кровью доказать, что ни одна атака невозможна без предварительной артиллерийской подготовки, то нужно сейчас без лишних жертв в будущем уяснить, что современное наступление невозможно без такого оружия, которое способно противостоять пуле, преодолеть пулю, итти на нее, нести с собою огонь и возможность непосредственного уничтожения силой своей материальной тяжести как новым видом атаки и удара. Это оружие есть танк.

Второе условие. Необходимо при организации наступательного боя поражать и сковывать своими средствами подавления всю тактическую глубину обороны одновременно. Если это одновременно не делается, то на месте уничтоженных районов обороны вырастают новые районы со-

противления из глубины, что уподобляет наступление борьбе с оборонительной полосой, которая непрерывно восстанавливается и бесконечно живуча. Это сводит наступление к напрасной затрате сил и средств. Если всю глубину сопротивления одновременно не сковать, то решение задачи прорыва вообще невозможно. Это обстоятельство является непреложным и решающим в тактике современного наступательного боя.

Третье условие. В глубине построения боевого порядка наступления нужно иметь наготове такой оперативный эшелон, который был бы способен немедленно же после тактического прорыва обороны врываться в ее глубину и тактические достижения превращать в крупный решающий оперативный результат, доводя его до полного уничтожения и сокрушения противостоящего сопротивления в оперативном масштабе. Если такого эшелона развития прорыва не будет, то и одновременное сковывание всей тактической глубины и тактические успехи прорыва обороны могут привести не больше, как к мешкообразному расширению фронта прорыва, являющемуся более благоприятным для обороняющегося, чем для наступающего.

Все огромное напряжение сил и средств останется в этом случае напрасным. Это обстоятельство является непреложным и решающим в операции современного прорыва. При этом эшелоны развития прорыва должны обладать другими тактическими свойствами, чем эшелоны, непосредственно атакующие оборону. Они должны быть быстрее последних. Разумеется, их задачу могут выполнить только мото-механизированные соединения и механизированная конница.

Четвертое условие. Даже если все три первые условия будут соблюдены, они все же могут оказаться не достигающими своего назначения, если прорываемый участок не будет полностью изолирован от стратегической и оперативной глубины обороны.

Если это не будет достигнуто, противник, имея всегда наготове глубокие резервы, бросит их к прорванному участку обороны и встретит выброшенный эшелон наступающего новым фронтом огня. Это сведет на-нет развитие прорыва и приведет к тому, что наступающий вскоре перейдет к обороне, а обороняющийся перейдет к тактике наступления. Совершенно необходимая изоляция прорываемого

мого фронта должна быть возложена на авиацию дальнего действия с назначением закрыть резервам противника доступ к атакуемому участку фронта. Эта авиация должна встретить и атаковать подходящие резервы обороны на большой глубине и не дать им подойти к линии фронта наземной борьбы.

Становится очевидным, что без соблюдения этих четырех условий разрешение проблемы современного прорыва в оперативно-тактическом разрезе вообще невозможно.

Сущность проблемы развития тактики наступления сводится, таким образом, к тому, что от линейного боя, который в эпоху мировой войны велся только на одной линии непосредственного боевого соприкосновения, необходимо перейти к глубокому бою, который одновременно ведется на нескольких линиях, ярусах тактической и оперативной глубины, поражая ее одновременно. Это дает нам право определить характер новой тактики как *тактики глубокой*, имеющей существенное и принципиальное отличие от старой тактики линейного боевого порядка.

При этом проблема заключается не только в том, что новая материальная база и новые технические средства подавления позволяют поражать всю глубину обороны. Это только одна сторона вопроса с точки зрения технической базы. Исторически и теоретически суть проблемы заключается в том, что без перехода к новым формам глубокого боя решение задачи наступления *вообще невозможно*. Глубокая тактика является на современном этапе не только возможной формой боя, но обязательной, необходимой и неизбежной, без которой решение задачи прорыва не может рассчитывать на успех.

Таким образом, рассмотрение развития тактики наступления в эпоху мировой войны приводит нас к совершенно определенным предпосылкам, обусловившим построение основ нового глубокого боя.

Исторически вопрос о глубоком бое был впервые поставлен Фуллером. В предвидении решительного наступления в 1919 г. (Антанта не рассчитывала на победоносное окончание войны в 1918 г.) Фуллер предложил тогда одновременно с танковой атакой переднего края обороны организовать и нападение быстроходных танков на глубину тактической обороны. Правда, понятие танковой группы дальнего действия не было оформлено, хотя все тактические

предпосылки в выдвинутом предложении уже имелись. Однако, теоретические взгляды Фуллера на этом остановились. Условия развития буржуазной военной теории заставили Фуллера совершенно отказаться от массовости и перейти к теории малых профессиональных армий, для которых проблема наступления ставится вообще в совершенно другом разрезе. Эта теория, отражающая классовый характер империалистической системы, находится в явном противоречии с действительностью подготовки будущей войны. Глубокий бой для Фуллера не является боем объединенных родов войск. То, что Фуллер понимает под глубоким боем, является концепцией совершенно иного порядка, чем то, что под этим понятием понимаем мы. Для нас глубокий бой остается боем объединенных родов войск, и, разумеется, точка зрения Фуллера, что «соединить танки с пехотой равносильно тому, что трактор запрячь в пару с ломовой лошастью», является совершенно неприемлемой. Пехота никогда не станет для нас ломовой лошастью и сохраняет и в современном боевом порядке наступления значение основного фактора.

В иностранной буржуазной литературе мы не находим той концепции глубокого боя, которая уже легла в основу нашей тактики. Иностранные уставы вообще не содержат указаний о глубоком бое в нашем понимании одновременного подавления всей глубины, и наши уставные положения в этом отношении далеко заглянули вперед, являясь наиболее передовыми.

Огромной работой в области теоретического исследования и опытного изыскания новых форм боя мы положили начало основам современной глубокой тактики.

Формы глубокого боя придают боевому порядку новую силу преодоления и уничтожения огневого фронта; они создают верные и прочные тактические основания для проведения самых решительных операций с самым решающим исходом, какие когда-либо знала военная история. На этих тактических основах широкие маневренные операции нашей армии должны рассчитывать на самые решительные результаты, а фронтальные операции против установившегося фронта — на его полный пролом и сокрушение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глубокий бой и глубокая операция, как новые формы применения современных средств борьбы, обращены своим острием против огневого фронта.

Их основное назначение заключается в том, чтобы ломать и сокрушать этот фронт на всю глубину.

Безотносительно к тому, встречен ли фронт на марше-подходе, был ли он противопоставлен обходному маневру или образован противником сразу при переходе к обороне, — преодоление и сокрушение любого сопротивления являются основной задачей, которую призваны решать формы глубокого поражения и которая вызвала их к жизни на современном этапе.

Основным и решающим условием преодоления и сокрушения сопротивления в любом его виде и характере является *пробивная сила удара*, которую несут в себе глубокие формы борьбы.

Было бы, однако, ошибочно полагать, что новые формы борьбы уже по одним своим внутренним свойствам непосредственно определяют возможность преодоления любого сопротивления и автоматически несут в себе способность решить эту задачу в любых условиях.

Современные средства борьбы обладают большими наступательными возможностями; они несут в себе несомненные предпосылки пробивной силы. Однако, сами по себе они еще непосредственно не обеспечивают ее без массового, концентрированного применения на основах сосредоточения подавляющего превосходства на избранных направлениях удара.

Без явного и решающего превосходства на направлении главного удара не решается ни одна наступательная задача.

Чем больше становится сила огня и возможности обороны, — а рост этих факторов является закономерным для исторического развития условий вооруженной борьбы, —

тем большее значение приобретают мощь и превосходство главного удара.

Проблема главного удара и ударных группировок никогда еще не приобретала столь большого значения для судеб наступательных операций, как в современных условиях.

Достигнут ли наступательные операции глубокого наступательного развития или завязнут в неподвижном фронте — всецело зависит от ее разрешения.

Можно со всей очевидностью предвидеть, что всякая операция, начатая и веденная с недостаточными силами и средствами, быстро придет к застою.

А каждое завязшее наступление является шагом к установлению позиционного фронта борьбы.

Поэтому всякие разговоры о возможности разрежения фронтов, об уменьшении плотности сосредоточения, о большей целесообразности ведения операций отдельными комбинированными ударами на разных направлениях идут вразрез с современными условиями борьбы.

Если мотивами таких суждений приводят силу современных средств борьбы, то это кажется наименее правильной и опасной оценкой их роли и значения.

Современные технические средства борьбы повышают способность удара, т. е. дают новое качество его пробивной силе в глубину; они, однако, отнюдь не обуславливают возможности удара на более широком фронте.

Что же касается комбинации отдельных ударов, наносимых на различных направлениях, — то это есть вообще вопрос плотности развертывания и в такой отвлеченной постановке вопроса является по меньшей мере историческим анахронизмом.

Ведение операций на театре военных действий отдельными группами на различных направлениях было возможно в эпоху Молотке.

Разумеется, и сейчас на отдельных театрах, где сплошное развертывание невозможно, комбинация таких операций будет неизбежна.

Тем большее значение для каждой из них приобретает массирование удара на определенном направлении.

Однако, на главных театрах армии будут, видимо, развернуты сплошным фронтом. Комбинация отдельных операций может в этих условиях стать возможной в ходе их развития в глубину.

С исходного положения операции на театре военных действий неизбежно примут характер выступления сомкнутой оперативной фаланги, имеющей на избранных направлениях свои ударные группировки.

Если эта фаланга на определенных главных направлениях не будет представлять собою мощных ударных группировок, способных преодолеть и снести любое встреченное сопротивление, — то наступление неизбежно застынет в бессилии отдельных, ничего не могущих решить, ударов.

Кто хочет операциям современной войны обеспечить глубокое наступательное развитие, — тот должен прежде всего позаботиться о сосредоточении подавляющего превосходства сил и средств для удара. Состав этих сил и средств никогда не может считаться достаточным.

Именно поэтому второстепенные направления не должны активизироваться выделением на них сил и средств, все равно недостаточных для наступления, но вместе с тем всегда слишком сильных для обороны. Их будет не хватать на направлении главного удара. Но они ничего не смогут решить на второстепенном направлении.

Всякое новое соединение, примененное на направлении главного удара, есть фактор победы; но оставленное на второстепенном направлении оно приводит к ослаблению общего удара.

Ударные группировки имеют свою большую поучительную историю и претерпели особенно резкие изменения в мировую войну 1914—1918 гг.

Ударная группировка германцев при развертывании на западном фронте в 1914 г. включала $\frac{2}{3}$ всех развернутых против Франции сил (всего 35 корпусов и 10 кав. дивизий) и состояла из 26 корпусов и 9 кав. дивизий.

При этом заходящее правое ударное крыло развернулось в составе 37 пехотных и 6 кав. дивизий на фронте 80 км, что составляет 2,1 км на 1 пех. дивизию.

Чем больше возрастала сила сопротивления, тем сильнее и плотнее становились ударные группировки.

Последующие годы мировой войны вызвали огромный рост ударных группировок и плотности их сосредоточения.

Там, где на фронте в 80 км в 1914 г. наступало 37 пех. дивизий, 6 кавалерийских дивизий, 1 572 орудия и 180 самолетов, — в 1918 г. наступало 75 пехотных дивизий, 6 800 орудий и 1 000 самолетов. Такова история вопроса.

Никто не может утверждать, что такие колоссальные сосредоточения не потребуются и в будущем.

Если бы недостаточное обеспечение пробивной силы удара и развитие новых возможностей обороны привели наступательную операцию к застою, — исторический ход событий потребовал бы и большего сосредоточения сил и средств.

Однако, суть вопроса заключается в том, что такое сосредоточение возможно только в состоянии неподвижного положения фронта против фронта и невозможно в состоянии наступательного движения операции.

Массу в 75 пехотных дивизий невозможно на фронте в 80 км непрерывно двигать вперед.

Состав современных ударных группировок должен исходить из возможности непрерывного вынесения своих усилий в пространстве вперед.

Это условие, наравне с требованиями пробивной силы удара, должно в каждом отдельном случае определять состав сил и средств.

Два фактора — подвижность и пробивная сила удара — могут в определенных условиях притти в противоречие. И в этом заключаются неизбежные трения в разрешении этой кардинальной проблемы.

Видимо, не удастся сразу привести в движение такую массу сил и средств, которая на определенном этапе развития операции может потребоваться для пробивной силы удара.

И это еще раз возвращает нас к проблеме глубокого эшелонирования оперативных усилий, наращивающих удар из глубины притоком новых сил и средств.

Наличие большой массы резервов, в том числе танковых и артиллерийских, и глубокое эшелонирование усилий являются в известной степени основой глубокой стратегии.

Решает пробивная сила удара.

Она является основным фактором, определяющим возможности глубокой операции и перспективы ее наступательного развития на всю глубину театра военных действий.

Преодоление этой глубины неизбежно потребует огромного напряжения.

Совершенно очевидно, что при современных масштабах вооруженной борьбы одна операция даже с самым реши-

тельным исходом не разрешает еще целей вооруженной борьбы. В одной-двух операциях противник не может быть сейчас уничтожен в такой степени, чтобы он оказался вынужденным прекратить борьбу.

Будущая война с ее решительными целями заставит каждую сторону исчерпать все свои силы и возможности до конца.

Борьба не сможет быть разрешена одним молниеносным ударом. Такое представление противоречило бы всему характеру будущей войны. На это очень трезво указывал тов. Фрунзе. Он говорит:

«...когда дело дойдет до серьезного столкновения, то вряд ли оно сможет окончиться в короткий промежуток времени нанесением одного сокрушительного удара».

Чередуя один удар за другим, придется пройти через целый ряд напряженных этапов борьбы, прежде чем будет достигнута конечная цель общего разгрома противника.

Этот напряженный путь до конечной победы таит в себе еще много неисследованных проблем.

Раскрытие характера развития гигантской борьбы на всю глубину является сложной задачей стратегического исследования. Эта задача еще никогда не разрешалась правильно в прошлом.

Еще более сложной и грандиозной кажется она сейчас.

Под бременем необъятных проблем будущей войны Кюльман даже пишет: «Будущую войну придется скорее вести так, как это возможно, чем так, как этого желают».

Но ясность и целеустремленность борьбы не терпят такой постановки вопроса. Грандиозное, всемирно-историческое значение всякой навязанной нам войны обязывает вести ее так, как этого требуют величайшие цели нашей политики.

Перед нашим стратегическим учением стоит поэтому огромная задача углубленного исследования характера будущей войны.

Один основной вопрос стоит в центре этого исследования: каков будет на театре военных действий характер операций современной войны в отношении их маневренного развития вплоть до достижения конечной цели?

Глубокая операция несет в своих недрах сокрушительный маневр, выносимый в глубину. Но сможет ли она на всю глубину театра военных действий обеспечить маневрен-

ное развитие борьбы в одном всеподавляющем наступательном движении?

Не придет ли она в конечном счете к застою, как это случилось в мировую войну 1914—1918 гг.?

О позиционных формах войны говорят с отвращением и со страхом. От них отрешиваются, как от своего рода «военной чумы».

Война будет или должна быть маневренной. Таково предсказание или желание, которое считают условием, не подлежащим изменению.

Однако, одна догма о маневренном характере будущей войны ничего не может разрешить в этой грандиозной проблеме; вернее, она скорее всего приведет к позиционной войне.

Если борющиеся стороны в мировую войну 1914—1918 гг. застыли в продолжение долгих лет на протяжении многих сотен километров в косных формах окопной войны, — то от этого факта нельзя так легко отвернуться.

Позиционная борьба была грандиозным и жестоким проявлением форм мировой войны. Это явление было не случайно; оно было обусловлено целым рядом факторов и постольку — закономерно.

Именно это обстоятельство склонны сейчас рассматривать, как утратившее свое значение на современном этапе.

И в этом заключается отсутствие трезвого критического подхода к оценке условий современной борьбы.

Взросшая численность современных армий, укрепленные на большом протяжении границы и большие возможности обороны не могут исключить создания сплошного укрепленного фронта, а во многих случаях, наоборот, предопределяют его возникновение.

Предпосылки противопоставления сплошного укрепленного фронта в современных условиях отнюдь не исчезли; они скорее даже возросли.

Фронты будут и прорывать их придется.

Но значит ли это, что позиционный характер будущей войны предопределен и что маневренная война невозможна?

Отнюдь нет и ни в какой степени.

В постановке вопроса о маневренной войне допускают часто большую диалектическую погрешность.

Если изменились все условия вооруженной борьбы, то изменилось и содержание ее маневренного характера. Су-

щество маневренных действий естественно видоизменяется с изменением условий борьбы.

Никакое явление нельзя рассматривать в статике и неизменности его форм.

Маневренность в современных условиях не может быть тем, чем она была в 1914 г. Она обуславливается сейчас другой материальной базой и разворачивается на другом оперативном фоне.

Исходить сейчас в постановке вопроса о маневренном характере войны из признаков пустых пространств и свободы маневра невозможно и неверно; ибо сколько-нибудь значительных пустых пространств на будущих театрах военных действий, видимо, не окажется.

Не будет, значит, и условий для свободного развития длительного маневра в формах 1914 г.

Поэтому противопоставление понятий фронтальности и маневренности, как взаимно исключающих, является для современных условий неверным.

Маневренный характер войны нельзя себе сейчас представлять как развитие свободного маневра на незанятом пространстве в одном непрерывном обходном движении от Рейна до Марны или от Двины до Вислы.

Такое развитие операций, в ходе которых сначала разыгрывается пограничное сражение, а потом армии относительно свободно проходят огромное расстояние в 400—600 км, едва ли возможно в современных условиях.

Драться и преодолевать сопротивление противника придется ныне на всей глубине наступательного движения.

В этих условиях маневренное развитие операции станет на театре военных действий возможным только в том случае, если оказываемое на всей глубине сопротивление противника будет каждый раз и во всех случаях сломлено и уничтожено.

Часто это сопротивление будет представлять собою сплошной укрепленный фронт. Однако, позиционная борьба зависит в основном не от возможности противопоставления укрепленного фронта обороне, ибо возникновение его на определенном этапе развития событий, а возможно, и в самом начале их, всегда вероятно; она зависит в основном от возможностей и перспектив наступательного удара.

Если наступательный удар будет каждый раз способен преодолеть любое встреченное сопротивление, — операции

получат в общем непрерывное наступательное движение вперед и примут на данном театре военных действий маневренный характер.

Возможности маневренного развития операций зависят сейчас не столько от быстроты удара, сколько от силы удара. Сила удара, лежащая в основе глубоких форм борьбы, является поэтому основным фактором.

Суть вопроса заключается в том, что, ломая любое противопоставленное сопротивление, глубокая операция выносит свои усилия в глубину и здесь, метая уничтожающие удары, действительно сулит развернуть такие маневренные действия, которых не знала еще история прошлых войн.

Если, таким образом, операции мировой войны развернули картину сначала большого обходного маневра, а затем позиционного фронта, к тому же безнадежного в смысле его полного преодоления, — то глубокие операции современной войны разовьются, видимо, по линии сначала преодоления противопоставленного сопротивления, а вслед затем — развития широких маневренных действий в глубину.

Ход вооруженной борьбы меняется, таким образом, по сравнению с 1914 г. в обратном порядке его последовательного развития.

Это нельзя, однако, представлять себе в таком упрощенном виде.

Преодоление одного противопоставленного фронта и развитие маневренных действий в глубину не могут сразу решить исход вооруженной борьбы.

Усилия, вынесенные в глубину, вскоре встретят новое сопротивление в виде встречного контрудара или нового фронта, организованного в глубине.

Кроме того, начальный период войны предоставит несомненные возможности для широких маневренных действий. Он обуславливает, таким образом, маневренный пролог к разворачиванию вооруженной борьбы.

Этот пролог не может быть, однако, слишком длительным. А разгон для действий быстроподвижных соединений (мехвойск, конницы и мотовойск) также не будет, видимо, слишком велик.

Маневренные действия с исходного положения очевидно скоро набегут на занятый фронт и тогда скорость должна будет уступить место силе.

Наконец, несмотря на всю ограниченность условий в про-

странстве, отнюдь нельзя считать исключенным возможности обходных маневренных движений; их ни в коем случае нельзя упускать из виду; от них ни в коем случае нельзя отказываться.

Каждая из этих возможностей должна быть исчерпана со всей полнотой предоставляемых условий, со всей определенностью и решительностью.

Отказ в начале борьбы от развития обходных маневренных операций — там, где они предоставляются условиями разворачивания, — было бы доктринерским пренебрежением теми возможностями, которые исторические условия еще сохранили.

Однако, суть вопроса заключается в том, что раньше или позже, — а в современных условиях скорее раньше, — обходный маневр все же встретит фронтально противопоставленное сопротивление, которое надо будет ломать и сокращать, чтобы вновь обрести возможность маневра.

Таким образом, и в этом случае ход событий войдет в некое общее русло их развития на театре военных действий.

Можно представлять себе, примерно, следующую последовательность течения этих событий:

1 маневренные действия вторжения в начальный период войны;

2 преодоление противопоставленного сопротивления;

3 развитие маневренных действий в глубину;

4 встреча нового сопротивления в глубине.

Затем опять новое преодоление противопоставленного сопротивления и возобновление нового тура действий, примерно, в том же чередовании их этапов и т. д. на всю глубину наступления, вплоть до достижения конечной цели.

Разумеется, на каждом этапе развития операций отдельным соединениям будут в определенных пределах представлены подчас большие маневренные возможности. Однако, во всем оперативном масштабе ход событий на театре военных действий будет, видимо, с теми или иными отклонениями подчинен общей закономерности их развития в глубину.

И именно в таком развитии операций следует усматривать маневренный характер современной войны.

Современная маневренность развивается на базе фронтальности.

В этом заключается ее принципиальное отличие от маневренности прошлого.

Современный маневр лежит в основном не перед фронтом (как это во времени и пространстве было в мировую войну), а позади фронта и в его глубине.

Так сквозь завуалированную завесу вырисовываются контуры возможного развития операций будущей войны.

И становится очевидным, что только на основах пробивной силы глубокого удара эти операции обретут новый маневренный характер своего наступательного продвижения вперед, вплоть до достижения конечной цели.

Следует, однако, иметь в виду, что в грандиозной, длительной войне формы борьбы не могут развиваться по одной линии.

Борьба, как жестокое столкновение двух сил, неизбежно порождает новые условия и новые формы.

Империалистические армии вступили в мировую войну с тактикой линейного боя; они закончили ее с тактикой группового боя, впрочем, не найдя тех способов ведения военных действий, которые необходимы были в условиях 1918 г.

Современный бой и современная операция развернутся видимо на основах глубоких форм борьбы с той или иной полнотой их осуществления.

Однако, нужно быть достаточно дальновидным, чтобы в ходе борьбы немедленно вскрыть все новые условия и смело пойти по линии дальнейшего развития и изменения форм ведения военных действий, когда этого потребует изменившаяся обстановка.

Ясно лишь одно: *на современном этапе формы глубокого боя и глубокой операций исторически закономерны и постольку, — необходимы и неизбежны.*

Изучение большинства безуспешных операций прошлых войн показывает, что крупнейшие ошибки командования вызывались часто не плохим знанием военного дела, а незнанием с общим ходом исторического развития военного искусства и применением вследствие этого отживших методов и форм вооруженной борьбы.

Линейные формы операций отжили, и крупнейшие ошибки будут неизбежны при попытке их воскресить в совершенно изменившихся исторических условиях наступившей эпохи

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие автора ко второму изданию	3
Предисловие автора к первому изданию	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Оперативное наследие прошлого

1. Пути развития нашего оперативного искусства	9
2. Эволюция оперативного искусства до мировой войны	18
3. Эволюция оперативного искусства в мировую войну	29

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Обоснование глубокой стратегии

1. Основы нашего оперативного искусства	49
2. Эволюция характера операций будущей войны	54
3. Соотношение средств наступления и обороны на современном этапе	62
4. Глубокое оперативное построение наступления	68
5. Глубокое вступление в современную операцию	75
6. Глубокий прорыв и сокрушение фронта	82
7. Искусство управления глубокой операцией	89
8. От теории к практике глубокой операции	95

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Исторические корни современных форм боя

1. Состояние тактики до мировой войны	99
2. Кризис тактики наступления	106
3. Выход из кризиса	117
4. Основные выводы	126
Заключение	134

Редактор полковник *Рошковский*
и полковник *Шебалин*
Технич. редактор *М. Стрельникова*
Корректоры *М. Низинская*
и *З. Гальперина*
Художник *Иванов*
Выпускающий *Б. Астафьев*

Сдано в производство 4.1.37
Подписано к печати 22.3.37
Формат бумаги 82×110/32
Объем 9 п. л. 7,4 авт. л.
В бум. листе 134.400 знаков

Уполн. Главлита Г—7095 Изд. № 481 Зак. № 8 Тираж 15.000 экз.

Цена книги 1 руб. 75 коп., переплета 1 р. 25 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината

Переплетные материалы Шелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государств. военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.